

The Don Juan Papers

Further Castaneda Controversies

Edited by
Richard de Mille

QVOVSQVE TANDEM ABVTERE
CASTANEDA PATIENTIA NOSTRA

WADSWORTH PUBLISHING COMPANY
Belmont, California

РИЧАРД ДЕ МИЛЛЬ

ЗАПИСКИ О ДОНІЕ ХУАНІЕ

I

«СОФИЯ», КИЕВ
1996

Перевод:

В. Ижакевич, Я. Жук, К. Семенов,
В. Трилис, С. Чурюмов, Н. Шпет

Редактор:

И. Старых

Суперобложка:

Е. Ющенко
С. Михай

Ричард де Милль. Записки о доне Хуане. Книга I.

Пер. с англ. — К.: «София», Ltd. 1996. — 288 с.

Всем, кто любит книги Карлоса Кастанеды, будет интересно узнать различные подробности его жизни. В «Записках о доне Хуане» представлена научная (и ненаучная тоже) полемика, развернувшаяся вокруг книг Кастанеды и его личности.

Но те, кто принял идеи дона Хуана, ищут решения духовных проблем, а не научных классификаций.

Мы думаем, что критические замечания и разоблачения, содержащиеся в статьях сборника, не только не ослабят интереса к книгам Кастанеды, но еще больше усилят его. Возможно, «Контрверсия» поможет поклонникам Кастанеды увидеть новые аспекты его работ и, наряду с множеством измерений, которые его книги открывают читателю, обрести новые.

Каким-то образом все эти научные и прочие «доказательства» Великой Мистификации ничуть не снижают доверия к Карлосу Кастанеде — скорее, укрепляют его.

Учение дона Хуана навсегда сохранит свою привлекательность и воздействие на все новые поколения тех, кто становится на *Путь Знания*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ СТАТЕЙ ПО ПОВОДУ Карлоса Кастанеды.....	7
Что говорят о «Записках о доне Хуане» критики и ученые:.....	15
Введение	18
Предисловие	21

Часть 1

ПРИМАНКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

1 Ричард де Милль Искусство выслеживания Кастанеды	28
2 Ричард де Милль Шаман от Академии.	35
3 Мэри Дуглас Подлинность Кастанеды	45
4 Джейн Холден Келли Путь розыгрыша племени яки	54
5 Ганс Зебальд Жареные кролики, туляремия, лев, ведьма и рогатые лягушки.....	56
6 Ричард де Милль Валидность и аутентичность — различение двух компонентов истины	64
7 Ричард де Милль Этнометодоаллегоризм: гарфинкелизация посреди пустыни.....	103
11 Ричард де Милль Когда белое называют черным	138

12	Ричард де Милль	
	Uclanthropus Piltunides Castanedaе.....	151
13	Ричард де Милль	
	Сонорагейт, или Сказки о Глупости.....	162

Часть II

ОСКОРБЛЕНИЕ И СПОР

14	Агехананга Бхарати	
	Кастанеда и его апологеты:	
	Двойная Мистическая Фантазия	199
21	Кеннет Миноуг	
	Гуру	206
22	Стивен О. Мюррей	
	Невидимость ученой усмешки.....	231

Часть III

УВЛЕЧЕННЫЕ СОЮЗНИКОМ

23	Пол Райсман	
	Фантастика искусства и науки или существует ли	
	на самом деле дон Хуан?	240
24	Ричард Рейхбарт	
	Кастанеда и парапсихология	255
25	Нейл Эриксон	
	Семь лет с доном Хуаном	266
26	Ричард де Милль	
	Расскажите это толтекам	279

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ СТАТЕЙ ПО ПОВОДУ

Карлоса Кастанеды

*Внимай правды от всякого
(Талмуд)*

Книги Карлоса Кастанеды вызвали громадный интерес во всем мире и стали бестселлерами не только с точки зрения их популярности у простых читателей, но и с точки зрения объема критической, как положительной, так и отрицательной литературы, написанной по их поводу. В данном сборнике в основном представлены критические статьи, авторы которых хотят указать на противоречия, несообразности или даже на некомпетентность Кастанеды во многих вопросах, поднимаемых и рассматриваемых им в своих книгах.

Поскольку книги Кастанеды были написаны в жанре полевых записей, как имитация работы антрополога или этнографа в экспедиции, и производили впечатление чего-то реально происходившего в действительности, то по крайней мере некоторые антропологи из-за особой установки, названной этнометодологией (в статьях сборника имеются ссылки на нее) и получившей некоторое распространение среди американских гуманитариев, неосознанно отнесли книги Кастанеды к категории

валидно-аутентичных. На этой волне К.К., соответствующим образом оформив часть своих сочинений, а именно «Путешествие в Икстлан», защитил докторскую диссертацию.

Однако те, кто критиковал этнометодологию, считали, что материал, представленный К.К., не соответствует диссертационным требованиям. На этой почве возникли научные разборки, которые стимулировали методологические разработки, направленные на анализ тонких моментов человеческого познания.

Ричард де Милль, написавший несколько критических статей против К.К., помещенных в этот сборник, развил замечательную теорию категорий истинности, согласно которой истина характеризуется двумя параметрами — валидностью и аутентичностью, так что вместе со своими отрицаниями — невалидностью и неаутентичностью — они порождают категориальную сеть, ячейки которой соответствуют различным ситуациям передачи сообщения. Аутентичная информация отражает то, что было на самом деле, валидная информация отражает то, что обладает ценностью. Ричард де Милль подробно рассматривает все ситуации и в результате анализа относит книги Кастанеды, по крайней мере первые, к категории валидно-неаутентичных, что, по нашему мнению, не снижает их оперативную ценность, а лишь помещает их в определенную гносеологическую ячейку.

Вполне вероятно, что есть люди, которые могут сказать: «Зачем нам все эти научные абстракции, дефиниции и рефлексии? Кастанеда предоставил нам замечательное *сновидение*, и это хорошо само по себе. Мы находимся в этом *сновидении* и не видим смысла менять его на что-то другое». Однако нашлись люди, которые решили пойти глубже и рассмотреть более тонкие нюансы взаимодействия человека с информацией. Здесь бы не мешало дать определение информации, но мы будем исходить из предположения, что в данном случае вполне достаточно того размытого понятия, которое ассоциируется у того или иного человека с этим словом.

Более или менее схематично об этом взаимодействии можно сказать следующим образом. Существует не одна познавательная ситуация, в которой возникает информационный по-

ток, а по крайней мере четыре. Если обозначить познающего буквой S, а познаваемое буквой O (за чем скрываются термины «субъект» и «объект» и что вовсе не исчерпывает структуру познавательной ситуации), то возможны варианты SO, OS, SS, OO.

Ситуация SO реализуется в человеческой практике, упрощенно говоря, как активное познание природы, которое, в частности, требует развития воли, и такое развитие становится одной из социальных программ, которые общество внушает своим членам, — отсюда широко распространенные призывы развивать волю.

Ситуация OS соотносится с пассивным воздействием объекта на познающего (это другое название для активности объекта) — иными словами, мир заставляет человека изменяться, и здесь возможны другие программы, — программы, связанные со способностью воспринимать, для чего надо стать пассивным и расслабленным, — отсюда появляется требование развивать восприятие.

Ситуация SS связана со взаимодействием людей между собой. Здесь легко впасть в заблуждение (и громадное число людей, в том числе и ученых, сразу и автоматически в него впадают), что эта ситуация по своей сути ничем не отличается от двух предыдущих или, по крайней мере, от первой из них. Слабый намек на то, что это не так, можно получить, сравнивая случай, когда в зеркале отражается какой-то случайный предмет, со случаем, когда в зеркале отражается другое зеркало. Склонность воспринимать эту ситуацию как первую приводит к тому, что люди считают других людей такими же, как они сами, и поэтому, сталкиваясь с непониманием, удивляются и возмущаются, а затем переходят к навязыванию своего мнения и своей воли.

Лишь с трудом психология, социология, антропология и другие гуманитарные науки начали подходить к изучению этой ситуации, к этому-то и относится упоминаемая в статьях сборника в критическом духе этнометодология, пытающаяся разобраться в отношениях носителя народной культуры и антрополога и отделить то, что понимает под своим сообщением первый, от того, как это сообщение понимает второй, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возможно, в науке эти

последствия сведутся лишь к недостоверности полученных результатов, но в межличностных отношениях это приводит к трагедиям и несчастьям, к разрушенным семьям, загубленным жизням, к межэтническим конфликтам и мировым войнам, в том числе и к разборкам между учеными.

Частным и еще более тонким случаем этой ситуации является взаимодействие человека с самим собой, когда все кажется простым и ясным (как пишет К.К., ясность — один из четырех врагов человека знания!), или он вообще об этом не задумывается, что можно интерпретировать как еще большую ясность. В результате подавляющее большинство людей, не имея специальной подготовки, оказывается не в состоянии пройти между двумя своими ипостасями. Здесь-то и вступают в силу методики, связанные со *сновидением* (впрочем, не только они).

Ситуация ОО, пожалуй, наиболее трудная для понимания, хотя сформулировать ее на основании обозначения нетрудно. Здесь мы не будем рассматривать ее более подробно, скажем лишь, что для участия в ней субъект должен слиться с объектом, войти в систему объективных отношений и действовать, исходя не из своих эгоистических или сиюминутных побуждений, а на основании принятия единственно правильного решения, которое увеличивает гармонию мира, а не разрушает ее.

Многие критические статьи в этом сборнике написаны с позиций официальной науки. Ученые, используя современные достижения и методы, убедительно показывают, что в текстах К.К. много противоречий, что его работа не является результатом прямого контакта с магами из племени яки, как это могло бы показаться читателю его книг, что дона Хуана — именно того самого — не существовало (правда, некоторые оговариваются, что его все равно следовало бы выдумать) и что, с точки зрения науки, текстам К.К. нельзя доверять, хотя они все-таки обладают определенной ценностью.

Современного читателя трудно удивить борьбой науки с тем, что она считает ненаучным. Эта борьба естественна, так как является выражением инстинкта самосохранения. С точки зрения самовыражения человека и приложения его творческой активности, наука, в общем-то, не имеет каких-то особых преимуществ перед другими сферами человеческой деятельности

— литературой, искусством, педагогикой, бизнесом, политикой и т. п. В этом смысле она всего лишь один из способов зарабатывать на жизнь, сделать карьеру, прославиться или занять определенное положение в обществе.

Ореол гаранта достоверности и поборницы справедливости, который, по-видимому, когда-то окружал все, что связано с наукой, она утратила давно, с тех пор, как ее результаты стали использоваться во вред человечеству — а это было всегда. Существует достаточное количество упреков и аргументов, компрометирующих науку. Поэтому можно утверждать, что аргументация с точки зрения науки вовсе не обладает абсолютной ценностью.

Мягко говоря, наука как система далека от совершенства и, возможно, никогда не сможет его достичь. Наука практически не способна гарантировать этическое использование добытых ею знаний, и если у какого-то ученого хватит гражданского мужества отказаться от разработки проекта, который, как он считает, принесет много зла, то всегда найдется другой ученый, который доведет проект до конца.

Может быть, наука и способна объяснить, почему, несмотря на научный прогресс — и параллельно с научным прогрессом, — идет прогресс жестокости, но она ничего не способна с этим поделать — не все ее рекомендации обязательны, а многие из них часто используются с декоративными целями, чтобы отвлечь внимание общества от какой-нибудь проблемы.

В развитых странах наука обладает относительной независимостью, поскольку государство понимает, что это выгодно, и ученые там тоже не всегда находятся под очевидным контролем. Но это скорее относится к уровню рождения идеи, а как только идея превращается в технологию, результаты ее использования выходят из-под контроля ученых. Поэтому научные разборки, с учетом зависимости науки от государства, выглядят такими же импульсивными действиями, как и уличные драки, и мотивация у них практически такая же — они ведутся по принципу «вы нам противны, вы хуже нас и мы не потерпим...» и т. д. Так что если тексты К.К. не удовлетворяют критериям, которые предъявляет соответствующая область науки, то это даже лучше — их не станут использовать в агрессивных целях.

Для того чтобы двигаться вперед и развиваться, нужна информация. Наука, по крайней мере в какой-то своей части, думает о себе, что она занимается добычей и переработкой информации, которая обеспечит человечеству продвижение вперед. Но, во-первых, знает ли наука, где это «вперед»? Во-вторых, знает ли наука все о самой себе, например о существовании у нее самой, как системы, подсознания, подводной части айсберга? И в-третьих, как же наука обращается с информацией?

Наука накопила массу важной информации, доступ к которой разрешен не всем. Такая информация тщательно засекречивается и скрывается. Для того чтобы скрывать информацию, нужна развитая система дезинформации, и можно предположить, что такая система существует. Общество, безусловно, должно по понятным причинам хранить в тайне от широкого использования, например, информацию о взрывчатых веществах и ядах. Информация, связанная с биоэнергетикой, потенциально еще более опасна, и доступ к ней всегда ограничивался. Поэтому можно утверждать, что в любом открытом источнике наряду с валидной информацией обязательно содержится дезинформация, и общество на различных своих уровнях, через различные свои организации и различных своих представителей препятствует распространению информации, неосторожное, злонамеренное или преждевременное использование которой может привести к нежелательным, а тем более катастрофическим последствиям. Кроме официальных и полуофициальных видов цензуры, существуют более тонкие виды цензуры на уровне общественного мнения, интеллектуальной моды и личной ответственности. Нередко людей, вышедших на недозволенный информационный уровень и неосторожно обращающихся с информацией, просто «снимают с доски».

Не сообщил ли К.К. нам слишком много? Не превысил ли он своих полномочий? Не подошел ли он к опасной грани, за которой стоит хаос (*нагваль*)? Не потому ли «мир» предпринимает усилия, чтобы скомпрометировать К.К.?

Одним из средств дозированной передачи информации является частичная представленность ее в различных источниках, попадающих на интеллектуальный рынок. Через сопоставление таких источников — а это возможно только на опре-

деленном интеллектуальном и духовном уровне — может быть получена дополнительная информация, поэтому появление все новых систем, учений и методик, если они не выводят общество и отдельных людей на грань катастрофы, имеет и положительную сторону.

Существует мода не только на одежду, но и на идеи, методы нетрадиционного лечения, на методики самосовершенствования и духовные учения. Правда, сходство с модой здесь скорее внешнее. Более глубокий смысл этого процесса заключается в том, что знание поворачивается к нам своими различными гранями, и, чтобы им овладеть, нужно соприкоснуться с ними всеми.

Тридцать лет назад в нашей стране после некоторой либерализации политической обстановки пошло повальное увлечение йогой, но постепенно создалось впечатление, что в ней чего-то не хватает, поскольку не наблюдалось столь же повального достижения предполагаемых результатов. Потом появились Дзэн, Живая Этика, боевые искусства, экстрасенсорика, Джунан, линии Хартмана, дианетика, кришнаиты, Рейки, Цигун и наконец Кастанеда, но конечно, и многое другое. Возможно, для тех, кто прошел этап, предложенный нам в виде книг К.К., наступает момент сделать следующий шаг и погрузиться в новый сценарий, который пошлет нам пространство, но *учение дона Хуана* навсегда сохранится в наших душах, устремленных к знанию.

Все так и было задумано. Как *сновидение* и магическая операция, книги К. К., по-видимому, с самого начала предполагали и положительное программирование части людей, предлагая им вариант пути знания, и критическую реакцию со стороны ученых, что, с одной стороны, поможет углубить понимание тонких сторон взаимодействия человека с самим собой, а с другой — подготовит почву для перехода на новый уровень индивидуальной работы с использованием совершенно иных методик.

Сценарий пути знания, предложенный К.К., имеет много приятных сторон — он увлекателен, содержит массу опробированной информации, которая частично может быть использована для построения личных стратегий. Может быть, он не предназначен для того, чтобы достичь окончательного осво-

бождения, но в символической форме он достаточно полно моделирует сложность работы, которую для этого следует проделывать.

Есть еще одна замечательная сторона книг К.К. — практические психологи, преподаватели и тренеры могут использовать какие-то части кастанедовского сценария, например раздел, в котором говорится о становлении охотника, для проведения летних школ со школьниками различных классов.

Игра мистических сил вызвала к жизни и действию гений Кастанеды. В качестве транслятора космического влияния он передал человечеству послание (конечно, той части его, которой оно предназначается), закодировав его в форму очаровательной и странноватой сказки, равносильной сновидению, погружаясь в которое, мы получаем возможность более адекватно взаимодействовать с собой.

Противостоит ли наука магии? Нет, наука вышла из магии и по своей сути является магией, одним из ее ответвлений, и использование логической аргументации в науке, впрочем, как и в других сферах приложения человеческой активности, является магической операцией, направленной на достижение определенного результата. И когда две магии противостоят друг другу, то в конце концов победит та, которая сильнее.

Пусть несколько наивно и по-женски можно сказать, что К.К. в сто раз лучше всяких научных разработок, которые только сушат голову, а К.К. вдохновил многих людей, дал им в руки сценарий, опираясь на который можно «остановить мир», изменить положение *точки сборки* и проскочить мимо клюва «Орла», пожирающего человеческое осознание.

Мы думаем, что критические замечания и разоблачения, содержащиеся в статьях сборника, не только не ослабят интереса к книгам Кастанеды, но еще больше усилят его, хотя, возможно, помогут многим поклонникам Кастанеды увидеть новые аспекты его книг и, наряду с множеством измерений, которые эти книги открывают читателю, обрести новые.

С.И.Ч.

Что говорят о «Записках о доне Хуане» критики и ученые:

- «Безумно увлекательно... отлично читается... написано свежо, жизненно и даже смешно». — Бен Ройвен, «Los Angeles Times».
- «Эта книга стимулирует интеллект не менее «полевых записок» Кастанеды». — Рэй Уолтерс, «New York Times Book Review».
- «Неиссякаемый источник доброго юмора». — «San Francisco Chronicle».
- «Безупречная проза... справедливая до мелочей... окажется интересной для каждого любителя читать и думать, независимо от того, нравится ли ему Кастанеда или нет». — Ли Хопкинс, «Peninsula Times Tribune».
- «Увлекательно... Весьма рекомендуется для чтения... понравится всем любителям хорошей тайны». — Гордон Стайн, «American Rationalist».
- «Потрясающе академичная детективная нить сюжета... написано умно, бесценно, справедливо... Прочтите книгу де Милля — это просто удовольствие... Не исключено, что критик де Милль расскажет вам о доне Хуане и магии больше, чем сам маг Кастанеда». — Тимоти Лири, «Lone Star Review».
- «Обязательная литература для каждого, кто уже прочел или собирается читать книги Кастанеды». — «Choice» (книга де

Милля внесена изданием в Список выдающихся академических трудов).

«Совершенно необходимая книга». — Уэстон ла Барр.

«Являясь защитником социальных наук с потребительской точки зрения, он [де Милль] полагает, что традиционное разграничение, существующее между художественной и нехудожественной литературой, ни в коем случае не должно нарушаться. Это значительная, заставляющая глубоко задуматься книга, которая затрагивает множество жизненно важных вопросов о том, что такое правда, иллюзия, научная «объективность», психология человека, навязывающего свое мнение или заведомо обманывающего. В ней анализируется присущее нашей культуре стремление к экзотическим личностям-гуру». — Фрэйзер Сноуден, «New Age».

«Поражает количество времени, опыта, дипломатичности, терпения и исследовательские навыки, которые потребовались для создания этой книги. Ее откровения изумляют... замечательные статьи написаны замечательными людьми... Каждый вопрос, описанный Кастанедой, рассматривается экспертом в этой области». — Уильям Медсен, Калифорнийский университет, Санта-Барбара.

«Потрясающее и приятное произведение... Де Милль оказал услугу всем ученым-антропологам — ту, которую мы должны были бы сделать для себя сами, но не смогли». — Филип К. Боск, «American Anthropologist».

Записки о доне Хуане

Дальнейшие рассуждения о противоречиях Кастанеды

Составитель — Ричард де Миль

Введение

Дарвин говорил, что ликвидировать ошибку — значит сослужить науке не менее хорошую службу, чем установить новый факт истины; иногда признать ошибку даже важнее, чем открыть нечто новое. Однако прежде чем ликвидировать ошибку, необходимо вначале обнаружить ее.

В этой книге мы пытаемся отыскать ошибку, которая заключается в безответственной пропаганде социально-научного обмана. В нашем случае обманом являются десять лет якобы работы в полевых условиях пустыни, результаты которой вначале были опубликованы в трех весьма популярных книгах, причем последний том был принят Калифорнийским университетом в Лос-Анжелесе в качестве официальной диссертации по антропологии. Кто же обманщик? Это Карлос Кастанеда — плодовитый автор весьма изобретательных, хотя и сомнительных с точки зрения антропологии бестселлеров. В этой книге, которая называется «Записки о доне Хуане», охотники за ошибками попытаются зафлажковать предмет охоты.

В 1975 году Ричард де Милль — психолог, академик, писатель и издатель — читал вторую книгу Кастанеды о некоем доне Хуане, известном теперь как легендарный мексиканский индеец-учитель вселенской мудрости. Во время чтения де Милля неожиданно осенило поразительное научно-литературное открытие, заключавшееся в том, что кастанедовский «маг Полынного штата»* был вымышленным индейцем, а все эти эклектические пустынные беседы о метафизике — не более чем схо-

ластические аллегории. В течение последующих шести лет де Милль придирчиво исследовал деятельность Кастанеды вдоль и поперек; так появились книги «Путешествие Кастанеды. Сила и Аллегория» и «Записки о доне Хуане». Эти книги (кстати, хорошо воспринятые как учеными, так и рядовыми читателями) разрушили дидактический скелет *Uclanthropus Piltunides Castanedaе**, поразив буквально все цели, — хотя, конечно, многие поклонники Кастанеды, независимо от наличия или отсутствия у них степени доктора философии, все равно предпочитают верить, будто Кастанеда вместе с доном Хуаном бороздили пески Соноры, голыми руками отлавливая себе диких кроликов и обсуждая Гуссерля и Виттгенштейна.

Сорок четыре «записки о доне Хуане», выйдя далеко за пределы выдвинутой Дарвином максимы, не только безусловно обличают академическую научную ошибку, но и вопрошают: каким же образом этот вполне очевидный обман мог так долго и уверенно сохраняться в пенатах высшего образования? И что по этому поводу можно сказать о моральных принципах и уровне компетентности наших хранителей научной правды, учителей грядущего поколения?

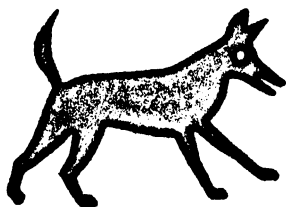
**Джеймс Э. Клифтон, профессор антропологии и
истории Висконсинского университета,
Грин-Бэй, издатель серии**

---

* «Полынный штат» — шутовское название шт. Невада. —Прим. перев.

* Вымышленное ироническое название людей типа Кастанеды, построенное на латыни по распространенному в антропологии принципу: UCLA — аббревиатура Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе; anthropus — человек (лат.) Piltun — название городка, в котором якобы были обнаружены останки наиболее древнего человека (здесь — символ необоснованного стремления к сенсационности).

Предисловие

Со времени выхода этой книги в 1981 году позиции дискутирующих сторон если и изменились, то весьма незначительно. Карлос Кастанеда за это время издал еще несколько все еще безумно популярных саг о своем магическо-мистическом учителе, таинственном доне Хуане, и продолжает утверждать, что он ничего не выдумывает. Скептики и сторонники продолжают спорить о том, являются ли рассказы Кастанеды правдой или вымыслом и есть ли вообще смысл отыскивать эту разницу; гуманистов все больше огорчает быстрое и необратимое погружение Кастанеды в пучину оккультизма; оккультисты обвиняют его в стремлении замутить чистые ключи древней мудрости; парапсихологи учатся у него искусству Великой Хитрости.

В двадцати двух дивных путешествиях Кастанеды за галлюциногенными растениями психофармаколог Рональд Зигель обнаружил достаточно несоответствий, чтобы вообще поставить под вопрос претензии Кастанеды на осведомленность в вопросах этноботаники.

Родни Нидхэм, специалист по социальной антропологии, нашел еще одного академического автора, которого дон Хуан, должно быть, почитывал в своей пустыне — Юджина Херригеля, который, в свою очередь, пиратски «позаимствовал» кое-какие свои соображения по шаманскому дзэну из афоризмов немецкого философа Г. К. Лихтенберга.

Брюс Уэбб — писатель из Южной Калифорнии — вспоминает, что еще в 1957 году (то есть за три года до встречи с доном Хуаном) Кастанеда говорил о медитации, о стремлении к ясности, о желании писать про шаманов и одновременно утверждал, что ему приходилось быть цирюльником, портным, ловцом бродячих собак, ветераном, супругом наркоманки и трубачом в одном нью-йоркском джаз-бэнде. При этом руководители соответствующего факультета в Калифорнийском университете не заметили никаких ошибок, а наивные студенты здесь и там покорно идут на поводу у не совсем уж безвинных учителей, настойчиво предлагающих считать псевдоиндейца-яки, евроазиатского мудреца Кастанеды, американо-индейским проводником в мир невидимого.

Начиная с 1981 года, из этого невидимого мира ушли четыре весьма значительные фигуры. В 1985 году, в возрасте 83 лет умер Ральф Билз, который по-настоящему бороздил пески Соноры и знал индейцев яки, еще когда они были свободны от виттгенштейновских «Упанишад». Он в 1978 г. высказывал сожаление по поводу того, что печатающему койоту удалось перехитрить и деморализовать некоторых членов отделения антропологии. Р. Гордон Уоссон, первым из официально зарегистрированных неиндейцев, попробовавший галлюциногенный гриб *Psilocybe*, человек, который определил сущность древней *сомы* и развенчал «элевсинское снадобье», умер в 1986 году в возрасте 88 лет, перед этим закончив свое этноботаническое путешествие длиною в пятьдесят лет в доисторические реалии видений. Мария Сабина — шаман из Уаутла, прообраз дона Хуана, женщина, общавшаяся с Богом и Бенито Хуаресом и наполнившая глухие ночи сьерры искрящимися словами (она научилась им от «святых детей», поселившихся в ее теле), — отошла в мир иной в 1985 г., на 91 году жизни.

Барбара Дж. Майерхофф, паломница в Вирикута, свидетельница водопада, воительница в джунглях Академии, в конце концов обратилась к изучению своего собственного народа, заявив: «Мне никогда не стать индеанкой из племени учолей... но я обязательно стану маленькой старушкой-еврейкой». К сожалению, во второй части своего предсказания она ошиблась. Жестокая, неумолимая смерть, практически без предупрежде-

ния, унесла ее от нас, когда Барбаре было всего лишь 49 лет, в самой середине ее творческой деятельности — горькая потеря для всех, кто знал ее. Читая биографию Марии Сабины, написанную с ее слов Альваро Эстрадой, и сравнивая ее с эклектическими вольностями своего друга Карлоса Кастанеды, Майерхофф писала:

«Традиции аборигенов заслуживают максимально точного, уважительного сохранения, причем эти записи следует отличать от плодов чистого воображения... Обязанность владеющих письменностью заключается в том, что письменные записи фольклора тех, кто письменностью не владеет, должны оставаться просто записями, а не зеркалом, в котором отражается сам записывающий, его потребности и фантазии».

А что же сам наш фантазер? 4 декабря 1981 года я встретил его на верхней площадке лифта, поднимающего только *вверх* в лос-анжелесском отеле «Хилтон». Там он (по его словам) ожидал Майкла Харнера. С виду он показался мне в точности таким, каким я его себе представлял — маленьким и тщедушным, — ничем уже не напоминая того розовощекого молодого бездельника, который изображен здесь на стр. 27. Его глаза эльфа были пустыми и настороженными — как будто он действительно увидел иной мир и был не особенно рад этому обстоятельству. Как бы там ни было, он, как мне показалось, был рад встрече. Кружась вокруг меня, он положил мне руку на плечо и конфиденциальным тоном произнес: «Нам действительно есть о чем поговорить», так что мне довелось слушать его в течение двадцати минут.

Он так детально описывал свои странные приключения, как будто мне ничего не было известно об этом; при этом он противоречил тому, что я писал о нем (даже не упоминая, что именно я писал). Он рассказал мне, что совершенно лишен воображения и может сообщать лишь о том, что в действительности с ним происходило. Его бывшие учителя более не доверяют ему — говорил он. идт не желает с ним разговаривать. Писатель, с которым он встретился в баре отеля, был совершенно подавлен его отрицательными интервью. Знакомый бизнесмен решил стать психиатром и вскоре обнаружил, что оба из-

бранных пути совершенно пусты. Слава оказалась иллюзией. «Посмотри на Телли Саваласа — кто сегодня вспоминает его?»

Я попытался отделаться от него, но он не отставал: «Спрашивай меня о чем угодно». Тогда я спросил его о так называемых толтеках. Толтеки, ответил он, это не настоящее имя народа, это «лишь обозначение, как “демократы”». Мягко и торжественно он объяснил свое неизбежное, парадоксальное, серьезно-комическое сотрудничество с ними: «Понимаешь, те люди, с которыми я работаю в Мексике, запретили мне — со всей строгостью запретили — читать что-либо, написанное обо мне. Именно по этой причине я и не читал твоих книг. Но все же я хочу сказать, что для меня является большой честью — действительно честью! — то, что кто-нибудь да пишет обо мне, даже если при этом он говорит, что мои книги — это чушь».

В то же мгновение я увидел, что у каждой медали есть своя оборотная сторона и что обманщик без критика — все равно что жених без тещи.

Ричард де Милль,

Июль, 1989 г.

Часть 1
ПРИМАНКИ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Обыкновенный человек хочет, чтобы вещи были либо истинными, либо ложными; но воину все равно. Если говорят, что происходящее истинно — он действует во имя *делания*. Если же говорят, что происходящее ложно — он действует ради *не-делания*. Понимаешь, что я имею в виду?

Дон Хуан

«... правдивость и лживость имеют наиболее серьезное значение для отношений между людьми.

... Наша современная жизнь основывается на вере в честность ближнего в гораздо большей степени, чем мы это осознаем. [Пример этого] — наша наука, в которой большинство ученых вынуждены пользоваться бесчисленным количеством полученных другими исследователями результатов, не имея возможности проверить их истинность».

Георг Зиммель

Карлос Кастанеда в 1965

1

Ричард де Милль Искусство выслеживания* Кастанеды

Место действия — съезд Всеамериканской ассоциации книготорговцев, Лос-Анжелес. Время действия — День Памяти, 1979 год. Рядом с высоченной стопкой книг Гарольда Гарфинкеля «*Agnes Redux: Confessions from the Ivory Closet*» Роберт Криштон, автор «*The Great Impostor*», беседует со Стригфелло Бином, президентом издательства Калифорнийского университета, и с каким-то коротышкой в рыжевато-коричневом прогулочном костюме. Я прошел было мимо, но Криштон ухватил меня за руку:

— Ричард! Я хочу тебя кое с кем познакомить. Карлос, это Ричард де Милль.

Человек в рыжем прогулочном костюме хитровато улыбается:

— Как поживаете?

— *Прекрасно!* — я пожал его руку. — Очень рад знакомству с вами, давно об этом мечтаю. Пять лет пишу о вас, а до сих пор мы ни разу не встречались.

Карлос, похоже, озадачен:

— Вы писали обо *мне*?

---

* The Art of Stalking.

— Господи, человече! — говорит Бин. — Неужели ты не читал «Путешествия Кастанеды»?

— Вообще-то я мало читаю, — отвечает Карлос. — Но, судя по тому, как звучит название, на эту книгу следовало бы взглянуть. Почему бы вам не послать мне экземпляр?

— Я делал это трижды, — напоминаю я ему. — Вы не ответили.

Карлос выглядит озадаченным:

— Куда вы их послали?

— Вашему агенту.

— Надо спросить Неда об этом, — говорит он. — Когда получаешь так много писем, за каждым не уследить. Представляете, на прошлой неделе я получил рождественскую открытку из Мехико. Знаете, у них на авиамарке нарисован велосипед?

Бин и Криштон рассмеялись.

— Честное слово! — настаивает Карлос.

— А о чем вы пишете сейчас? — спрашиваю я.

Карлос заглядывает в записную книжку, которую держит в руке. Поднимает глаза:

— Это, гм, история об одном мистификаторе от литературы.

— В самом деле?

— Да, — кивает он. — Об одном мексиканском индейце, который пишет — на своем родном языке — конечно, на толтекском, — об индейском племени, никогда в действительности не существовавшем. А когда антропологи приезжают взглянуть на это племя, шутник говорит, что оно ушло в другой мир.

— Это интригует, — говорю я. — А как отнесся к этому дон Хуан?

Карлос улыбается:

— Я спросил дону Хуана, стоит ли мне написать такую книгу, и он ответил: «Давай, давай! Это единственное, что ты умеешь делать». И засмеялся. Но когда я сказал, что, возможно, писать книгу об обманщике — пустая трата времени, дон Хуан ответил: «Не имеет никакого значения, мистификатор он или нет. Важно только, *безупречен* ли он». Он произнес слово «безупречен» с особенным ударением. «Если он *безупречный* мистификатор, — сказал дон Хуан, — о нем стоит писать».

— Похоже, дон Хуан прав.

— Так он мне ответил, — улыбается Карлос. — И еще он добавил, что у меня много общего с человеком, о котором я пишу...

— Так и сказал?

— Да, но я ответил ему, что мне не хватает техники, чтобы быть настоящим мистификатором. С этим я ничего не могу поделать.

— Вы себя недооценили.

— О, да, — кивает Карлос. — Единственное, чего не умею, так это врать. Если я солгу хоть самую малость, пусть даже чтобы поднять другу настроение, — у меня начинает дико болеть голова и чувство вины не покидает меня несколько часов.

— Это замечательно.

— Да, видите ли, мой отец всегда обвинял меня во лжи, даже когда я говорил правду. По сути, из-за этого я перестал ему писать, он просто не верит моим письмам. Он считает, что мне нельзя верить, и нет такой силы, которая заставила бы его думать по-другому.

— Это никуда не годится, — говорю я.

— Это мой крест, — отвечает Карлос.

В этот момент Удо Струтински из издательства Калифорнийского университета увлекает Карлоса прочь от меня, чтобы познакомить его с романистом Ежи Козински. Бин говорит:

— Подумать только! Карлос так зарылся в свои рукописи, что даже не заметил, что вы написали о нем книгу, в которой называете его мистификатором.

— Похоже на то.

— Как вы думаете, что бы он сказал, если бы знал?

— Сказал бы, что пишет книгу о мистификаторе.

* * *

Подобно легендарной первой встрече Карлоса с доном Хуаном на грани обычного и необычного миров, вышеупомянутое свидание — целиком плод писательского воображения. Вот почему я называю главного героя Карлосом, а не Кастанедой — именем, оставленным мною для реальной личности, к которой я подбираюсь с 1975 года.

«Записки о доне Хуане» можно рассматривать как собрание эссе, но это скорее история пятилетней миссии — путешествия туда, где не ступала еще нога ученого, — в миропонимание одного из величайших в мире мистификаторов, вокруг комичных ловушек, расставленных им для читателей и критиков, ученых мужей и профессоров, хиппи и самоучек; по изображенной им необитаемой земле социальных конфликтов и недоразумений. Среди калейдоскопических сюрпризов этого путешествия наибольшим чудом для меня стало то, что эта миссия вообще смогла завершиться, ибо в любой момент она могла либо погибнуть в огне, либо быть похороненной на «холодном полуостанке» у академических патронов Кастанеды в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе.

Издательства нуждаются в увеличении поступлений, и одной из основных побудительных причин этого предприятия была необходимость ответа на вопрос: что случилось в издательстве университета? Простое и честное признание патронами Кастанеды своей ошибки сразу же привело бы всю затею к концу. Миссия была спасена благодаря тому простому факту, что некоторые люди просто не в состоянии признавать свои ошибки, даже столь незначительные, что их можно простить сразу после признания. Ни уступив ни дюйма с 1975 года, эти почитатели Кастанеды, принявшие чемпиона среди мистификаторов за искателя докторской степени «как и любого другого... разве что он был чертовски хорошим писателем», обеспечили себе прекрасный источник, неограниченный запас горючего для двигателей исследовательских и социально-критических статей и теперь вынуждены платить высокую цену в виде неприятия общества и презрения профессионалов. Если кто-либо когда-либо напишет книгу, в которой объяснит это саморазрушительное поведение, я жажду прочесть ее. А пока все, что мы можем предпринять, — это понять Кастанеду.

Мистификации о доне Хуане стали проверкой на здравый смысл во многих областях: прежде всего, в антропологии, но также и в социологии, психологии, философии, теологии, парапсихологии, психоанализе, психотерапии, литературе, книгоиздательстве, литературной критике, библиографической науке, журналистике. Большинство людей прошло эту проверку, но

некоторые потерпели неудачу, и эти неудачи демонстрируют потрясающие вещи — как может подвести человеческий здравый смысл и сколь иррациональными могут оказаться самые рациональные рассуждения, проводимые на протяжении следующих сорока двух глав.

По пути будут возникать дополнительные аспекты: многогранность истины, различные миры, привычно представляемые скептиками и почитателями; попытка превратить науку в религию или религию в науку; смелость, с которой некоторые люди говорят нелепости; безапелляционность, с которой они полагают частный взгляд на что-либо единственно возможным или единственно достойным внимания; саморефлексия, элитарность, снобизм и самодовольная лицемерная болтовня о башне слоновой кости — и грустный, таинственный спектакль талантливого человека, сменившего озабоченность силой на стремление дарить и получать любовь.

Конфликты цели и ценностей освещают социальные процессы, и Кастанеда предоставил множество тем для дискуссий. Его поклонники и хулители хорошо представлены в этой книге, которая скорее сконструирована, чем просто собрана; тридцать семь ее глав предоставлены составителем людям, специализирующимся тем или иным образом в практике или в совершенствовании искусства *выслеживания Кастанеды*. За два года подготовки было перебрано несметное количество писем; были впряжены в работу титулованные профессора; были воспитаны новые авторы; пухлые стопки исписанной бумаги ужимались до трех страниц; абзацы расширялись до диссертаций; противники превращались в сотрудников; корреспонденты становились соавторами; незнакомцы становились друзьями.

Прочитав «Путешествие Кастанеды» (первый том настоящего исследования), редактор издательства Калифорнийского университета высказал мнение, что это был приятный сеанс убеждения, но не эффективное критическое исследование по причине «снисходительного стиля и пародийных гипотез» — под чем, я полагаю, он подразумевал его литературную многогранность и проницательный анализ недоработок редакторов издательства Калифорнийского университета. «Настоящая работа о Кастанеде, — заключил он, — по сей день остается не-

написанной». Я благодарен ему за этот отзыв, показавший необходимость издания второй книги.

«Записки о доне Хуане» призваны завершить «настоящую» работу о Кастанеде. Хотя она и более открытая и серьезная по характеру, чем «Путешествие Кастанеды», множество фрагментов написаны в популярном ключе, а несколько глав скорее развлекают, чем информируют читателя. Школярский аппарат изгнан в конец книги, где он не отпугнет далеких от науки людей, но где ученые мужи найдут его таким же солидным и тщательным, как и раньше, хотя и разбавленным некоторой долей легкомыслия. Не могу писать без юмора, как ни стараюсь. Безусловно, это серьезный недостаток, но ничего не поделаешь.

За сотни часов, проведенных в библиотеках, обнаружился курьезный факт: многие статьи о Кастанеде вырваны из книг. Хотя предыдущие читатели вполне могли бы сделать себе ксерокопии, кое-кто предпочел вырывать страницы. Я вижу в этом признак религиозного пыла. Тот, кто порвал книгу, хотел обладать не только евангелием от дона Хуана, но также и пергаментом, на котором оно было напечатано.

Все мы подвижны неясными целями, иногда нас тянет далеко в лес или высоко на утес. Мне кажется, что Кастанеда имел такой успех у профессионалов, друзей и читателей главным образом потому, что он — изменчивый, колеблющийся, непостоянный социальный объект, на который люди проецируют картины своих желаний, с трудом поддающихся описанию. Профессора узнавали в нем воплощение социальных теорий, в существование которых верили; друзья видели несчастного мечтателя, которому они хотели помочь; читатели нашли в нем проводника в мир своих грез.

Кастанеда сохранил свою социальную двусмысленность, применяя то, что он назвал «искусством stalking». Роберт де Ропп писал, что, поступая так, он «действовал способом, требующим невидимости. Эта идея не нова. Гурджиев часто говорил, что люди, поглощенные *деланием*, должны знать, как стать невидимкой. Секрет заключается в том, что не следует привлекать внимания ни к чему вокруг себя. Надо уметь двигаться сквозь толпу, не будучи замеченным, не производя ни на кого никакого впечатления».

«В одежде, — писала «Тайм», — Кастанеда консервативен до анонимности». «Искусство магов, — сказала одна из ведьм дона Хуана, — быть отстраненным от всего и незаметным». «Чтобы прокрадываться внутрь и выходить наружу из разных миров, — говорил Кастанеда, — вы должны оставаться незаметным. Чем больше вас знают и узнают, тем больше ограничена ваша свобода».

Когда дон Хуан говорил об охоте, он говорил о маскировке. «Человек, который действительно умеет подкрадываться, рядом с оленем выглядит как олень, рядом с койотом — как койот», — размышлял Майкл Корда, главный редактор «Simon and Schuster». Когда его спросили о следующей книге Кастанеды, Корда сказал: «Все, что я знаю на сегодняшний день, — это то, что она будет называться “Искусство stalkinga”».

Чтобы дополнить *искусство невидимого выслеживания* Кастанеды, создатели этой книги будут использовать искусство Кастанеды прокрадываться явно. Честно ли это? Думаю, не только честно, но необходимо и единственно правильно. Хотя было бы столь же нелюбезно, сколь и бесполезно вытаскивать некоего затворника из его Счастливой Пещеры в Верхней долине Ньянга, двусмысленный Кастанеда заработал миллион долларов, манипулируя доверием простодушных ученых и играя на их многочисленных ненадежных представлениях. Какой бы кредит доверия ни хотелось бы предоставить ему для совершенствования в писательском искусстве либо в амплуа ловкача-учителя, ясно, что его нельзя рассматривать как святого отшельника, свободного от критики и сомнений.

Сила Кастанеды и его работ в том, что они ловят некоторых людей на грани их мира и останавливают их там, держат их на границе между тем, что, как им кажется, они знают, и тем, во что им хотелось бы верить, берут их в путешествие по тайне, в то же время не требуя покидать родные края. Это было замечательное представление, но настало время рассортировать впечатления и сделать выводы. Я впрягся в эту работу, потому что не был удовлетворен одной лишь простой оценкой Карлоса Кастанеды; я хотел понять его. Если вы чувствуете то же самое, то смелей вперед, переходите ко второй главе.

2

Ричард де Милль Шаман от Академии

Карлос Кастанеда говорит, что он родился в Бразилии в 1935. В его иммиграционной карточке записано, что он был рожден в Перу в 1925. Он сообщил, что его отец — профессор литературы. *Тайм* писал, что его отец был ювелиром. Кастанеда говорит, что якобы не имел никакого интереса к мистицизму. Его бывшая жена сообщила, что все их разговоры так или иначе касались мистики.

В 1973 Кастанеда получил звание доктора философии в области антропологии за многочисленные интервью с загадочным старым мексиканским индейцем по имени дон Хуан Матус. Эти интервью были датированы с 1960 по 1971 г., их объем составлял три тома полевых записей, треть которых была принята в качестве его диссертации в Калифорнийском университете, Лос-Анжелес. Во всем этом нет ничего особенно необычного. Три тома полевых записок, проданных миллионными тиражами по всей Америке и во всем мире, — вот это необычно. А то, что дон Хуан, загадочный старый индеец, — вымышленное лицо, это уже совсем удивительно.

«Возможно ли, чтобы подобная книга не была вымыслом!» — восклицает Джойс Кэрол Оутс. Писатели Оутс и Вильям Кеннеди, а также писатель-фантаст Теодор Стугерон быстро распознали Кастанеду как своего коллегу-сочинителя. Карлос (так я называю молодого антрополога в истории, рассказанной Кастанедой) отправляется в Аризону, чтобы узнать, как индей-

цы используют пейот. К его чрезвычайному удивлению, властный и загадочный дон Хуан, которого Карлос совершенно случайно встречает на автобусной станции, выбирает его, делая своим учеником, в результате чего он становится «человеком знания». Это означает, что после длительных и трудных тренировок он открывает «отдельную реальность» и «видит» сущность мира, как видят ее мистики. Изданные в период психоделического бума «Учение дона Хуана» и «Отдельная реальность» перечисляют двадцать два чудесных путешествия под воздействием «растений силы», в которых Карлоса ведет дон Хуан. Движение Нью-Эйдж, с его новым сознанием, предпочло средства, предлагаемые в «Путешествии в Икстлан», внезапно обнаружив пользу пренебрегаемых ранее безнаркотических техник, которые Карлос в своих полевых записях глупо отодвинул в сторону.

«Сказки о силе» и «Второе кольцо силы» отражают последние и широко распространенные в народе тенденции к изучению оккультизма и развитию феминистического движения. Если умеющий держать нос по ветру Кастанеда мог написать по крайней мере пять бестселлеров подряд, почему он надоедает всем своей антропологической мистификацией? Очевидная экономическая причина этого в том, что конкуренция на рынке фантастики была слишком высока. Убогий стиль, слабая драматическая структура, бедность детализировки, картонные, не разработанные персонажи (но вполне подходящие для аллегории), стереотипные эмоции и отсутствие обычных человеческих отношений сделали бы его книги неходововыми, несмотря на факты. Читатели любят истинное приключение, даже если оно плохо рассказано.

Однако существует более важная, психологическая причина — каждый, кто поддерживает на высоком уровне такой трудный и сложный обман в течение восьми лет до получения каких-либо материальных вознаграждений, является человеком, который обычно отказывается от правил, принятых в обществе, и настойчиво стремится к победе в игре под названием жизнь, используя различные трюки. Так и с Кастанедой. Такой жизненный паттерн часто включает личное обаяние, хорошие умственные способности и некоторые подлинные достоинства,

позволяющие ладить с коллегами, идти на компромиссы и пользоваться случаем.

Профессора получают доверенного — признанного Клемента Мейгена, члена диссертационной комиссии Кастанеды, «но нужны и кое-какие доказательства». И появились доказательства трех видов.

Во-первых, так называемые полевые записи, которые противоречат друг другу. Карлос встречает некую ведьму по имени Ла Каталина впервые в 1962, а потом — снова впервые — в 1965. Он усиленно изучал технику *видения* в 1962, он же, непонятно каким образом, никогда не слышал об этом в 1968. «Учение» повествует нам жестокую сказочку, полную ужасов и чудес и начисто лишенную какой-либо радости и шуток. На протяжении пяти описываемых лет с 1960 по 1965, дон Хуан является жестким учителем, в угнетающем присутствии которого не до шуток. В событиях 1968 года, когда Карлос проходит второй этап ученичества, во второй книге Кастанеды «Отдельная реальность», говорится, что тот находит, что «общий стиль и атмосфера обучения стали более мягкими. Дон Хуан хохотал и заражал меня своим смехом. Казалось, он умышленно пытался сделать все, чтобы уменьшить серьезность вообще. Он дурачился в самые решающие моменты этого второго цикла...» И текст подтверждает это описание.

Когда мы достигаем третьей книги, «Путешествие в Икстлан», то дон Хуан непрерывно паясничает, ведет себя как дзэн-ский шут, представляет из себя ходячий коан, и все это несмотря на противоречивый факт, что «Икстлан» относится к раннему безрадостному периоду обучения. Так нам предлагают поверить, что «общее настроение обучения дона Хуана» менялось день ото дня в период с 1961 по 1962 год от мрачного до светлого в соответствии с тем, что мы читаем — первую или третью книгу. Конечно, дон Хуан обладает даром предвидения и многократно демонстрирует его, но я не верю, что даже самая одаренная психика могла бы безотказно принимать надлежащее настроение каждый день так, чтобы соответствовать тону каждой из двух книг, в которых его настроение одиннадцатью годами позже будет описано прямо противоположным образом. Я и представить не могу, как можно было бы с писательской

точки зрения объяснить такие противоречия. Если человек, описывающий дону Хуана, не мог отличить улыбку от хмурого выражения лица или угрюмую тишину от взрывов смеха в течение двух лет или же если его не волнует, каким образом он описывает эти годы, то почему мы должны доверять этим отчетам?

Второй вид доказательств является результатом отсутствия убедительных подробностей при наличии подробностей невероятных. Собирая растения и охотясь на диких животных вместе с доном Хуаном, Карлос не выучивает и не знает ни одного индейского названия растения или животного, используя при этом несколько испанских и английских слов. Ни один образец галлоциногенных грибов дона Хуана не был подвергнут исследованию, поэтому Гордон Уоссон в 1968 году подверг сомнению их подлинность. Пустыня дона Хуана описана неопределенно, его место жительства — и все, никаких других примет. Непрерывные прогулки в песках в периоды, когда из-за крайней жары или холода* благоразумные люди предпочитают держаться подальше от пустыни, а Карлос и дон Хуан идут не опасаясь насекомых-паразитов, как прогуливающиеся туристы. Карлос взбирается на деревья, на которые невозможно влезть, и выслеживает животных, которых нельзя выследить. С удивительной скоростью и мастерством он записывает «все», что дон Хуан сообщает ему в этих самых неправдоподобных условиях. Никто, кроме Карлоса, не видел дона Хуана.

Недавно стало известно, что Кастанеда впервые встретил серьезное сопротивление от скептиков на университетском факультете, и мы должны верить, что он имел в своем распоряжении индейский словарь, образцы растений, фотографии мест, магнитные пленки, которые, как он говорил, были записаны, и «многочисленные полевые записи» Карлоса, — и все это будет представлено, чтобы противостоять этому сопротивлению. Никакого представления не состоялось, и не ведет ли это к разумному выводу, что никаких свидетельств полевой работы

---

* Смотрите статью Ганса Зебальда.

не существовало вообще и что все это — просто плод исключительно развитого воображения Кастанеды.

Третий вид доказательства найден в техниках дона Хуана, которые являются смесью фольклора американских индейцев, восточного мистицизма и европейской философии. Отклоняя это доказательство, последователи дона Хуана утверждают, что просветленные умы думают подобно во всех случаях и местах, но беда в том, что и слова они почему-то используют одни и те же. Когда дон Хуан начинает вещать, он цитирует слова весьма специфических авторов. Я покажу на примере, что именно я имею в виду. Я уплотнил строчки и выделил некоторые места. Однако я не изменил ни слова:

Ауру человека ясновидящие описывают как *светящееся облако, имеющее форму яйца, пересеченное тонкими линиями, подобно упругим волосам, выходящими из него в разные стороны.*

Человек напоминает *яйцо* вращающихся волокон. И его руки и ноги похожи на *светящуюся щетину*, прорывающуюся из него *в разные стороны.*

Эти два пассажа, первый из книги, изданной в 1903 году, второй — из «Отдельной реальности», — прямое цитирование дона Хуана. Пикантным в этих перекликающихся отрывках, между которыми 70 лет разницы, является то, что дон Хуан говорил с Карлосом только по-испански.

Так или иначе, переводя испанский дона Хуана, Кастанеда сумел возродить английские фразы американского писателя, известного под псевдонимом Йога Рамачараки, чьи работы по ложному мистицизму все еще попадают в оккультных книжных лавках.

Могло ли соответствие быть случайным? Несмотря на близкое совпадение слов и идей, допустим возможность, что это всего лишь случайность, но все же это не так. Вот еще два отрывка, первый — выдержка из «Психоделического Обзора», второй, из «Учения дона Хуана». И снова я добавил только курсив:

Мои *глаза* были закрыты, и большая *черная дыра* открылась *перед* ними. Я смог различить *красное пятно*. Я почув-

ствовал очень необычный *аромат*, различные части моего тела стали чрезвычайно *теплыми*, это было очень приятно. Что было очень необычным — острый *аромат* от воды. Запах был похож на запах тараканов. Мое тело стало очень *теплым*, и кровь прилила к моим ушам. Я видел *красное пятно перед глазами*. «Что случилось бы, если бы я не видел *красный*?» — «Ты бы увидел *черный*». — «Что случается с теми, кто видит *красный*?» — «Это эффект удовольствия».

Это уже больше чем просто случайное совпадение. Эти два пассажа — каждый из них занимает чуть меньше страницы оригинального текста — совпадают, по меньшей мере, в пяти специфических комбинациях слов, присутствует также семь сходных идей: наркотическая галлюцинация, видение черного, видение красного, необычный аромат, части тела, тепло и удовольствие.

Сколько стилистических повторов необходимо, чтобы доказать, что обучение у дона Хуана и приключения Карлоса происходили отнюдь не в пустыне Соноры, а в библиотеке Калифорнийского университета? В «*Alleglossary*» в конце этой книги имеется список из приблизительно 200 примеров, которые ясно демонстрируют, какое литературное веяние повлияло на ранние публикации так называемых полевых записей Кастанеды. Список убеждает меня, но он может никогда не убедить других читателей этой книги, тех, кто считает, что книги о доне Хуане «необходимо рассматривать как священный текст», который готовит нас «свидетельствовать, принимать без особого понимания».

Может, это говорит Баба Рам Дасс, обращаясь к Конференции Просветления? Нет, это профессор Стэн Вилк, ведущий официальный журнал Американской антропологической ассоциации. Много ли антропологов думают подобным образом относительно Кастанеды? Опять же, нет. Такие представления поддержаны небольшим, но преданным меньшинством, которое считает Кастанеду эмиссаром идеального мира антропологических открытий, вернувшимся обучать своих коллег совершенной работе в экспедициях. В том, другом мире, где пока только Карлос имел привилегию побывать, исследователь пол-

ностью разделяет миропонимание своего информатора, не ограниченное языковым барьером, конфликтом культур, имущественным положением, требованиями бюрократических структур, модными теориями или модернистскими концепциями действительности. Это монументальное достижение потребовало бы большого количества лет и было бы невозможным без опекунства дона Хуана, уникального и настойчивого учителя, ныне оставившего этот бранный мир. Но некоторые преимущества можно извлечь из осознания того, что еще один неукротимый пионер прославился. Хотя поклонники Карлоса не могут сопровождать его к его Елисейским полям, они, по крайней мере, все еще могут терять себя на страницах полевых отчетов, написанных Кастанедой.

Тысячелетиями существовали священники, священные книги и церкви, человечество имело отношения с трансцендентальными организациями, управляемыми духовными учителями, которые путешествовали между этим и другим мирами для сопровождения мертвых к местам успокоения, возвращения потерянных душ живущим, поиска лечения для больных, обретения власти управлять элементами, за знаниями о сокровенном. Для того чтобы совершать подобные рискованные проходы было проще, они часто ели, курили или натирали свои тела галлюциногенными растениями, которые помогали им взлететь к небесам. Антропологи называют этих особых мужчин (а иногда и женщин) шаманами, как их называют в племени тунгусов в Сибири. *Шаман* означает «тот, кто знает». Некоторым образом Карлос Кастанеда — «шаман от академии», то есть особая личность, отправляющаяся в иной мир, чтобы принести необходимые знания, которых только он может достичь.

Доказательства, подобные тем, что я только что предложил, не впечатляют верных клиентов Кастанеды-шамана. Противоречия, говорят они, это пустяки, ведь Кастанеда не писатель, он только перечисляет факты; он пробовал передать субъективный опыт. Тогда, если его сообщения никак не привязаны к фактам, то как мы должны их отличать от обычной фантастики?

Кастанеда, говорят его защитники, был прав, что не тратил впустую ни секунды на описание пустыни, потому что мы и так знаем, как выглядит пустыня. Но кто-нибудь может указать

несколько деталей в его описании, противоречащих тому, что известно относительно пустыни в Соноре.

Приверженцам Кастанеды еще следовало бы указать на неожиданную привычку дона Хуана цитировать на испанском англоязычные тексты Александры Дэвид-Ноэль, Сюзанны Лангер, Эдварда Сепира, Людвига Виттгенштейна, Гордона Уоссона, Ламы Говинды, Гилберта Райла или Д. Т. Судзуки. Я сомневаюсь, что их вера найдет этому объяснение. Но истинное убеждение выдерживает любые испытания. Как признался мне один из академических защитников Кастанеды, «вся работа дона Хуана, возможно, так или иначе отражает столкновение с НЛО», «Кастанеда — настоящий шаман», — говорит его друг, антрополог Майкл Харнер. Все, что шаман обычно делает с теми, кто обращается к нему, — обманывает их. Это не значит, что он пользуется преимуществом над ними. Это означает, что он вводит их в заблуждение для их собственной пользы. Даже в обществах, где шаманизм — традиция, обычные люди не полностью восприимчивы к невидимому миру и не готовы видеть все то, что видит шаман. Магические трюки помогают каждому увидеть события, видимые только шаману. Когда, например, врачующий шаман собирается высосать смертельный магический шип из живота страдающей жертвы колдовского заклинания, он предварительно прячет во рту настоящий. Ведь высосанный магический шип оказывается во рту у шамана и там поглощается уже настоящим, который шаман демонстративно шумно выплевывает и торжественно показывает пациенту и его семье. «Он лжет не по-настоящему, — объясняет Харнер, — без видимого доказательства его клиенты не смогут убедиться, что операция удалась, и не будут платить ему. Конечно, у них есть право знать, а он имеет право получать плату за работу». Исходя из этого видно, что шаманизм — профессия тонкая, использующая секретные уловки, которые человек неосведомленный может легко принять за обман.

Как и в случаях с другими шаманами, колдовство Кастанеды можно осудить или простить. Начиная с 1976 года, я со своим ярко выраженным научным скептицизмом разоблачал уловки и жульничество, которые более глубокомысленные личности игнорировали или не принимали во внимание. «Как неудачно,

— пишет обо мне Харнер, — что эта личность, избравшая ревизию книг Кастанеды, не является специалистом в области шаманизма». Хорошо, Харнер, конечно, эксперт шаманизма, так что давайте послушаем, что скажет он.

«Я думаю, что работы Кастанеды на 110 процентов эффективны, — сообщает он. — Он сообщает глубокую правду, однако его специфические детали нередко могут быть оправданно сомнительными». Книги дона Хуана особенно ценны, по убеждению Харнера, потому что они были написаны подобно романам. «Большинство из того, что пишут антропологи, сухо, как пыль», — пишет он.

Этот спор, кажется, можно направить на различие между наукой и беллетристикой. Наука требует фактов, беллетристика может их использовать, а может и не пользоваться фактами. Научные сообщения, в которых «специфические детали могут быть подвергнуты сомнению», дискредитированы. Ведь специфические детали в науке имеют решающее значение: сфабрикованные наблюдения и отчеты могут лишь продемонстрировать, как много в них слабых мест и недостатков, прежде чем их выбросят в мусорную корзину. Как научная работа, книги о доне Хуане — фарс. Как фантастика, они формируют наивные аллегории, в чем эксперты, подобные Харнеру, могут распознавать большое количество антропологических истин. И при этом Харнер не пренебрегает возможностью добавлять, что вы должны *быть* специалистом, чтобы распознать, где правда, а где ложь. Дон Хуан должен был довольно-таки сильно нервничать по поводу курения грибов, ведь никто по-настоящему не пытался курить их, пока не были изданы книги Кастанеды, а потом они перестали действовать.

Подобно бесчисленным колдунам до него, Кастанеда преуспевает как шаман-академик, не признавая ничего. Несмотря на неоднократно повторенный ироничный намек, слишком тонкий для обожающих его коллег, он не раз выходил за рамки роли на протяжении всех девятнадцати лет с тех пор, как Карлос встретил дона Хуана и играл роль Карлоса-Исследователя в каждой ситуации. Ни один журналист, преподаватель, коллега, предприниматель, друг или родственник не признал бы правильной откровенную ложь или вымысел. Такое торжествуя-

щее жульничество превзошло даже великолепного, но слишком эмоционального мошенника у Фердинанда Демары, которого всегда разоблачали и вынуждали бежать с места действия. Как этот великий мошенник, Кастанеда обманывает людей для их собственной пользы, но, в отличие от него, Кастанеда не нарушает закон и имеет постоянных почитателей. Природные способности, неустанная интенсивная работа, строгая специализация, безошибочная игра своей роли принесли ему известность и материальную независимость.

Не в том дело, сколько профессоров были обмануты или сколько хиппи отправились на поиск дона Хуана, сколько критиков Кастанеды осуждают его антисоциальный персонаж. Большинство с удовольствием или с неохотой допускают, что он делает мир более интересным местом, не нанося ему большого ущерба; те же, кого он провел, пусть обвиняют сами себя. Так воспринятый Кастанеда оборачивается в койота — своеобразный американо-индейский шаман, трюкач, злоупотребляющий доверием людей под видом обучения их ценным урокам.

Ловкач мог бы обучить нас хотя бы не ходить постоянно в дураках. Однако заработок Кастанеды за такую услугу был бы несправедливо низок, некоторые нашли бы урок слишком трудным для усвоения. Смертельная тоска по Раю, несомненно, очень сильна, и мы готовы поверить любому, кто обещает вести нас туда. Для тех, кто родился заново, — это обещанная земля *Beulah*, для марксистов — бесклассовое общество, для футуристов, подобных Тимоти Лири, — домашний механический пончик в небе. Для горстки профессоров и тысяч поклонников псевдоантропологии Рай — благоухающая фиолетовая пустыня, где каждый будет иметь бесконечные частные метафизические беседы с мистическим стариком по имени дон Хуан.

3

Мэри Дуглас Подлинность Кастанеды

Если и существовал когда-либо автор, готовый в своем возрасте к вероятному успеху, — то это Карлос Кастанеда с его отчетом о годах, проведенных с мексиканским индейцем, занимающимся магией и колдовством. Мало кто из людей не мечтает о таких приключениях. Вот вам молодой студент колледжа, который подружился не с кем-нибудь — с магом, не более и не менее, — и убеждает его открыть свои тайны.

Стиль — *приключенческие рассказы для подростков*, восьмидесятилетней давности: кровь героя стынет в жилах, его сердце колотится, его горло пересыхает, пульс учащен, температура то поднимается, то падает; легкие чуть ли не разрываются, он падает в обмороки, выздоравливает и болеет, он падает или слабеет снова. Он плачет от раскаяния или счастья. Он едва ли может в чем-нибудь полагаться на свои глаза и уши. Боль, которую он испытывает, — мучительна, голод и длительные походы почти невозможны.

Его индейский наставник — олимпийский атлет и обезоруживающе общительный человек. Обучение длится долго. Он прерывает его часто, иногда из-за университетских требований, иногда из-за жестокого обращения со стороны учителя. Через десять лет ему сообщают, что ученичество закончено, он — полностью обучен, все остальное зависит только от него.

Много говорилось о том, был ли это реальный антрополог, или это псевдоним, скрывается ли под именем дона Хуана реальное лицо, о том, где тут элементы вымысла и правды. Цель статьи — рассмотреть, следует ли считать самый последний культ университетского городка заслуживающим серьезного внимания антропологов. Ответ очевиден — «Да».

Уже сама по себе философия аскетического мистицизма, постепенно складывающаяся в единое целое, является достаточным свидетельством наличия правды в сказке. Было бы легкомысленно это отбрасывать. Но рассматриваемое всерьез, все это бросает вызов большинству антропологических направлений.

Первобытные религии, будучи посюсторонними, и мировые религии, в которых присутствует понятие о потустороннем мире, — основаны на совершенно различных убеждениях. Это вошло в поговорку.

Порядок публикаций должен соответствовать порядку событий. Первая книга «Учение дона Хуана», изданная в 1968, повествует о том, как студент-антрополог Калифорнийского университета разыскивает индейца, который мог бы помочь ему с диссертацией по этноботанике. Он хочет классифицировать и изучить галлюциногенные растения, особенно пейот. В этой книге дон Хуан представляет три таких растения и способ их применения: пейот (*Lophophora Williamsii*), дурман (*Datura innoxia* syn. *D. Meteloides*) и гриб (возможно, *Psilocybe mexicana*). Под наблюдением дона Хуана студент испытывает экстраординарные видения. Но ему становится ясно, что контролируемое использование наркотиков в начале обучения — только вершина айсберга, самое главное — научиться истолковывать эффект их действия.

Наш ученик, прообраз многих других, господин Такой-Как-Все, бестолков, как и полагается нам быть. Он надоедает дону Хуану, чтобы тот сообщил ему о растениях и объяснил состояния, которые он испытал, и вместо лекции оказывается вовлеченным в драматические переживания. Часть экстраординарных навыков описана таким образом, что читателя как бы подводят к отождествлению как со студентом, упрямо задающим вопросы, так и с его таинственным учителем, значение загадочных ответов которого становится нам понятней благо-

даря автору с его непредусмотрительностью, иначе читатели так бы и остались студентами, постоянно задающими вопросы.

Первая книга рассказывает о событиях сентября 1965, где Кастанеда напуган до смерти, его ум колеблется, он клянется никогда больше в рот не брать галлюциногенных растений. В приложении к книге помещен так называемый Структурный Анализ, написанный в совершенно ином стиле. Будем надеяться, что его университетские преподаватели были удовлетворены тем, что предпочитали иметь набросок, который был бы тщательным конспектом обучения, расписанным по датам и разграниченным по трем видам реальности.

Первая, обычная реальность, достигнутая в соответствии с повседневным соглашением; вторая, необычная реальность, достигнутая в соответствии со специальным соглашением; и третья — особые состояния обычной реальности, вплетенные в нее. Этнометодологическая программа в этом приложении изложена с классической простотой.

Одним из аспектов этой серии книг, бросающих вызов антропологам, является то, чтобы считать все изложенное там отражением борьбы между двумя типами учителей. Калифорнийский университет против индейских магов. В этой первой книге антропологи побеждают, их шаблонный анализ преобладает над требованием магии, которая считает, что мир — куда более удивительная вещь, чем принято думать, и никакими человеческими объяснениями его нельзя описать.

Во второй книге («Отдельная реальность») речь идет о событиях 1968 года, когда автор возвращается со своими записями и вполне определенными вопросами относительно того, как достигается специальное соглашение, или необычная реальность. У него есть теория, заключающаяся в том, что на каждой пейотной сессии имеется ведущий *de facto*, который предлагает способ интерпретации событий для остальных.

Как только он задаст свой своевременный вопросик, битва начнется снова. Дон Хуан ясно и честно вводит в проблему достижения соглашения, рассматривая ее на наиболее общем уровне. Это книга о том, что он называет *видением*, способностью посвященных различать мир сущностей, который ос-

тальные люди не могут постичь из-за навязывания ему критериев обычной жизни.

Так же, как и любой другой на его месте, студент постепенно, хотя и с трудом, понимает, что на его вопрос отвечают и что *видение* не является предметом лишь одного зрения, но также и слуха и чувствования, когда это происходит особым образом. Под этим подразумевается требование приостановить обычные рассуждения, чтобы отойти от одного-единственного набора ответов и быть полностью открытым всему, что могут предложить нам чувства.

Если не быть полностью открытым, это вскоре становится заметным по тому, как однообразно ученики пытаются истолковывать свои галлюцинации. Они не могут сообщить о том, что они *видят*, до тех пор, пока не обнаружат, что каждый человек — это светящееся яйцо: из области его живота мерцают энергетические световые нити, поддерживающие и информирующие его.

Очень тонка граница, которая проходит между предполагаемой свободой каждого ученика описывать мир в соответствии со своими личными представлениями и действительно проследить их намерение, приводящее к соглашению на основании определенных широких принципов привычной вселенной, в которой разворачивается их опыт. В конце концов, только действительность убеждает нас в том, что люди — светящиеся существа, которые однажды умирают. Остальное их обучение носит относительно произвольный, искусственный характер, присущий всем знаниям.

Книга на треть не завершена. Это ясно по содержанию последних бесед, когда речь зашла о смерти и реальности. Эти беседы — отражение удивительных магических действий с гипнотическими и вводящими в транс эффектами, снова приведшими студента в 1970 году к грани, за которой бессилен разум и где он снова начинает испытывать растерянность и отчаяние.

На этой стадии можно судить о разногласии между антропологами из UCLA и обучением по методике дона Хуана. Индейский наставник продемонстрировал, что вопрос он знает, и виртуозно представил свои ответы. Но ученик не смог ни понять, ни передать эти сообщения и уезжает домой. Его беспо-

коит попытка жить в двух мирах, к чему дон Хуан относится пренебрежительно.

Третья книга, *Путешествие в Икстлан*, описывает те же события 1961, но все беседы с доном Хуаном уже приведены в соответствие с университетскими требованиями к докторской диссертации — теперь они приведены в порядок и помещены в подходящий контекст. Все, что теперь происходит, приобретает совершенно другой характер, и теперь на первом плане оказывается такая черта дона Хуана, как высокая этичность.

Теперь мы обнаруживаем, что с самой первой их встречи дон Хуан установил, что человек знания должен вести аскетический образ жизни и придерживаться стратегии непривязанности. Он быстро развенчивает претензии ученика и выставляет напоказ его личную слабость и тщеславие. Поиски знания здесь ведутся всего лишь ради диссертации. Единственное, к чему стоит стремиться, — это исполнение личных замыслов. Знание не должно быть оторвано от жизни. Для того чтобы научиться, ученик должен изменить собственную жизнь, принять идею о смерти, удерживать под контролем свои мысли и действовать в соответствии с этим.

Когда обнаружено то, что оказывает давление на человека, становится понятным, почему индейские мальчики быстро обучаются и как они учатся *видеть* и перемещаться в другом мире, опираясь на творческое доверие. Автор же книг безнадежно пытается соответствовать требованиям обеих школ, из-за чего не может беззаветно доверять тому, что дает ему учитель. Его буквально разрывает между двумя реальностями. Благодаря его усилиям контролировать свое *видение* в обоих мирах, мы и имеем этот отчет.

Диалоги с доном Хуаном, которые велись на испанском, отдают штампами духовных традиций, оказавшими влияние на наш язык. *Быть безупречным* — лишь слегка отличается от «быть как можно более совершенным». Измени свою жизнь, расстанься с друзьями, оставь личную историю, останови мир, научись *не-деланию* — повсюду можно найти соответствия этим предписаниям. Поэтому нет ничего удивительного в том, что книги Кастанеды принимаются за что-то придуманное.

Когда третья книга присоединилась к двум первым, это оказалось серьезным вызовом. Простота и наивность выражений могут здесь служить доказательством подлинности. Стоящая за этим философия оказывается потрясающе современной. Конечно, сознательное отношение к предъявлению доказательств о праве на существование интересует как и феноменологов, так и шамана из племени яки, что может заставить подозрительно настроенных критиков усматривать в этом больше вымысла, чем есть на самом деле. Но давайте будем учиться, будем продвигаться вперед, используя учение, и очень многое покажется нам совершенно неожиданным, новым и провоцирующим.

Что касается общего фона, общей культурной основы, общих и широко распространенных идей, сознательно или неосознанно используемых автором в своих книгах, то поскольку он не может уйти от собственных познавательных традиций — чего, впрочем, не можем сделать и мы, — стоило бы перечислить, какие именно философские идеи накладываются друг на друга, перекрывают друг друга, сталкиваются и противостоят друг другу в его работе.

Мир необычной реальности был известен многочисленным так называемым магам, шедшим своим путем, благодаря которому они становились «людьми знания». Каждый из них располагал своим собственным способом достижения необычных эффектов — некоторые использовали гипноз, а некоторые — хитроумные трюки.

Кажется, многие из них относились друг к другу с большим уважением, а иногда и со страхом. Каждого считали мастером, управлявшим опасными силами Универсума. Один из них мог быть мастером равновесия, он мог исчезать, пересекать водопады и появляться в десяти милях впереди или позади исходного места и вызывать впечатляющие громоподобные звуки. Другой же предпочитал танец, третий был травником. Целью же дона Хуана было стать *человеком знания*.

Существует четыре врага, которых нужно победить, чтобы стать на свой путь. Ученик будет прежде всего остановлен страхом. Победив его, он подвергается соблазну ясности. Победив этот соблазн, он подвергается соблазну силы, которую он может

использовать. Преодолев эту преграду, он встречался с последним врагом — старостью, которая может ослабить его стремление к знанию.

Первая книга заканчивается, когда ученик приходит к выводу, что он побежден страхом; вторая — когда он решает бороться с ясностью. Третья книга заканчивается двусмысленно — он подвергается соблазну со стороны силы, но все еще не преодолел барьеров страха и ясности.

На протяжении трилогии с участием дона Хуана головоломные трюки и грубоватые шутки переиллюстрируются с мистическими темами. Кое-что из этого напоминает чудеса и темы ранних времен иудео-христианской традиции, вроде притчи о святом Иерониме среди диких зверей. Здесь можно встретиться с демонстрацией чудес, похожих на те, которые можно было найти на заре мировых религий. Обычный подход антропологии к таким историям, в которых говорится о различных чудесах, ничем не отличается от полного мифологического анализа. Но может быть, следовало бы посмотреть на все это с другой стороны и спросить, не являются ли мифологические сюжеты нашей религиозной основы чем-то, что несет свидетельство существования еще более древних магических традиций. Может быть, носители этих древних традиций были так же мудры в своих необычных занятиях и так же умело контролировали движение ветра или умели исчезать в дыму и тумане, как некоторые из наших древних святых.

Можно задать вопрос, что больше преобладало в магической космологии — страх или любовь? Все ученики и большая часть магов, когда встречаются, то проявляют трогательную привязанность друг к другу. Единственным исключением является злая ведьма, принимающая образ вороны и предположительно собирающаяся убить дона Хуана и его ученика. Поскольку страх определяется как одна из тренировочных техник, вопрос о том, действительно ли дон Хуан верил в ее хитрость, остается без ответа.

Конечно, он верил в то, что мир полон опасностей и недружественных сил. Но однажды он признался, что ученик может быть ленивым и не хотеть учиться только из-за отсутствия побудительных мотивов и что страх перед стоящим против-

ником необходим для того, чтобы воспользоваться вновь приобретенными возможностями, и мы не можем быть в полной мере уверены, насколько в мире магов в действительности преобладал страх.

В первой книге мало говорится о радости и любви. Однако обзорное чтение показывает, что Мескалито нуждается в том, чтобы вернуться к нему в последующей части повествования. В первой книге Мескалито оказывается существом, которое ведет и защищает, а также дарит экстатическую радость тому, кого он выберет. С тех пор как они познали встречу с ним на пейотной сессии, его появление может быть вызвано различными средствами, приводя к интенсивным экстатическим состояниям или беспочвенному самоанализу.

Мир второй реальности кажется принадлежащим исключительно Мескалито — отчет, который исключает его, по всей вероятности, вводит в заблуждение. Если снова поместить Мескалито в центр, то отношение магов друг к другу станет очень похожим на то, как, согласно свидетельствам, относились друг к другу мистики и чудотворцы в нашей собственной истории: самоуничтожение и подчеркивание тех духовных высот, которых достигли их собратья. О Сан-Хуане де Ла Крус Тереза из Авила могла бы сказать что-то очень похожее на то, что говорил Висенте о доне Хуане.

«Можно сказать, что я всего лишь человек лирического знания, — говорил он, — я не такой, как дон Хуан, мой индейский брат». Дон Висенте снова помолчал. Его глаза блестели и смотрели в пол где-то слева от меня. Затем он повернулся ко мне и сказал почти шепотом: «О, как высоко летает мой индейский брат!»

Когда дон Хуан слышал такую оценку своих достижений, он с деланной грубостью парировал ее: «Какая там лирика! Висенте — брухо». Но хватит говорить об упрощенном противопоставлении религии и магии, используемом в антропологических классификациях.

Последняя книга заканчивается на том, что два старых просветленных мага вспоминают свою жизнь. Они покатывались от смеха, проделывая изысканные розыгрыши над своими учениками. Потом они стали вспоминать длинный путь,

который прошли, отказываясь от земных соблазнов, и грусть охватила их. Одно за другим они отбрасывали преимущества дружбы ради того, чтобы приобрести свое так трудно добытое знание. Они знали, что все, что связано с деланием, нереально. Привязываться к чему бы то ни было — это пустая потеря времени, потому что есть только одна реальная вещь — это сущность внутри вас, которой предстоит умереть. Когда вы достигаете этой сущности, это и есть *не-делание самого себя*.

Где-то в промежутке между тем, что говорят сюрреалисты, феноменологи, этнометодологи, учитывая также что-то от современного светского дзэна и других духовных направлений, эта философия заполняет собой швы между всем, что сейчас находится в ходу. На неопытного ученика может произвести сильное впечатление разница между нашей культурой и понятием *не-делания*, связанного с *видением*. Но пусть так, этот замечательный документ все же заставляет основательно задуматься антропологов, которые делают, конечно же, значительно больший вклад в сбор и обработку материалов, касающихся первобытных верований, чем его автор.

То, что какое-то количество профессионалов временно оказалось сбитыми с толку, — это не так важно. Значительно более интересными являются соображения относительно того, как многообразны результаты визуального опыта, возникающие при фокусировании и расфокусировании глаз, при быстром сканировании по краю зрительного поля, при скашивании глаз и т. п. Самым интересным из всего этого являются способы, которые используются для того, чтобы обозначить опыт, связанный с другими мирами.

Эти идеи, по всей вероятности, могли бы принести пользу и антропологии.

4

Джейн Холген Келли Путь розыгрыша племени яки

Как всем известно, книги Карлоса Кастанеды произвели потрясающее воздействие на широкую публику. Дон Хуан, описанный в книгах Кастанеды, является индейцем из племени яки. Я буду исходить из предположения, что каждый антрополог, работавший с яки, получал массу писем и телефонных звонков с вопросами насчет употребления у яки наркотиков, использования ими магии и о том, что он знает об этом еще. Ко мне приходили письма от людей, желавших получить представления о *брухо* (ведьмах или колдунах) из племени яки. И когда мне где-нибудь приходилось говорить, что объектом моего исследования являются индейцы яки, то всегда кто-нибудь спрашивал меня, существует ли дон Хуан на самом деле? Знаю ли я его или людей, похожих на него? Все ли яки такие же, как дон Хуан? Все, что я могу ответить на такие вопросы, — это то, что я не встречал дона Хуана или кого-нибудь подобного ему. В качестве гарантии того, что я говорю, может служить мое социальное положение.

Теперь уже к самим яки стали приезжать визитеры, и все с той же целью — разыскать дона Хуана. Вождь паскуа нуэво, одного из племен яки, сообщает, что немало автобусов-фольксвагенов, обычно с калифорнийскими номерами, разыскивают и добираются к паскуа нуэво. Пассажиры этих автобусов вос-

принимаются местным населением как «длинноволосые хиппи», поскольку слово *хиппи* глубоко проникло в сознание яки и приобрело сильный негативный оттенок. Вождь паскуа нуэво с некоторым удовольствием объяснил свою тактику в отношении этих неожиданных посетителей. Когда начинаются расспросы, он говорит, что никогда ничего не слышал о доне Хуане. Постепенно он переводит разговор на тему, что в любом случае где-то есть какой-то дон Хуан, но его не следует беспокоить. Наконец он уступает и говорит тем, кто задает вопросы, где живет дон Хуан. Там действительно находится один старик по имени дон Хуан, который живет среди паскуа нуэво, и о нем говорят, что он имеет замечательные способности рассказывать сказки. Все остаются очень довольны, и все эти хиппи предлагают немного денег, сигареты, пиво и другие вещи, до того как поймут, что происходит.

5

Ганс Зебальд **Жареные кролики, туляремия, лев, ведьма и рогатые лягушки**

Моя критика направлена на заявление Карлоса Кастанеды о том, что его духовные эксперименты имели место в специфической и конкретной обстановке, а именно в пустыне Соноры. Учитывая это заявление, следует считать, что правдоподобие его текстов в значительной мере может зависеть от того, насколько сделанные им описания естественного окружения внушают доверие. Критика была бы неверной, допусти Кастанеда, что его приключения имели место в то время, когда он укрывался в Южной Калифорнии в Акапулько, сидя в кресле и балуясь наркотиками и коллекционируя при этом галлюцинации для литературных сказок. Кастанеда такого допущения не предполагает, а предлагает рассказы, в особенности первые три тома, в качестве полевых отчетов. Поэтому мы обязаны рассмотреть эти его «поля», где он собирает свою информацию.

Полагаясь здесь в основном на личный опыт, я говорю как непосредственный наблюдатель, который в течение последних семнадцати лет имел дело с юго-западной пустыней. Буквально из задней двери своего дома я украдкой подглядывал за куропатками, гремучими змеями, рысями, ястребами, грызунами и койотами, хотя ни один из последних никогда не разговаривал со мной. С трудом преодолевая большие расстояния то с тяже-

лым, то с легким рюкзаком на плечах, я вдоль и поперек исходил самые дикие места в Аризоне, и особенно — девственные горы, внушающие мистический трепет. В последние десять лет я имел достаточную возможность сравнить версию Кастанеды относительно пустыни в Соноре с тем, что начиналось сразу там, где кончался мой двор.

Некоторые люди с презрением относятся к тому, что пишет Кастанеда, поскольку у него речь идет о различных магических событиях. Другие же возражают, говоря, что магия кажется абсурдом только прямолинейным людям или тем, кто духовно ограничен. Мне удастся избежать этих споров за счет того, что я сосредоточу внимание на абсурде, который не может быть объяснен использованием магии, но является частью *немагического естественного окружения* магических событий, о которых сообщает Кастанеда. В то время как скептическое отношение к магии дона Хуана может быть осуждено как нечувствительность к духу, скептическое отношение к предполагаемому естественному окружению не может быть так легко преодолено. Если я утверждаю, что моя любимая бейсбольная команда одержала победу, забив на игровом поле гол в ворота противника, то у вас нет необходимости отказываться от вашей веры в существование бейсбола только на том основании, что я в действительности на игру не ходил.

Когда Кастанеда описывает пустыню, почти непохожую на пустыню в Соноре по характеру флоры, фауны и климату, то нет необходимости отказываться от веры в существование шаманов или психических сил на основании подозрений, что и кастанедовская пустыня, и проведенные там «интервью» с индейцами являются литературной выдумкой. В этой статье я полностью отказываюсь от рассмотрения сверхъестественных событий вроде полетов вместе с воронами или разговоров с койотами, а предлагаю сосредоточиться на утверждениях Кастанеды, касающихся естественного окружения.

Наиболее подозрительными из этих утверждений являются описания того, как люди в июне, июле, августе и сентябре слоняются по пустыне. Описывая, как по разным поводам дон Хуан и Карлитос часами, а то и днями блуждают по пустыне, Кастанеда упускает из виду тот факт, что температура там поднима-

ется до ста градусов* в тени и остается на этом уровне даже ночью. И довольно часто температура поднимается выше ста десяти градусов и очень мало меняется в течение недели. В то же время влажность обычно находится на уровне десяти процентов. Во время жаркого сезона даже самые упорные туристы отказываются посещать пустыню. Только в высшей степени неопытные и безрассудные люди отправляются в путь через летние пески, и то ненадолго, потому что смерть очень скоро хлопает их по левому плечу. Земля пышет жаром, скалы раскалены, а тело теряет воду с такой скоростью, что истощение и смерть могут последовать в считанные часы.

Почти каждое лето зрители в Аризоне могут наблюдать по телевизору, как спасательные бригады на вертолетах обнаруживают тела людей, подобных Кастанеде. Я сам оказывал первую помощь человеку, который заблудился в пустыне недалеко от моего дома и оставался без воды немного больше одного дня — и это было в мае, когда температура достигала только девяноста градусов. И все же Карлитос и дон Хуан беспечно гуляют по пустыне утром, ночью и в середине дня, без усталости поднимаясь и опускаясь в каньоны, отлавливая куропаток и кроликов или поджаривая гремучих змей.

Обычно июнь — самый жаркий месяц. 29 июня Карлитос охотился на куропаток целый день и так был занят указаниями дон Хуана, что, как пишет Кастанеда, «прошел целый день, а я даже не почувствовал хода времени. Я даже забыл съесть свой завтрак». Мало того, что он в своем описании не посчитался с жарой, Кастанеда описывает вечерний ветер как «холодный».

24 июля «около середины дня, после того как мы проблуждали несколько часов в пустыне», дон Хуан сел в тень и начал рассказывать о том, как охотится воин. Более подходящей темой здесь была бы теория о том, как зажариться на солнце до смерти. Около полудня 19 августа Карлитос и его учитель блуждали в каньоне, а потом начали взбираться на вершину холма, для того, чтобы отдохнуть на открытой, незащищенной местности до

---

* По Фаренгейту.

наступления сумерек. Если бы кто-то предпринял такую попытку, то подобный отдых, вероятно, привел бы к бреду и смерти.

Глупое описание Кастанеды лета в Соноре вполне соответствует дурацкому описанию им зимы в Соноре. Одним декабрьским вечером, когда Карлитос прислонился к чему-то вроде скалы, «теплый» дождь, промочив ему ноги, не мог помешать ему заснуть. Реальные туристы, которые бывали в это время в пустыне, знают, что зимний дождь холоден и на высоких местах часто идет дождь со снегом. Зимние ночи в пустыне очень холодные, и температура в это время часто опускается ниже нуля, так что можно промерзнуть до мозга костей. Спящий человек, незащищенный от дождя, будет жестоко страдать от холода и может умереть. Однако Карлитос просыпается, чувствуя себя замечательно, вопреки тому, что является горожанином, как это вытекает из его рассказов, и не обладает какой-нибудь особой выносливостью для жизни на открытом воздухе.

Профессиональные знания Кастанеды о животных точно так же не внушают доверия. Охотники знают, что очень трудно изловить куропатку живьем, но это именно то, что предпочитает делать дон Хуан. Пренебрегая наиболее правдоподобными ловушками, дон Хуан учит Карлоса сооружать «наиболее хитроумные западни», предположительно именно такие, какие дон Хуан попозже собрал с «удивительной скоростью». Хотя реальная ловушка требует нескольких часов для того, чтобы профессионально собрать материал для нее, подготовить и изготовить ее, Карлос поспешно громоздит в кучу прутья, сооружая нечто, с помощью чего он ловит не одну, а пять куропаток, из которых дон Хуан поджаривает двух и отпускает на волю трех. Пожалуй, только во времена Ноева Ковчега животные собирались в таком количестве.

Возможно, что первым, кто стал задавать вопросы по поводу львов из сказок про дона Хуана, был Гордон Уоссон, который сказал, что зоологи начали бы зевать, если бы прочитали, что пума, которую никто не трогал, погналась за доном Хуаном. Я — следующий за Уоссоном, кто начал бы зевать и говорить, что нет такой местности в пустыне Соноры, а также в Мексике или Аризоне, которая бы «кишела горными львами», как утверждает дон Хуан. И это не только потому, что животных почти ис-

требили, но и потому, что это противоречит инстинкту животного. Пумы охотятся в одиночку и издают угрожающие звуки для того, чтобы предупредить возможных конкурентов, что они не потерпят вторжения на свою территорию.

Пума, которая бы стала ходить прямо под деревом, на котором прячется «до смерти перепуганный» интеллектual, просто не выжила бы. Глаза у этих животных хорошо видят ночью, их уши легко бы определили, что среди ветвей находится кто-то дрожащий и судорожно вдыхающий воздух, а ее тонкий нюх сразу же отделил бы запах Карлоса от запаха ивовых листьев, которыми он замаскировался, тем более, что он сильно нервничал и, слоняясь по пустыне, давно не принимал ванну. Не одна уважающая себя пума никогда бы не подошла близко к этому потеющему метафизику.

Хотя горные львы избегают людей и обычно и не думают нападать на них, дон Хуан продолжает настаивать на опасности быть атакованными ими. Сторонники учения дона Хуана могли бы возразить, что маг лишь разыгрывает своего ученика, но ведь розыгрыш не может продолжаться бесконечно — восемь лет спустя мы видим Карлитоса, все еще старающегося забраться повыше на дерево для того, чтобы избежать возможной встречи со львом. Этот маневр был довольно глупым прежде всего потому, что горные львы умеют лазить по деревьям гораздо лучше, чем люди. Дону Хуану следовало бы знать о львах несколько больше.

А Кастанеде следовало бы знать несколько больше о деревьях. В пустыне Соноры мало больших деревьев и это не *palo verde*, железное или мескитовое деревья, о которых упоминает Кастанеда, и на эти три дерева невозможно забраться. Их ветви образуют густую колючую массу и слишком непрочны, чтобы выдержать человека. Если Кастанеда действительно влезал на такие деревья, разве не рассказал бы он нам, насколько это трудно?

Дон Хуан использовал «визжащих грызунов» для приманки львов. Попавшие в клетку грызуны не были покалечены, а какая же разновидность грызунов визжит, не будучи ранеными? Визг иногда издают кролики, но эти грызуны в книге были описаны не как кролики, а «белки с круглой мордочкой». Такое загадоч-

ное создание следовало привезти и подарить Аризона-сонорскому музею пустынь.

Хотя Карлитос встречает животных, которые не существуют, ему не удастся встретить тех, которые существуют в больших количествах и представляют собой угрозу. Пустыня не кишит львами, но она, конечно же, кишит скорпионами. Вопреки бесчисленным привалам в кустах и частым отваливанием камней и привычке дона Хуана кататься по земле, когда ему что-то кажется забавным, ни один скорпион не влез к нему за воротник и не попал в книгу.

Не менее странным является то, что Кастанеде не удалось упомянуть фруктовую муху, которая каждый май в больших количествах собирается возле высоких цветущих кактусов. Они лезут в глаза, уши, ноздри, как стая маленьких демонов, делающих жизнь человека, попавшего в такое место, совершенно невыносимой. По-видимому, совершенно случайно эти мухи, кишачие в это время в пустыне, не трогают Карлитоса, который бродит по пескам или спокойно пишет свои записки вблизи от дома дона Хуана, расположенного в пустыне, и все это как раз происходит в месяце мае.

Жирная белка дона Хуана или «водяная крыса» случайно убегает от преследовавшего ее хищника, а потом встает на задние лапки на вершине скалы, чтобы осмотреться и привести себя в порядок. В обычном мире только кролик убегает от хищников, но другие грызуны прячутся в норах и под скалами. За исключением зоологических лавок, где Кастанеда мог наблюдать их, грызуны редко приводят себя в порядок на глазах плотоядных, предпочитая делать это в надежном укрытии. Будучи совершенным новичком в пустыне, Карлос легко ловит кролика голыми руками. «Я был совершенно спокоен и двигался осторожно, — говорит он, — и совершенно без труда поймал кролика-самца». Это заявление выдает полное невежество. Самому быстроногому койоту приходится изрядно потрудиться, чтобы поймать кролика. Кастанеда не различает различных видов кроликов, а ведь даже самые медлительные из них способны начать бежать с места со скоростью 30 миль в час и представляют собой очень сложную цель для тех, кто охотится на них с ружьями. И только

очень больной кролик может быть пойман без всяких забот проезжим феноменологом.

В связи с больными кроликами возникает новое затруднение. Те, кто охотятся в пустыне, знают, что во время жаркого сезона ленивые кролики с максимальной вероятностью заболевают туляремией, микробы которой могут проникнуть через неповрежденную человеческую кожу, и это может стать причиной лихорадки. А такая лихорадка может продолжаться несколько недель. Карлос не только ловит предположительно ленивого кролика в июле, когда стоит максимальная жара, но затем делает то, что говорит ему дон Хуан, — сдирает с него шкурку, поджаривает и съедает его. Должно быть, старый маг в этот особый солнечный день оказался сыт по горло проделками своего ученика.

Когда дон Хуан велит Карлитосу убить кролика, тот открывает клетку, выпускает кролика и берет его руками, не прилагая особых усилий. Тем не менее животное мгновенно умирает. Любой, кто убивал кроликов, знает, что предсмертные судороги кролика ужасны. Даже насквозь простреленный пулей, попавшей ему в голову, кролик бьется на земле в течение нескольких секунд. В этом я совершенно уверен, поскольку жил на ферме, где разводились кролики. Кастанедовские кролики бегают наподобие уток и умирают, просто попав в ловушку.

Сам же Кастанеда, перепуганный, бегают днем и ночью по пустыне, оставаясь нетронутым крючками и колючками колючих кактусов. Дон Хуан постоянно повторяет предупреждение насчет опасных ночных духов и сущностей, но не предупреждает об опасности пораниться колючими кактусами и дикими грушами. Карлос провел восемь лет, опасаясь львов, но никогда не испытывал страха перед хавелиной — дикой пустынной свиньей, которая может быть значительно опаснее, чем лев. А где же, можно спросить, девятидюймовые сороконожки, тарантулы размером с блюдце? Где королевские змеи, рогатые жабы, сумчатые крысы, белки и скунсы? Где совы и тушканчики? И во имя нагваля, прошу вас сказать, где олени?

Перечень ошибок Кастанеды, связанных с опущениями и прибавлениями, далеко не полон, но этими примерами можно ограничиться. В то время как почти каждое из упомянутых

искажений в описании окружающей среды по отдельности могло бы возникнуть из-за недостаточно внимательного наблюдения или необычных обстоятельств, общая сумма такого большого количества несоответствий убедительно делает недостоверной описание окружающей среды, которое Кастанеда дает в своих полевых записях. Если окружающая среда оказывается вымышленной, почему надо доверять магическому искусству или магам, которые им занимаются, или записям диалогов между учителем-магом и учеником? Если место, в котором все происходило, вымышлено, как могут быть подлинными полевые записи?

6

Ричард де Милль Валидность и аутентичность — различение двух компонентов истины

Тайм в 1973 году опубликовала статью, поднимавшую серьезный вопрос о правдивости Кастанеды. Где же и когда он все-таки родился? Насколько материален был дон Хуан? Книги, написанные Кастанедой, основаны на фактах или это чистая выдумка? Упрекая *Тайм* за натравливание на Кастанеду и на его книги «наемных пиявок», некий читатель заявляет, что все написанное о доне Хуане «не станет менее верным, истинным и порядочным», даже если все это полностью придумано. Даже если окажется, что дон Хуан — плод воображения, пишет Питер Маттиссен в *Снежном Леопарде*, то «придуманная этнография представляет собой результат замечательной работы воображения: заимствовано ли откуда-нибудь это учение или нет, но воспринимается оно как истинное». «Из всего, что я читал, это наиболее яркий и убедительный текст, написанный неким Карлосом Кастанедой», — как-то сказал Карл Роджерс своим коллегам-психологам. «Может быть, он и сочиняет, — обосновывает свою позицию журнал *Нью Эйдж*, — но то, что он говорит, — это верно». Однако истина — не такая простая вещь.

Когда книжный обозреватель из *Лос-Анжелес Таймс* сказал, что статья *Путешествие Кастанеды* предлагает доказательства,

«достаточно сильные для того, чтобы посеять семена сомнения на почве самой сильной веры», какой-то раздосадованный читатель обвинил его и меня, а заодно и всех остальных скептиков, что мы упустили из виду: Кастанеда предложил систему мышления, очень точно рассчитанную на то, чтобы освободить читателя от обязательств задавать вопросы относительно того, основываются ли философские книги на фактах. «Если система действительна, — говорит наш корреспондент, — то не важно, откуда она берет свое начало». Я ответил, что философия — это не единственное, чем занимаются в городе, — некоторые люди вместо этого хотят развлекаться антропологией, первоисточники которой не только существенны, но иногда имеют решающее значение.

«Записывал ли Кастанеда свои беседы с учителем, или пусть даже он сам был этим учителем, — пишет Джозеф Марголис, профессионал в области философских игр, — в определенном смысле не имеет значения, является ли книга записью действительных бесед или Кастанеда сам в качестве автора сочинил свои замечательные тексты». Я с радостью прощаю Марголису его точку зрения, если она находится строго в пределах метафизических учений, но в научных играх считается большой разницей, основаны ли полевые отчеты на действительной поездке в соответствующее место или нет.

Психоаналитик Эльза Ферст различает наивных скептиков, которые отбрасывают книги о доне Хуане просто потому, что в них излагаются аномальные или очевидно сверхъестественные события, и более эрудированных скептиков, которые находят ученическое пустынничество Кастанеды слишком хорошим для того, чтобы быть истинным — дон Хуан слишком похож на восточного гуру, его учения слишком близки к суфизму, тантрическому буддизму или к индуистской системе чакр. «Все это хорошо может быть объяснено, — говорит Ферст, — тем, что «естественный разум» везде постигает реальность подобным образом». Такая точка зрения вполне допустима, и тогда объяснения с использованием представления о распространенном по всему миру мистицизме должны быть серьезно обсуждены, однако в конце концов после дальнейшего концептуального ана-

лиза и исследования частных доказательств она, безусловно, будет отброшена.

Когда поэт Роберт Блай в *Нью Йорк Таймс* написал, что Кастанеда «воспользовался без разрешения работами подлинных исследователей, таких, как Майкл Харнер», чтобы приготовить из всего этого свой «спиритуальный гуляш», и что присвоенные им «материалы» убедительно документированы в *Путешествиях Кастанеды*. Харнер бурно протестовал против того, что будто бы он допустил ошибку, сказав, что «допущение о сходстве между материалами Кастанеды и другими материалами, которые публикуются по шаманизму, объясняются прямым заимствованием их Кастанедой, или просто плагиатом. «Очевидно, — продолжает он, — Блай и Милль не осознают, что во всем первобытном мире существуют замечательные параллели между представлениями и верованиями шаманов».

В соответствии с пожеланиями Харнера чтобы те, кто пишет о Кастанеде, были бы лучше информированы, я за последнее время прочитал несколько книг кроме замечательных собственных работ Харнера о племени йеvaro, — книг таких авторитетов, как Бин и Собель, Ферст, Лейтон, Майерхофф, Оплер, Петрульо, Шарон, Стюард и Андерхил, — и, как мне кажется, теперь улавливаю основные контуры шаманских верований и практик. Когда я писал *Путешествия Кастанеды*, я только что начал вникать в работы Элиаде, который говорит, например, что «шаманы кладут новичка на землю и покрывают его листьями и ветками». То же самое дон Хуан проделывает с Карлосом, конечно, покрывая его сначала ветками, а затем листьями, а затем еще и землей. Именно такую параллель, без сомнения, имел в виду Харнер, чтобы представить свое понимание Кастанеды как источника ценных этнографических идей, и в этом примере, конечно, нет ничего, что могло бы возбудить чье-нибудь подозрение, однако другие параллели связаны с более полными текстуальными совпадениями.

В своей диссертации, написанной в 1968 году, Барбара Майерхофф описывает ритуальную охоту за пейотом в священной стране предков племени гуикол. После того как корзины были наполнены, шаман сказал своей группе охотников, что они должны покинуть место как можно скорее, так как там оставать-

ся было опасно. «Мы были в недоумении, — пишет Майерхофф, — но вскоре оказались позади всех и чувствовали, что едва успеваем за всеми, поскольку группа почти бежала».

В своей диссертации, написанной в 1973 году, которая известна как *Путешествие в Икстлан*, Кастанеда описывает ночь, проведенную в холмистой местности, там, где отрабатывался «бег силы». Достаточно перепугав Карлоса рассказами о духах и привидениях, а также птичьими криками, дон Хуан заявил, что он готов покинуть это место. «Давай выбираться отсюда», — сказал он — и побежал. Карлос хотел остаться среди холмов до рассвета, но дон Хуан возразил «драматическим тоном», что оставаться здесь равносильно самоубийству. «Я последовал за ним, — пишет Кастанеда, — но я не мог угнаться за ним, и он вскоре исчез в темноте где-то впереди меня».

Конечно, Харнеру нечего беспокоиться по поводу этого примера. Страх перед священными местами, как он мог бы сказать, распространен повсеместно. Тому, кто бежит плохо, трудно держаться рядом с теми, кто бежит быстро. Здесь действительно все просто, если только вы не ослеплены страстью превращать честных репортеров в остроумных мистификаторов.

Хорошо, пусть этот пример ничего не доказывает. Но как насчет «бега силы»? Откуда он появился? В своей книге «Маги и мистики Тибета» (опубликованной в 1932 году и переизданной в 1971 году), Александра Дэвид-Ноэль описывает *лунг-гом-па*, тех кто путешествует, находясь в трансе: «Этот человек продвигался вперед, двигаясь необычным образом, и, что особенно поражало, двигался он с исключительной скоростью». В *Путешествии в Икстлан* (опубликованной в 1972 году) Кастанеда пишет: «Потом он показал специальный способ передвижения в темноте, способ, который он назвал «бегом силы».

«Заход солнца и ясная ночь, — пишет Дэвид-Ноэль, — создавали благоприятные условия для ходока». «Бег силы предназначен для того, чтобы бегать по ночам», — прошептал дон Хуан в ухо Карлоса.

Комментируя записки Дэвид-Ноэль, лама Говинда в своей книге *Путь белых облаков*, написанной в 1971 году, добавляет: «Ступни, казалось, обладали своим собственным инстинктом

избегать невидимых препятствий и находить опору для ног, которую на такой скорости и в такой темноте мог бы обнаружить только ясновидящий». В своем тексте (1972 год) Кастанеда продолжает: «Казалось, мое тело знало обо всем, не думая. Например, я мог не видеть острых скал на моем пути, но моему телу всегда удавалось наступать на края, никогда не попадая в расщелины, за исключением небольшого числа случаев, когда я потерял равновесие из-за того, что мое внимание было отвлечено».

«Нет большей опасности, — заключает Говинда, — чем неожиданное пробуждение и возвращение к обычному состоянию сознания. Именно это является причиной того, что *лунг-гом-па* должны избегать разговоров и не смотреть по сторонам, потому что малейшее отвлечение внимания может закончиться прерыванием транса». «Степень концентрации требует непрерывно просматривать местность прямо перед собой и делать это на пределе возможностей, — заключает Кастанеда, — как предупредил меня дон Хуан, малейший взгляд в сторону или слишком далеко вперед изменит характер бега».

Те из нас, кто считает книги про дона Хуана розыгрышем, легко увидят очевидное литературное влияние в приведенных отрывках, но те, для кого дон Хуан остается подлинной фигурой, увидят в этом проявление универсальных свойств мистического состояния ума. Психолог Майкл Борман, например, находит поразительным, что «и польский вельможа, и индийский философ, и маг из племени яки» совершают главную ошибку, характерную для людей: путать свой собственный взгляд на мир с тем, каким мир является на самом деле. Как вы можете вспомнить, дон Хуан говорил, что «взгляд на мир возникает из описания этого мира, которое дается нам с самого момента рождения». Я нахожу наиболее поразительным в этом то, что дон Хуан разделяет эту некую абстрактную идею не только с Коржибским и Кришнамурти, но и с лингвистом Эдвардом Сепиром, сказавшим в свое время, что чей-то взгляд на личное поведение возникает из «произвольных форм интерпретации того, что социальные традиции постоянно внушаются нам с самого момента рождения».

Явно оставаясь глухими к таким текстовым параллелям, многочисленные писатели восхищаются познаниями дона Хуана в области традиционного мистицизма или использования психоделических средств. «Достаточно любопытно, — пишет в своем комментарии Марлен Добкин де Риос, — что многие из откровений, почерпнутых Кастанедой у своего учителя, похожи на то, что широко используется в других сообществах, где применяются галлюциногенные растения. По-видимому, это связано с определяющими параметрами наркотиков самих по себе, вследствие чего они воздействуют на центральную нервную систему человека тем или иным определенным образом». Это вполне правдоподобная гипотеза для тех, кто верит в подлинность кастанедовского описания. Те же, у кого такого доверия нет, могут заподозрить, что создание психоделических мотивов связано не с особенностями наркотиков, применяемых доном Хуаном, но с содержанием тех книг, которые читал Кастанеда. Имеют ли такие подозрения какое-то значение для оценки ответственности учения дона Хуана? Имеет ли значение, пришли ли эти знания к Кастанеде непосредственно от дона Хуана или Кастанеда получил их из книг? К сожалению, это имеет значение. Журналист, которому мы не можем доверять, когда он говорит нам, где и как он раздобыл свою информацию, не может претендовать и на то, чтобы доверяли самой этой информации. Эксперт в области галлюциногенных растений может, без сомнения, узнать определенные ценные моменты, связанные с психоделиками, используемыми доном Хуаном, но эксперт, который верит в подлинность дона Хуана, может оказаться способным принять без проверки не имеющие никакой научной ценности элементы, сочиненные Кастанедой, вроде знаменитого курения зелья, приготовленного из грибов.

Если антрополог может быть введен в заблуждение, то что же может случиться с неантропологом? Элмер Грин, занимающийся психофизиологией йоги, находит «интересным», что учение дона Хуана во многом напоминает учение суфия Джако Рамано, который учит, что истина должна быть живой и истинной, а не проявляться лишь в разговорах. Ему кажется «очень занимательным», что восточная метафизика находит свое краткое выражение в независимом учении мексиканского

индейца дона Хуана. Он был заинтригован идеей дона Хуана о «дубле» и пришел к выводу, что то, что дон Хуан называл истинное «Я» «пучком», «замечательно совпадает» с идеей Гордона Олпорта о «функциональной автономии». Я согласен, что если какой-нибудь реальный *курандеро*, мексиканский маг и индеец, выступил бы с серией идей, которые можно найти в книгах Роберта Орнштейна, Отто Ранка, Д. Т. Судзуки и Гордона Олпорта, — безусловно, источники, из которых он черпал свои знания, были бы достойными пристального рассмотрения. Соответствие, обнаруженное Грином между чакрой солнечного сплетения и «щупальцами» дона Хенаро, безусловно, должны были бы заставить ученых сесть и сделать необходимые записи, если они верят в существование дона Хенаро. Однако если кто-то верит, что оба дона — продукт воображения, то тогда можно найти интересным и забавным этот замечательный успех Кастанеды, с каким ему удастся провести опытных профессионалов.

В какой-то момент Грин пришел к выводу о сходстве между «путем с сердцем» дона Хуана, тибетской сердечной чакрой и словами Иисуса Христа о том, что человек представляет собой то, что он думает в своем сердце. Здесь на ум приходят собственные размышления дона Хуана по этому поводу.

«Дон Хуан, — прошептал я, — знаешь ли ты, что по словам Иисуса, человек — это то, что он думает в своем сердце?»

Дон Хуан забыл об охоте за кроликом и уставился на меня с удивлением.

«Ты, должно быть, хочешь меня разыграть!» — сказал он.

«Нет, я не разыгрываю тебя, дон Хуан».

Он грустно покачал головой. «Теперь мне совершенно ясно, — сказал он, — что Иисус не *видел*. Иначе он знал бы, что светящееся существо не думает в своем *сердце*. Оно думает только в своем *тонале*». Он посмотрел на меня с подозрением. «Ты что, снова ходил в церковь?»

Я засмеялся. «Ты знаешь это лучше дон Хуан, это я прочел в книге Элмера Грина».

«Проклятие! — дон Хуан бросил свою шляпу на землю и начал топтать ее. — Я так и знал! Если бы ты прекратил читать

эти книжки и слушал бы меня, никто бы тебе не сказал, что ты воруюешь идеи. Тебе что, это непонятно?»

«Я понимаю, дон Хуан, — сказал я оправдываясь, — но многое из того, что я прочитал в книгах, соответствует тому, что говорил ты». «Так ли это?» — он косо посмотрел в сторону кустов, разыскивая кролика, который сбежал, пока мы разговаривали.

«Например, — настаивал я, — Грин говорит, что суфии учат, что истина должна быть живой, а не только обсуждаться на словах».

Дон Хуан кивнул: «Ну, в этом они правы. Разговор ничего не значит».

Я достал свою записную книжку. «Это так говорят маги?» — спросил я.

«Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что так говорят маги?»

«Разговор ничего не значит».

Дон Хуан щелкнул языком. «Ну раз ты слышишь, что это говорит маг, значит это то, что говорят маги».

Я записал это в свою записную книжку.

«Тебе нужно еще одно высказывание?» — спросил он.

«Конечно», — сказал я.

«Действия говорят громче, чем слова», — сказал он.

Как мне кажется, наиболее поразительную поддержку Кастанеде оказала Мэри Дуглас, которая в своей статье «Аутентичность Кастанеды»^{*} приводит примеры широко распространенных неудач в попытках проведения различия между двумя компонентами истины: валидностью и аутентичностью.

Валидность в этом обсуждении понимается как соответствие между содержанием научного сообщения и некоторым прочно установленным теоретическим основанием. Сообщение признается валидным, когда оно согласуется с тем, что, как нам думается, мы знаем. Когда люди думали, что мир плоский, сообщение о том, что корпус отправляющегося корабля должен

---

^{*} Глава третья в данном сборнике.

исчезать по мере его отпильгтия, должно было игнорироваться, отрицаться или как-либо оправдываться. Когда люди стали думать, что мир круглый, такое сообщение становилось вполне приемлемым и принималось для обоснования этой круглости. Реально имеющая место форма мира — круглая, или плоская, или кубическая — не поддается определению; определяется только соответствие между установившимся теоретическим и эмпирическим представлениями о его форме.

Аутентичность в этом обсуждении подразумевает возможность проверки сообщения. Исходит ли оно от конкретных лиц, мест и событий, которые оно описывает?

Хотя эти определения весьма условны в науке, некоторые ученые, очевидно, не всегда уясняют это для себя. Вполне полезно привести такой пример. Если (гипотетически) кто-либо из антропологов сообщил, и весьма доверительно, что шаманы племени оджибуэев используют грибы *Amantia muscaria* при проведении обрядов, тогда мое сообщение о том, что я принимал участие в таком обряде на Минисс Китиган (Садовом острове) на Мичи-Чигамик (озеро Мичиган), может легко быть принято как истинное сообщение и любая деталь, которую я добавлю к текущему описанию обряда, также будет принята и станет частью антропологической литературы по шаманизму.

Если несколько месяцев спустя появится утверждение (даже голословное), что наиболее близко я находился к Садовому острову, когда собирал мой новый *Hudson Hornet* в Детройте в 1953 году, тень сомнения падет на все мое сообщение и могут возникнуть вопросы к описанным мною деталям. Если я затем напишу письмо в *American Anthropologist*, признавая, что никогда не посещал Минисс Китиган, но цитировал соответствующие страницы из готовящегося выйти *Puhpohwee for the People* для сообщенных мною сведений, мое исходное сообщение будет признано *полностью неаутентичным*, но добавленные мною этнографические детали могут быть признаны полностью валидными благодаря авторитету Киинуйдинокуайя, весьма зарекомендовавшего себя оджибуэйского шамана, автора упомянутой книги, из которой я заимствовал свои идеи. Нет необходимости говорить, что все мои дальнейшие сообщения будут вызывать вполне обоснованные сомнения.

Таким образом, исходя из вышесказанного, валидность и аутентичность в своей основе, хотя и не в полной мере, — независимые компоненты истины. Валидность не может быть достигнута без подлинного наблюдения и описания кем-либо, в каком-то месте, в некоторое время, — но когда аутентичные-и-валидные сообщения появляются в библиотеке, претендент-интеллектуал сможет составить совершенно недостоверное сообщение (типа *Учения дона Хуана*), содержащее множество валидных подробностей (таких, как, например, представление о том, что колдуны пытаются выкрасть душу один у другого). После этого большинство людей, в том числе и антропологи, больше заботящиеся о валидности (которая теоретична и, следовательно, интересна), чем о подлинности (которая слишком зависит от практических условий для обладания валидной информацией), склонны принимать аутентичность просто прочитав сообщение, содержание которого кажется им валидным. Я уверен, именно в это заблуждение ввела себя Мэри Дуглас.

Однако ее суждение о том, что если кто-то пишет столь наивно, как Кастанеда, то это может стать причиной того, что мы останемся в дураках, не только ошибочно. Мог ли такой недотепа быть приглашен доном Хуаном? Конечно же, нет! Ее попытка оценить подлинность сообщений Кастанеды путем анализа его стиля, и через его стиль — его характер, провалилась из-за того, что стиль Кастанеды совсем не простым образом, и тем более не полностью, отражает его характер. На самом деле он совсем не наивен, но намеренно использует такой стиль при описании мыслей и комментариев того фиктивного характера, который я назвал бы «Карлос-Наивный».

Ральф Билз делает подобную же ошибку, рассуждая, что дон Хуан должен существовать в том или ином виде, так как Кастанеда начал говорить о нем еще в 1960 году.

Мог ли кто-нибудь сохранять такую загадочность столько лет, если вообще никакого дона Хуана не существовало? Конечно, нет! Этот вывод оказался ошибочным, потому что Билз не предполагал столь большой разницы между характером Кастанеды и тех лиц, с которыми он привык иметь дело в университете. Как сказал Кастанеда: «Моя жизнь весьма странная, даже более странная, чем выглядит».

Подобные неудачи в определении характера вполне возможны. Мы обычно воспринимаем других людей в чем-то похожими на нас самих. Чего я не ожидал от ученых, так это их вывода о подлинности существования дона Хуана или доверия к Кастанеде, вытекающего из валидности особого этнографического содержания, звучащего во всех книгах о доне Хуане. Дуглас высказывается против признания книг подлогом (неаутентичными) на основании того, что отношение дона Хуана к жизни и смерти сильно отличается (как она верит) от нашего (и тем не менее подобна такому отношению, которое антрополог может рассчитывать обнаружить в дописменной американо-индейской культуре).

Здесь вполне явно выводится происхождение аутентичности из валидного содержания: поскольку дон Хуан говорит то, что, согласно нашим ожиданиям, говорят индейцы, или то, что не-индейцы не говорят, следовательно, дон Хуан должен существовать. Однако это вовсе не следует одно из другого.

«Философия аскетического мистицизма дона Хуана, — говорит Дуглас, — достаточно очевидная правда в этой истории». Видно, что она выводит существование дона Хуана из качества его учения. Восприняв его в качестве подлинного источника индейских знаний, она привлекает внимание своих коллег к его технике вызывания различных видов визуальных опытов: различные способы скашивания глаз, фокусировки и расфокусировки и быстрых боковых сканирующих движений. «Исходя из этих идей — говорит она — мы, по всей вероятности, могли бы продвинуться в антропологии».

В конце концов Дуглас оказывается неспособной сказать, о каком аспекте правды она говорит, и составляет ложное определение, что учение дона Хуана приходит к Кастанеде примерно так, как об этом говорит сам Кастанеда. Вполне возможно, считает она, что из образов скашивания, сканирования или фокусировки, какими бы ни были их источники, любой может продвинуться в самосовершенствовании или духовной тренировке и даже в антропологии, но это совершенно отлично от утверждения, что эти образы возникли в конкретной американо-индейской культуре, хотя бы в сообществе магов, и что

антрополог может серьезно принимать их за этнографические находки.

Дуглас не принимает точку зрения о «временном замешательстве нескольких профессионалов», которые занервничали, когда им были предложены новые варианты проведения полевой практики, но она не обращает внимания на то, что источник этого замешательства более важен для ученых, чем нововведение, представляющее собой хорошо обоснованное подозрение о том, что все читают подложный полевой отчет, который хотя бы один уважаемый коллега назвал аутентичным.

Ученым, для которых английский является вторым языком, вдвойне неприятно слышать отголоски Оплера и Петрульо, Судзуки и Дэвид-Ноэль в прозе Кастанеды. «Соответствия между учениями дона Хуана и трудами других людей не могут быть простым плагиатом, — пишет немецкий ученый Деннис Тимм, — потому что всемирная взаимосвязь магического опыта представляет собой этнологическую банальность». Де Милль, со слов Тимма, должен был бы оценить свою собственную недостаточную личную силу перед тем, как пытаться писать о силе дона Хуана; де Милль слишком перестарался в доказательствах плагиата Кастанеды, «что попадает прямо на острие его собственных аргументов».

Я писал Тимму, что лезвие его споров поражает или меня, или его, в зависимости от того, находится ли соответствие только между магическими феноменами или такое соответствие обнаруживается также и между словами, описывающими магические феномены. Я привел три примера. Тимм ответил, что, доверяя очевидности данного рода, западные ученые попадают в ловушку своих собственных предрассудков. Для поддержания своей позиции он привлек Мэри Дуглас для подтверждения подлинности Кастанеды — замкнув таким образом круг.

Учение дона Хуана, говорил Тимм, имеет эзотерический смысл, который невозможно постичь путем научных обобщений. «Научная верификация этих «учений» невозможна, — заявляет он. — Подтверждение того, в чем приобрел опыт Кастанеды, может быть установлено только путем «особого консенсуса», который может быть достигнут только между магами».

Я подозреваю, что Тимм совершенно прав по поводу трудности подтверждения опыта Кастанеды, но неприятие полевого отчета Кастанеды вполне подвластно науке и ее наблюдениям и является вполне законченным само по себе. Я надеюсь, что Тимм по мере развития событий примет такое положение и затем перейдет к реализации все большего получения данных для себя, что этот эзотерический документ в большей степени способен стать вознаграждением духовному или магическому искателю, если это выясняется из описываемых экспериментов, в большей степени, чем из воображения писателя-фантаста, безразлично, сколько бы магической литературы этот писатель смог изучить. Если же не было никакого опытного основания для учений дона Хуана (как пишет Пауль Хилас), то мы должны дать оценку дону Хуану (или, я хотел бы добавить, Кастанеде) как «шарлатану, вовлеченному в ложное учение».

Тимм дает низкую оценку не только мне, но и Гансу Петеру Дюэрру, в чьей более умеренной критике Кастанеды он находит измену «альтернативной науке». Летом 1963 года студент антропологии Дюэрт совершал поездку на юго-запад для исследования скальных пещер в Пайя. Ожидая автобус на Грейхаунд на станции в Альбукерке, он вступил в разговор с травником (*yerbatero*) племени тева, индейцем, прекрасно разбирающимся в растениях. После небольшой беседы Дюэрт спросил, не мог бы индеец помочь ему найти семью в одном из пуэбло к югу от Санта-Фе, которая взяла бы его на несколько месяцев, так как он хочет заняться изучением ритуальных танцев в подземных кивах. Индеец поднял голову, посмотрел Дюэрру прямо в глаза — «взглядом, исполненным особого значения», — затем улыбнулся и сказал ему, что наиболее подходящее пуэбло для его изучения будет «el pueblo de Nuestra Senora la Regina de los Angeles» (пуэбло Нашей Покровительницы Королевы ангелов), университетские библиотеки которой имеют много информации о танцах, исполняемых в кивах*. Задетый за живое, Дюэрт вскочил в автобус, отправлявшийся на запад, и посвятил все свое дальнейшее обучение знаниям индейцев «в библиотеках Лос-

---

* Подземных святилищах. —Прим. перев.

Анжелеса и других не самых удачных местах»: вот подготовка критики Кастанеды.

В отличие от Мэри Дуглас, Дюэрт не использовал первичный материал Кастанеды для выяснения аутентичности. «Даже студент американского колледжа не может быть столь глупым», — сказал он себе. Множество вариаций, изображающих Карлоса Наивным, Скептиком, Этичным, Западным Рационалистом, он посчитал «стилизацией по дидактическим соображениям». Говорящие животные взяты из волшебных сказок. Дон Хуан был в слишком большой степени благородным дикарем, Восточным гуру и дедушкиным суперэго. Однажды прочувствовав стиль Кастанеды, чтобы выявить псевдо-учителя, Дюэрт продолжал объединять валидность и аутентичность даже более шумным образом, чем это делала Дуглас.

Хотя и наделив Кастанеду множеством сомнительных достоинств, Дюэрт находит свою полуиспеченную магию в лучшем виде. Паря на крыльях дурмана, Дюэрт не распознал работу Карлоса с дьявольским зельем. Он бросил вызов непобедимой глупости Карлоса, не будучи даже способным отличать галлюцинации от обычной реальности. Он был подозрителен относительно курения грибов доном Хуаном. Он критиковал Кастанеду за искажения и использование некорректного опыта, полученного за пределами реальности. «Койоты всегда рыщут в поисках добычи» — ссылается он на шамана Павиосто.

Выявив невалидность содержания книг, Дюэрт выводит из этого содержания их неаутентичность. Это далеко не лучший способ делать выводы, но (по причинам, о которых я еще поспорю) так можно добиться успеха намного вернее, чем выводя аутентичность из валидности. Решение частично находилось в письме, полученном мною от поэтессы, понявшей, что книги были вымыслом, в ту же минуту, когда она прочитала рассуждения дона Хуана о том, что маг способен отправиться на Луну, но не может принести оттуда сумку с камнями. «Дон Хуан не мог бы сказать *такое*, — писала она, — он должен был сказать, что маг *не стал бы* приносить назад сумку с камнями. Разница весьма существенна, если мы собираемся поверить в безупречность дона Хуана». Здесь интуиция поэтессы насчет безупречности содержит некоторые противоречия: таким образом она

заключает, что Кастанеда сочинил истории. Неаутентичность выведена из невалидности.

Так как валидность и аутентичность не в полной мере независимые компоненты истины, мы можем пытаться выводить одно из другого, но, как показала Мэри Дуглас, такое предположение весьма ненадежно. Рисунок «Категории Истинности» представляет проблему такого предположения в виде таблицы из четырех частей, в которой я классифицировал восемь широко известных работ как валидно-аутентичных (++), валидно-неаутентичных (+-), невалидно-аутентичных (- +), невалидно-неаутентичных (- -). Эти обозначения не являются, конечно, абсолютно корректными, так как работы, отнесенные к одной категории, могут демонстрировать некоторые характеристики другой категории, но я думаю, что они вполне допустимы.

Большинство антропологических работ будут отнесены большинством критиков к категории валидно-аутентичных, что для нас не удивительно, так как профессия антрополога требует производить честные доклады, которые теоретически правильны. Отнесение большинства работ к какой-либо другой категории будет допущением общего нарушения в данной области, и, таким образом, будет весьма неподходящим. Это значит не то, что большинство антропологических работ теоретически безошибочны или совершенно честны, но только то, что они удовлетворяют некоторым явным или неявным стандартам теоретической корректности и честности изложения. Они проходят проверку по обоим счетам. Насколько строгой должна быть проверка — это уже другой вопрос, к которому я обращаться не буду.

Первые две работы были выбраны мною, чтобы продемонстрировать, что к категории «валидный-аутентичный» относятся этнографические работы. Третья, *Возвращение к смеющемуся*, является антропологическим вымыслом, основанным на авторском профессиональном опыте на местах. Все три в классификации отнесены к валидным, так как их этнографическое содержание принято как вообще правильное; все три, другими словами, согласуются с антропологическими знаниями и образом мысли. Все три также отнесены к аутентичным, так как никем не оспаривается, что они не исходят от конкретных лиц,

	аутентично (+)	неаутентично (-)
валидно (+)	<p>(+ +)</p> <p><i>Жизненный путь апачи,</i> — Оплер</p> <p><i>Охота за пейотом,</i> — Майерхофф 1974.</p> <p><i>Возвращение к смеющемуся,</i> — Бовен, 1954</p>	<p>(+ -)</p> <p><i>Учение дон Хуана</i> <i>Отдельная реальность</i> <i>Путешествие в Икстлан</i> — Кастанеда</p>
невалидно (-)	<p><i>Горный народ ,</i> — Турнбулл, 1972</p> <p>(- +)</p>	<p><i>Золото Богов,</i> — фон Денникен, 1973</p> <p>(- -)</p>

КАТЕГОРИИ ИСТИННОСТИ

мест и событий, которые описывают. Первые две объявлены этнографическими сообщениями, о третьей сказано, что это вымысел, в котором вымышлены лица и места (хотя и реалистичные), а в событиях соединены реальные наблюдения и фантазия. Все три работы использовались при изучении антропологии. Студентам нравится *Возвращение к смеющемуся* из-за ее повествовательного характера; преподаватели также не испытывают сомнений при использовании ее в качестве первоисточника, так как считают, что она валидно описывает опыт практического местного изучения и валидно описывает особенности конкретного сообщества.

Псевдоантропология является также преуспевающей областью, таким образом великое множество книг можно было бы поместить в графу недействительное (необоснованное, не-

достоверное). Я выбрал общеизвестный пример Эриха фон Денникена «Золото Богов» — рассказ об археологических открытиях в Южной Америке. «Для меня, — пишет фон Денникен, — это наиболее невероятная фантастическая история столетия. Она могла бы легко оказаться исходящей из области научной фантастики, если бы я не увидел и не сфотографировал невероятную действительность лично».

В 1972 году фон Денникен заявляет, что исследователь Хуан Мориц лично провел его по некоторым туннелям на глубине 800 футов, где он увидел сокровищницу с золотыми изделиями, образцы которых были также собраны в Куэнца в Эквадоре священником по имени Креспи. Оспаривая подлинность истории фон Денникена, Мориц позже говорил, что никогда не брал Денникена в туннели, а только рассказывал ему о них. Оспаривая реальность этой истории, археолог Пино Тюрोगла говорил, что странные «бесценные изделия» отца Креспи были простым хламом, производимым местными индейцами из материала, подобного разновидности медного сплава. Экспедиция Морица в пещеры обнаружила резьбу по камню, а не по золоту, обещанную в давней легенде. Если фон Денникен не посещал туннелей, его история недостоверна; если в туннелях не было золота, его история вообще недействительна (принимая во внимание скептическое отношение к историям об Эльдorado).

Легкость, с которой любой может поместить многие работы в клетки таблицы, обозначенные ++ и —, может создать впечатление строгой положительной зависимости между реальностью и достоверностью, но мне кажется, что это впечатление ложное. Напротив, подобная зависимость является главным источником ошибок в этих теориях и (в меньшей степени) документальных наблюдениях, каждое из которых нередко полностью опровергается новыми, непредсказанными наблюдениями.

Более уместным по отношению к работам Кастанеды является тот факт, что любой автор недостоверных докладов, независимо от того, является ли он мистификатором или не столь уж большим плутом, старается вспомнить побольше реального материала из любого источника, чтобы сделать свой доклад более правдоподобным для таких сведущих читателей, как про-

фессиональные коллеги или члены диссертационного комитета. Наоборот, честный докладчик обречен на некоторые ошибки и может легко сделать их во множестве. Слабость теории, существование плутов и вездесущность погрешности должны уменьшить корреляцию между подлинностью и реальностью, может даже уменьшить ее до такой степени, когда прогноз отдельных случаев является в лучшем случае пустой тратой времени.

Честные ошибки в сообщениях могут возникать по меньшей мере из двух источников: ошибочное восприятие событий и ошибочное истолкование правильно воспринятых событий. Ни один из них не опирается на подлинность: оба опираются на реальность. Обсудим их по порядку.

Ошибочное восприятие, несомненно, встречается реже, чем ошибочная интерпретация событий, но ошибочное восприятие поднимает вопрос, более очевидно относящийся к книгам Кастанеды, которые предлагают работу по общественно-научной интерпретации под видом историй об ученическом восприятии и квазивосприятии по крайней мере двух видов не-социальных миров — обычного (хотя и не реалистического) пустынного мира и необычного мира колдовства и магического видения. Поскольку Кастанеда подменяет визуализацию концептуализацией, превращая таким образом социальный мир Сепира в естественный, но особым образом зримо воспринимаемый мир дона Хуана, мы обязаны рассмотреть здесь случаи ошибочного восприятия в социальной науке.

Парадигматическая иллюстрация видения того, чего не существует, и невидения того, что существует, приводится венским психиатром Александром Пильцем, который задокументировал трюк с канатом в Восточной Индии, засняв его на кинокамеру. При включенной камере Пильц и несколько сотен других свидетелей увидели такую последовательность событий: факир и маленький мальчик вышли на середину площадки, и факир подбросил моток веревки в воздух. Веревка самостоятельно застыла в вертикальном положении. Мальчик взобрался по веревке и исчез на верхнем ее конце, откуда вскоре отдельно стали падать его руки, ноги, туловище и голова. Факир собрал эти останки в корзину, взобрался вместе с ней по веревке и исчез наверху. По истечении некоторого времени факир и улыба-

ющийся вновь собранный мальчик спустились по веревке. Вербка упала, как жердь, и разорвалась на кусочки. Разорванные куски вновь самостоятельно слились воедино. Факир и мальчик раскланялись.

Подобно всей остальной аудитории, ранее скептически настроенный Пильц был сильно поражен представлением, но когда фильм был показан позже, события развивались иначе: факир подбросил веревку в воздух, откуда она сразу же обычным образом упала. Остальное время факир и мальчик стояли около упавшей веревки, ничего не делая.

Согласно определениям Кастанеды, здесь существует две отдельные реальности: необычная реальность, испытанная Пильцем и аудиторией во время представления, и обычная реальность, испытанная Пильцем во время просмотра фильма.

Мы также имеем возможность различать их или выбирать по своему усмотрению. Игроки в философские игры могут склоняться к определенному выбору, заявив о полной удовлетворенности фактом существования бок о бок двух видов действительности. Оккультисты, несомненно, скажут, что факир не хотел, чтобы его трюк был записан на пленку, и поэтому составил альтернативную последовательность изображений для камеры, посылая для записи в нее свои мысли; если это начитанные оккультисты, они упомянут имя Тэда Сириоса, признанного идеографа (способного к непосредственной записи мыслей). Ученые, включая антропологов, будут настаивать на правильности версии в виде фильма, а опыт аудитории будут рассматривать как галлюцинацию, а если они любят пустые объяснения, то могут сказать, что галлюцинации были вызваны массовым гипнозом. Аномалисты, подобно парапсихологам, примут фильмовую версию за нормальный стандарт, но тем не менее могут предположить, что в том, что видела аудитория, имела место некоторая материальность того вида, который непонятен ни им, ни кому-либо другому.

Ну и что же произошло в действительности? Одеревенела ли веревка или упала наземь? Взобрался ли по ней мальчик или остался стоять на земле? Чтобы ответить на подобные вопросы, одному необходимо находиться в рамках реальности, другой предпочитает эти рамки каким-либо другим. Хотя метафизики

могут заявить, что не могут ответить на подобные вопросы, практичным людям несложно ответить на них. Однако прежде всего необходимо вписаться в рамки той реальности, которая наиболее привычна каждому, «обычную реальность» по Кастанеде, которую философы Уильямс Джеймс, а затем Альфред Шутц называли «высшей реальностью». Я назвал ее «главной реальностью», так как, если вы не делаете то, что от вас требуется, она тут же напомнит о себе, и она будет напоминать о себе независимо от того, делаете ли вы то, что она от вас хочет, или нет. Великанами Дон Кихота были ветряные мельницы Санчо Пансы, но так или иначе — они сбросили Дон Кихота с коня.

Однако если они способны на большее, чем созерцать стоящую веревку, вооруженных цепями великанов или превращающиеся в ворон головы, ученые должны, по крайней мере, постоянно иметь в виду наличие фильма Пильца, ветряные мельницы Санчо Пансы или обычный мир Карлоса-Скептика. Научные законы требуют от них обоснования исследований в обычной коммуникативной реальности, что намеревался делать Кастанеда, когда приписывал календарные даты конкретным событиям в своих воображаемых полевых заметках.

Ученым не запрещается исследовать или проникать в альтернативные реальности, только требуется связывать свои исследования с определенными точками ординарного мира. Очевидные галлюцинации, такие, как трюк с канатом или явные аномалии или паранормальные события, подобно телепатии и психокинезу, являются вполне приемлемыми объектами для научных исследований. Чарльз Тарт даже делает предположение, что эксперименты под действием наркотиков или гипноза могут иногда оказываться успешными, тогда как проведение их при нормальном состоянии сознания приводит к неудаче. Но к каким бы явлениям ни обращалась наука, какие бы средства ни использовала, ее функционирование и сообщения должны до некоторой степени основываться на ординарной реальности.

«Замкнутый подмир научной реальности, — писал Альфред Шутц, — хотя и отличается от обычного смысла, от повседневной жизни, но обязательно связан с процессом эмпирической верификации в рамках мира с общепринятым смыслом, в котором мы живем и который считаем само собой разуме-

ящимся как нашу высшую реальность». Если сообщение претендует на подлинность, рассказчик обычно должен знать, кто проводил эксперимент или наблюдение, где оно проводилось и какие средства использовались. В качестве крайнего примера сообщение о видении в состоянии сна должно включать информацию о том, что это был сон: описание сна, преподнесенное как проведенная практически работа, не является аутентичным. Тот факт, что эти положения требуют обсуждения, не являются бесспорными, вообще показывает насущное влияние феноменологии, вновь выдвигая старую идею о том, что личные мысли являются данными для общественных наук. Современные феноменологи могут возразить против такой упрощенной характеристики их методов, но я думаю, что подобная концепция сделала некоторых ученых, занимающихся общественными науками, неспособными к различению, или помогла им избежать возможности отличать аллегории Кастанеды от полноценного изложения практически проделанной работы.

Один из бывших членов его подготовительных комитетов и все еще его стойкий защитник Теодор Грейвс сказал: «Задачей Кастанеды было не написание фактической этнографии, но передача личного опыта противопоставления радикального вызова его понятию реальности». «Означает ли это, — спросил я, — что история дона Хуана является творческим произведением, не имеющим никакой необходимой связи с действительным старым индейцем». «Нет, — ответил он, — хотя Кастанеда организовал, интерпретировал и представил свои факты творчески, тем не менее он остается фактически репортером». Еще несколько подобных фактических репортеров — и с общественной наукой можно распрощаться. Предлагая свой культурный материализм в качестве парадигмы социальной науки, Марвин Харрис считает Кастанеду совершенным средством для переделки феноменологов. Занимаясь полевыми исследованиями в своей голове в течение четырнадцати лет, Кастанеда стал феноменологом для прекращения существования феноменологии.

Несмотря на возобновленный интерес к тому, что реально и как это установить, более вероятным источником погрешности и мишенью для критики является ошибочная интерпретация ординарного, правильного восприятия событий. «Гор-

ный народ» Колина Турнбулла является известной мишенью, которую я поместил в клетку таблицы «невалидно-аутентичный». Турнбулл жил в Уганде с голодающим племенем, прозванным Ик, чье поведение он находил крайне омерзительным. Он тяжело выстрадал этот случай, и он написал удачную книгу об этом, в которой повествуется история его страданий и описана ужасная история жизни ик.

«Горный народ» аутентична, поскольку никто не может упрекнуть Турнбулла в придумывании его наблюдений. Фридерик Барс обвинил его в создании систематически ложной фальшивой записи того, что ему пришлось пережить, но Турнбулл с негодованием опроверг это обвинение, хотя Грант МакКал пишет: «Мне бы не хотелось... делать намеки... но я уверен, что это фикция. Я не... спрашиваю о наблюдениях, произведенных им, или о его компетенции производить такие записи». Лично я расхожусь с Турнбуллом разве что в интерпретации этих данных.

Турнбулл допускает, что был сбит с толку племенем ик. Их страдальческий смех казался ему странным. «Я был просто не способен воспринять это, — писал он. — Все, что я делал, — это пытался описать это». Интерпретируя то, что ик «не имеют культуры», Турнбулл впоследствии допускает, что их стадность и смех были знаками культуры, которую он не смог постичь. «Мне и ранее приходилось бывать в достаточно тяжелых условиях, — говорил он, — но никогда я не терял антропологического хладнокровия, как это было с Иками».

Хотя критики Турнбулла считают, что в его книге обрисован недействительный портрет Иков, некоторые хвалили его за то, что он представил картину как валидную, так и аутентичную, картину трудностей, выпадающих на долю составителей полевых заметок, и эмоционального хаоса, который ему пришлось вытерпеть. Более того, некоторые ученые говорили, что любые полевые работы переполнены трудностями, подобными тем, что возникали у Турнбулла, разве что обычно менее тяжелыми, и они восхищались его отвагой и выдержкой, общими для всех, работающих в полевых условиях.

Полевые работы Турнбулла проводились в обычном мире, и фильм об этом, если бы его снял профессор Пилы, показал

бы племя ик. Полевые работы Карлоса проводились в мире фантазии, и в документальном фильме о жизни Кастанеды с 1960 по 1974 год дон Хуан не показан. За исключением тех, кто скажет, что дон Хуан мог бы сам стать невидимым для камеры Пильца, все это приводит нас к четвертой клетке таблицы, в которой первые три книги Кастанеды (вероятно, слишком благосклонно, но необходимо для этого обсуждения) рассматриваются как реально-неподлинны. Я опускаю четвертую и пятую книги, которые антропологически еще менее реальны.

Полагаю, что неподлинность Кастанеды была убедительно доказана различными путями мной и Гансом Зебальдом. Противоречия в пределах мнимых полевых заметок и между заметками и пустынным окружением, о котором в них говорится, убеждают многих читателей, что история не исходит от личностей, мест и процессов, которые она описывает. Дополнительным доказательством служат многие примеры (приведенные в *Аллеглоссарии*) явного заимствования из других опубликованных работ. До настоящего момента наиболее интересным вопросом является вопрос о том, в каком объеме и какого рода действительностью обладают книги про дона Хуана.

Могут возникнуть некоторые трудности при поиске действительного этнографического содержания в начальной трилогии Кастанеды, кое-что явно исходит из тех самых книг Оплера и Майерхофф, которые занимают действительно-подлинную клетку таблицы. Взглянув на имя Оплера в *Аллеглоссарии*, мы видим десять пунктов, одни из которых, под заглавием *Бивачный костер* и *Место*, демонстрируют литературное влияние, тогда как другие, под названием *Враги*, *Жест*, *Попечитель*, *Власть* и *Закон*, содержат идеи, обнаруживаемые в трилогии, хотя им может не хватать доказательности. Вальтер идт был поражен притчей дона Хуана о четырех врагах человека знания. Когда я думаю, что идт испытывал больше скептицизма по отношению к донхуановской подлинности или был более откровенен в скептицизме, который он испытывал, я признаю, что подобие между оплеровской и донхуановской трактовкой страха, ясности, силы и старости, которые легко подтверждают подозрения скептика, подобного мне, может в равной степени поддерживать веру верующих (вероятно, подобных идту), при-

нимая их не как знак имитации, а как признак культурного распространения или универсального разума.

Возвращаясь к имени Майерхофф, видим семнадцать пунктов, десять из которых сходны с трилогией Кастанеды и *Peyote Hunt*. Никакой из них не является особо очевидным, что помогает объяснить, почему Майерхофф до чтения *Путешествия Кастанеды* скорее находила в трилогии подтверждение своей собственной работы, чем подражание. Однако когда она прочитала *Сказки о силе*, Майерхофф была возмущена тем, что Кастанеда сделал с тоналем и нагвалем, «двумя прекрасными местными концепциями». По ее мнению, он их полностью извратил.

Для индейцев тональное и нагвальное представлено роковыми или метаморфическими животными, для дона Хуана они являются квазибуддистскими понятиями потенциальности и актуальности, или латентности и манифестации. Ничто (нагвальное), создающее что-то (тональное), признается идеей Восточной Индии. В культурах американских индейцев мир объясняется как продукт превращения, а не возникший из ничего, природа смоделирована из пыли сверхчеловеческим горшечником, а не проявлена из Ничто Невыразимым Первоначалом. Сталкиваясь с восточными абстракциями дона Хуана в *Сказках о силе*, некоторые ранее сочувствующие антропологи с грустью заключили, что Кастанеда перешел от правильной антропологии к ложному мистицизму, в то время как мистически настроенные читатели радовались, что дон Хуан перешел наконец к делу и дал им настоящие уроки. Является ли сообщение действительным или нет, зависит от теории, на которую оно опирается.

Намного раньше скептические антропологи исследовали недействительное этнографическое содержание трилогии вообще. Наиболее очевидным был так называемый путь знания яки, ошибочно предлагаемый заглавием «Учения». Несмотря на авторитетные заявления специалистов по яки: Эдварда Спайсера, Ральфа Билза и Джейн Холден Келли — о том, что история дона Хуана не имеет ничего общего с культурой яки, неправильное употребление термина «яки» продолжается. Неантропологи и легкомысленные антропологи пошли дальше и, ссылаясь на

дона Хуана как на «старого мага яки», не позднее 1977 года Американский Антрополог любезно воспроизвел заявление Саймона и Шустера, занявшее целую страницу, называя «Учение» и «Отдельную реальность» исследованиями «религиозной практики индейцев яки», каковыми они, конечно, не являются. Хитрые отречения Кастанеды от любой попытки настаивать, что *путь знания* дона Хуана был действительно путем яки, делает неправильное употребление термина все более непростительным, изначально и навсегда.

Откуда происходит это ошибочное употребление термина? Могу предположить, что слабая связь дон Хуана с племенем яки была способом имитации подлинной этнографии, чтобы обойти некоторые требования, такие, как поездка на практику и тягостные культурные описания. Яки находились не столь далеко, чтобы обедневший студент мог не заявить о путешествии к ним на своем автомобиле. Когда его первый председатель комитета, Ральф Билз, хитро произвел тысячемильное круговое путешествие за уик-энд, Кастанеда просто бросил его и ушел в поисках менее критичного председателя. Ввиду культурной несовместимости яки были сосланы из родного края на долгие годы, так что дон Хуан мог собирать все виды знаний не только яки во время путешествия в других частях Мексики. Толерантность Калифорнийского университета к подобным мистификациям объяснить труднее, но я постараюсь разобраться в этом в следующей главе.

Далее упомянем о так называемых донхуановских чарах. Если старый мудрец хочет, чтобы его называли *брухо* (волшебником) или хотя бы даже акционером, — это его особая привилегия, но когда Кастанеда называет его колдуном, — это научная или, вернее, антинаучная ошибка. Как проясняет Билз, дон Хуан не является колдуном ни в каком принятом антропологическом смысле. Колдунов боялись и ненавидели другие члены сообщества, поскольку они использовали злых духов или магические средства, чтобы ослабить людей, дон Хуан же является отшельником, у которого нет врагов, и он использует своих растительных союзников для исследования других миров и онтологической сущности. Он далек от того, чтобы быть колдуном, скорее, он добрый мистический чародей.

Можно привести и другие ошибки. Индейцы не «сшивают» ящериц волокнами агавы и шипами чолла. До Учений они держивались от курения грибов. Индейцы не цитируют ламу Говинду по поводу протекания транса и, любой это знает, не учились подниматься к водопаду посредством непрерывных пучков лучей из чакры солнечного сплетения. Они не стремятся подкрадываться, подобно кроликам, и не называют пейот «мескалитом».

Учитывая подобные заблуждения, читатель может подумать, что было бы несправедливо рассматривать трилогию Кастанеды как действительную, в то время как Турнбулл должен томиться в недействительности. Я подтверждаю эту простую иллюстративную классификацию следующим образом: учитывая профессиональную респектабельность Турнбулла и актуальные путевые заметки, *Горный народ* является на удивление нереальным, учитывая мистификацию Кастанеды и нереальность (нематериальность) дона Хуана, трилогия на удивление является действительной, как покажет чтение *Аллеглоссария*. Нельзя сказать того же о *Сказках о силе* или *Втором кольце*, где грубое извращение культуры американских индейцев связано с нелепой (бесценной) туалетной пробкой Денникена. Заслуживают ли *Сказки* или *Кольцо* хоть какого-нибудь кредита доверия как действительное мистическое писание — это другой вопрос (в этой книге есть статья Агехананда Бхарати, в которой он проносит оглушающее *Нет*, тогда как Филип Стэнифорд напоеет мелодичное *Да*).

Каково соотношение между подлинностью и действительностью? Не имея актуаральных таблиц, я могу предложить только свое мнение по поводу общего смысла. В пределах ограничений, накладываемых слабостью теории и вездесущностью погрешности, сообщение, принимаемое как подлинное, имеет шанс быть в общем действительным. И наоборот, поскольку мистификаторы и другие последовательные плуты, которые могут создавать убедительные сообщения, значительно превосходят по количеству разумно честных писателей, сообщение, принятое как действительное, вероятно, может быть подлинным. Это звучит успокаивающе, но это означает, что искусные

мистификаторы и плуты признаются наряду с честными писателями. Кастанеда воспользовался этой двусмысленностью.

Сообщение, рассматриваемое как неподлинное (очевидно, имеющее прямое отношение к подлинности) может быть наполнено трепухой, подобно *Золоту Богов*, или только пересыпано ею, как трилогия Кастанеды. Неподлинный доклад не может быть в общем действительным; авторы, которые неправильно представляют свои источники, когда им это будет выгодно, не станут сомневаться, исказить ли им информацию своих источников.

Эти три вида прогноза, если рассматривать их в общем, имеют небольшую ценность. Возможно, индейцы курили грибы, возможно — нет. Ни определенное знание, что Кастанеда является мистификатором, ни твердая уверенность в обратном не могут дать нам ответ. Наоборот, Кастанеда может быть честным автором, но его корректное утверждение, что колдуны стараются овладеть душой другого, не доказывают его честности, он мог читать о воровстве душ у Майкла Харнера («Души Живаро»). Один прогноз, который я еще не упомянул, — это предсказание неподлинности из недействительности в тех случаях, когда находят много недействительных наблюдений (скорее как интерпретаций). Далее в этом томе Роберт Карнейро выполнит это задание, развенчивая народную приключенческую историю *Колдун Верхней Амазонки*. Карнейро достигает успеха, поскольку имеет много предварительной информации, касающейся действительности, и находит в книге много наблюдений, которые противоречат его информации. Он приходит к выводу, что путешественник был лгуном.

Благодаря общей слабости теории, даже это четвертое предположение может сбить с пути. Эльза Ферст, наивный скептик, отвергает книги про дона Хуана, поскольку в них сообщается о паранормальных событиях. Если телепортация и психокинез являются самоочевидным абсурдом, книги можно рассматривать неподлинными (или, возможно, только недействительными, где честный наблюдатель может быть одурачен) из-за его абсурдного содержания. Но, если телепортация и психокинез не являются абсурдом, дон Хуан может быть развенчан по ошибочной причине.

Чтобы помочь упорядочить это, социолог Марчелло Труцци систематически характеризует писателей, рассказы и события. *Писатели, заслуживающие доверия*: Оплер, Майерхофф, Бовен и Турнбулл, и *писатели, не заслуживающие доверия*: Кастанеда и фон Денникен. *Рассказы могут быть правдоподобными* как (большей частью) *Учение дон Хуана* или *неправдоподобными* как *Отдельная реальность* (которую читатели принимают за рассказ, содержание которого быстро распознается как фикция из-за манеры, в которой он повествуется). *События могут быть ординарными*, как фильм профессора Пильца о падающей вниз веревке, или *экстраординарными*, как видение стоящей веревки. Три измерения являются формально независимыми.

Применяя схему Труцци к книгам о доне Хуана, можно сказать, что в 1968 году заслуживающий внимание Кастанеда опубликовал довольно правдоподобный труд — *Учение*, описывающее ординарное существование скорее необычного отшельника. В 1977 году пользующийся недоверием Кастанеда опубликовал неправдоподобное *Второе кольцо силы*, описывающее сверхэкстраординарные события, такие, как материализация, левитация и внетелесный поединок. На протяжении этих десяти лет Кастанеда становится все менее и менее правдоподобным, как все более и более его автобиографические анекдоты противоречат независимым записям и один другому. Его трилогия была широко переклассифицирована как неправдоподобная, когда в «Путешествии Кастанеды» были проанализированы его внутренние противоречия. Его рассказы становятся все более экстраординарными, когда он отказывается от антропологии, переходя к оккультизму. Однако полезно отметить, что *Второе кольцо*, его наиболее оккультная книга, является неправдоподобной не из-за очень экстраординарных событий, но поскольку содержит несколько небольших противоречий в тексте. Трилогия, содержащая намного больше противоречий, чем *Второе кольцо*, следовательно, является менее правдоподобной, чем ему хотелось бы. Применение схемы Труцци может уменьшить ошибки наивного скептицизма, а также наивной подписки.

Обсуждая действительность и подлинность на протяжении многих месяцев с разными донхуановцами и кастанедовцами, я

встретил типичные возражения, которые я сейчас перечислю вместе с моими ответами.

1. Изобретательность ограничена. Большая часть того, о чем заявляет Кастанеда, должно было с ним произойти, поскольку никто не может придумать столь нелепые приключения.

Ответ: Возражающий, вероятно, не является читателем фэнтези или научной фантастики. Артур К. Кларк не был на Луне, но он написал «2001», астронавты были там, но ничего не написали. «Путешествие к Арктуру» является намного более странным, чем *Сказки о силе* или *Второе кольцо*, однако, никто не верит, что Дэвид Линдсей отправлялся на Арктур или что у него были те видения, которые он описывает, за исключением того, что у него были видения в его писательском воображении.

После прочтения глиняной таблички из Аменартаса, где рассказывалось о столбе огня, приносящем вечную молодость королеве, которая стоит в его пламени, Л. Хорэйс Холлей, фиктивный автор книги «Она, История приключений» говорит: «Первой моей мыслью было, что мой бедный друг сошел с ума и сочинил эту историю, однако маловероятно, чтобы кто-нибудь вообще мог ее придумать. Она была слишком оригинальной». «Мысль, что я придумал человека, подобного дону Хуану, невероятна, — говорил Кастанеда. — Он едва ли является такого рода фигурой, которую мои европейские интеллектуальные традиции могли бы позволить мне изобрести. Правда намного страннее. Я не сочинил ничего. Я только записывал». В традиции фантастики Кастанеда выразил прямые сомнения, что кто-либо смог бы сочинить столь необыкновенный рассказ, который он только что сочинил.

2. Кастанеда в хорошей компании. Колин Турнбулл пишет с воображением, но никто не может обвинить его в выдумывании этих данных.

Ответ: Моя точка зрения: никто не обвинял Турнбулла, многие обвиняли Кастанеду. Хотя обоих восхваляли как носителей правды и осуждали за ложь, Турнбулла восхваляли за подлинность и осуждали за недействительность, тогда как Кастанеду восхваляли за действительность и осуждали за неподлинность. Одного обвиняли в честных ошибках, другого — в направленном сокрытии источников.

3. *Факт — это фикция.* Поскольку оба, информатор и составитель записок, являются скорее ненадежными, ни одна этнография не является чисто фактической.

Ответ: Ошибка, ошибочная интерпретация и выдумка — не то же самое, что и крупная фабрикация. Допустимый уровень ложности можно отделять от недопустимого. Книги про дона Хуана обвиняют не в нестрогой фактичности, а в строгой нефактичности.

4. *Основные заявления Кастанеды не были опровергнуты.* У нас нет убедительного доказательства, что Кастанеда не был свидетелем необычайных событий.

Ответ: Ни одно заключение не доказывает, что мистический белый человек, который две тысячи лет назад ходил от племени к племени по всей Америке, исцеляя слабых, поднимая мертвых, обучая евангелию Иисуса на тысячах языков, не был действительно Иисусом. Возражение взваливает груз доказательств не на Кастанеду, с которым это связано, а на общество ученых, с которым это не связано.

5. *В той или иной форме дон Хуан мог существовать.* Неважно, был ли дон Хуан таким, каким он появляется в книгах. У Кастанеды могли быть один или несколько учителей, чью сущность он обрисовал в образе дона Хуана.

Ответ: Чем более неопределенным становится дон Хуан, тем более вероятно его существование. Если он был тем обычным человеком, которого как раз и встретил Кастанеда, тогда, конечно, он существует. Однако книги про дона Хуана не являются вовсе неопределенными. Они точны, и в научных целях по крайней мере должны быть оценены в своей точности. Мы знаем только одного дона Хуана, того, которого нам дал Кастанеда. Если же он является комбинацией Марии Сабины, Судзуки и Рамона Медины, можно стать богаче, прочитав «Грибы, Россия и История», «Что такое Дзэн?» и «Охота за пейотом».

6. *Нет монеты только с одной стороной.* В той степени, до которой книги про дона Хуана действительны, они должны исходить из подлинного наблюдения и являются в этом смысле подлинными. Действительность не может отделяться от подлинности.

Ответ: Отделить жен от мужей еще не значит развести их. Семя нельзя отделить от цветка, хотя никто не смог отделить семени от цветков безошибочно. Сказать точно, что подлинность и действительность являются не совсем независимыми — это не значит сказать, что мы не можем формально разделить их как компоненты правдивости и определять их по разным тестам. Когда информация разбросана, мы не способны проверить ее, но это не является извинением за отказ от категорий или тестов. Ошибочные пределы в математических прогнозах не заставляют нас отказаться от прогнозов, наоборот, они заставляют верить в прогноз, когда величины погрешности малы, и побуждают к поиску дополнительной информации, когда они велики. Если предсказания и суждения не совершенны, это не значит, что их не стоит делать. Фальшивая монета также имеет две стороны. Книги о доне Хуане не приобрели подлинности от того, что туда введены реальные факты подлинных книг других авторов.

7. Все прекрасно в самадхи и сатори. Мистический опыт не может быть адекватно описан в фактических сообщениях. Кастанеда старался сообщить невыразимое, поэтому ему нужно было обратиться к новеллистическим интерпретациям.

Ответ: Это возражение смешивает невыразимость мистического опыта (который является предметом валидности, или как может быть правильно описан и понят опыт) с вопросом, был ли действительно у рассказчика собственный опыт (предмет подлинности). Несмотря на невыразимость опыта, нет существенной трудности в том, чтобы сказать, имелся ли он вообще. Сказать, что он был там, где его не было, — значит, представить неподлинное сообщение. Поскольку так много кастанедовских фальсифицированных заявлений было действительно фальсифицировано (подобно заявлению, что его хронология была подлинной, или заявлению, что его приключения происходили в Сонорской пустыне), наш печальный опыт не позволяет нам доверять теперь даже его нефальсифицированным заявлениям (такому, например, как заявление о наличии мистического опыта).

8. Полевые заметки являются приватными. Никогда за все мои годы аспирантуры член факультета не попросил показать

мои рабочие заметки. Рабочие заметки принадлежат тому, кто их составил. У Кастанеды было полное право держать свои заметки при себе.

Ответ: Рабочие заметки являются частными в том смысле, что они являются литературной собственностью писателя и не могут быть опубликованы без его согласия. С другой стороны, они общественные в том смысле, что любой, кто вступает в сообщество ученых для проведения исследований, принимает обязательство сохранять свои данные нетронутыми и неповрежденными, предоставлять их на рассмотрение квалифицированных коллег, имеющих законный научный интерес к ним; и если есть возможность помещать их в подходящие места хранения, такие, как музей или библиотека, когда он не хочет больше сохранять их или нет необходимости сохранять их.

Рабочие заметки являются первичными данными в антропологии. Они являются частью научных работ. Отказ от предоставления их на обзор нарушает нормы поведения в науке и равнозначен первому проявлению лжи. Тот факт, что рабочие заметки иногда (оправданно или неоправданно) могут быть отданы в дар, не лишает писателей обязательства использовать их в интересах науки. Хотя ваш комитет очевидно доверяет вам, как многие комитеты доверяют большинству своих кандидатов, первый руководитель Кастанеды высказал свои подозрения. «Я настаивал, чтобы он показал мне некоторые из своих заметок, — писал Билз, — но он стал уклоняться и наконец исчез из виду». Не в пример некоторым из своих преемников, Билз действовал, чтобы предупредить научный обман. Компетентное, ответственное изучение полевых заметок Кастанеды должно в результате привести к его дисквалификации как кандидата или, по меньшей мере, дисквалификации *Путешествия в Икстлан* в качестве диссертационного представления первичного антропологического материала — полевых заметок. Так или иначе они могли бы быть восприняты на какой-то другой основе — скажем, как литературная работа, представляющая интерес для антрополога.

Члены комиссии, не востребовавшие для просмотра полевые записи перед подписыванием того, что было предложено в качестве отчета о проведенной полевой практике, или те, кто

изучал их и не нашел ничего неправильного в них, были или невежами, или, как полагает Билз, «наивными».

9. *Личное знание.* Весь этот разговор, касающийся потерянных полевых записей Карлоса, — просто домыслы. Я видел их. Они существуют. Или существовали перед тем как были уничтожены, когда их основные положения уже были описаны. Я видел их в виде множества блокнотов и коробочек в течение многих прекрасных часов в 1965 году, когда мы с Карлосом обсуждали вдвоем его паломничество к дону Хуану и мою полевую практику среди племени скотома, которое, как всегда казалось, Карлос понимает лучше меня, хотя он и говорил, что никогда не навещался к скотома. Поскольку у меня было «слепое пятно», Карлос постоянно помогал мне смотреть через него. Я буду всегда ему благодарен, и я приписываю эти попытки очернить имя искреннего, образованного, талантливого человека людям, которые никогда даже не встречались с ним, с обвинениями «от фонаря», которые могут быть мотивированы в большей степени желанием побыстрее издать плохонькую книгу, чем сделать какой-нибудь вклад в знание.

Ответ: В 1965 году Кастанеда уже работал над своим сочинением в течение пяти лет. Его привычкой было писать в блокнотах, поэтому к 1965 году у него была чудесная большая их коллекция. Когда же он начал писать о воображаемой полевой практике, его рукопись весьма походила на полевые заметки. Насколько я был способен установить, лишь двенадцать страниц этих полевых заметок были все-таки исследованы скептиками.

10. *Субъективность есть наука.* Те, кто убеждены, что Путешествие в Икстлан описывает воображаемые события, обвиняют Кастанеду в несоответствии профессиональной добросовестности при предоставлении этой книги в качестве диссертации, но они не принимают свободы суждений в науке. Это было бы профессиональной недобросовестностью только в случае, если бы здесь присутствовало намерение не дать честный отчет о событиях, которые с ним произошли. Этот текст может быть продуктом переживаний в психоделических состояниях, то есть может быть приемлемым феноменологическим отчетом. Доказательства Милля, что события вымышленны, явля-

ются, на мой взгляд, чисто спекулятивным сплетением выводов, но даже если кастанедовский комитет ознакомился с этими аргументами в 1972 году и был убежден ими, у них не было доказательств намерения обмануть. Кастанеде можно было еще верить, что он говорил правду, и следовательно, говорил правду о том, что испытал.

Ответ: Феноменологические отчеты могут быть полезными в науке, но их использование не отменяет правила, что научное сообщение должно быть как-то связано с обычной реальностью. Хотя они могут быть интересны ученым и могут заслуживать академического признания по некоторым специальным категориям, субъективные отчеты, которые вовсе не имеют определенных объективных рамок, не являются научными сообщениями, и их не следует подтверждать в качестве научной работы докторскими комитетами.

Если комитет, который заслушивал Кастанеду, заподозрил, что он был талантливым сумасшедшим, их не слишком бы беспокоило, что им думать насчет его бредовых идей, как если бы речь шла о другом, вполне разумном сообщении здорового соискателя. Они вовсе не были обязаны проверять состояние его психики или нечестности — тяжесть доказательства была на нем самом. Противоречия между *Учением* и *Икспланом* были достаточным основанием для дисквалификации диссертации как научного доклада.

11. *Вымысел правдивее факта.* Некоторое использование фантазии добавляет новые измерения к правде, которых неизбежно не хватает в фактических сообщениях.

Ответ: Это весьма привлекательное, но ложное положение. Родни Нидхэм требовал от настоящих этнографов стремиться к настойчивому проникновению и четкой дисциплине, продемонстрированной в романах Жоржа Элиота, Горького и Достоевского. Таким образом, говорил он, их интерпретация сможет принять участие в образном поиске человеческой значимости в искусстве и метафизике. Несмотря на «профессиональные издержки в этнографических основах», Нидхэм обнаруживает в *Учениях* «замечательный пример» такого стремления, демонстрирующий «одаренность как особую способность» к интерпретации других форм опыта. Как новеллисту

необходима наблюдательность этнографа, так этнографу необходима повествовательность новеллиста, если он хочет уловить тонкие, мимолетные, мифические культурные продукты архетипического подсознательного разума.

Предполагая исполнение такого устремления Кастанедой, ему дали похвальную оценку по крайней мере два выдающихся антрополога — вначале весьма опрометчивое подтверждение от Мэри Дуглас, а позже — в виде осторожной оценки Родни Нидхэма. Хотя я с готовностью соглашусь, что Достоевский является одним из наиболее чувствительных интерпретаторов человеческого поведения, по сравнению с типичными учеными-антропологами большинство писателей, используя вымысел, вносят все большие искажения в описание человеческого поведения по мере этого описания. И Бовен и Кастанеда — оба занимаются вымыслом, но у нас нет оснований принимать их вымысел полностью совпадающим с жизнью. Культурный уровень Кастанеды представляет собой собрание пристрастий, своеобразно адаптированных из нескольких различных традиций. Его драматические персонажи представляют собой обобщенные карикатуры, синтезированные «по дидактическим соображениям». В доне Хуане воплощен не только живой конкретный мыслитель, которого я назвал «дон Индеец», но также ученый-абстракционист, которого я назвал «Индийский дон».

Аллегорическая борьба между прямым знанием и рациональным суждением полностью прекратилась на десять лет, поскольку Карлосу-ученику и Карлосу-скептику не удалось слиться воедино. Пока Кастанеда выдавал эту чудесную игру за то, что с ним происходило в действительности (как воспоминание о своих собственных похождениях), Лаура Боханнан (псевдоним — Элеонора Бовен) превратила свою этнографию в фикцию. Если бы она в дальнейшем опубликовала свой роман как фактическое сообщение, она бы не достигла ничего в валидности и совершенно утратила бы аутентичность. В любом случае, ее книга была бы обречена на провал множеством других новелл, замаскированных под историю. Ложные правдивые рассказы являются, конечно, инаутентичными по определению. Кроме того, как достаточно полно показали Клиффорд Ирвинг, Дэвид Рорвик и Джэй Энсон, они нередко также совершенно

Ловец душ

невалидны: плохая компания для хорошей книги типа «Возвращение к смеющемуся».

Хотя романы так же, как и этнографические произведения, могут быть как валидными, так и аутентичными, романизированная этнография ставит вопрос о доверии к ней и ее полезности. Читатель не уверен в том, что за информацию он получает. Если, например, я после нескольких выпитых мною коктейлей заговорю о детях, играющих со скорпионами, вас это насторожит, и вы тотчас пожелаете услышать: упомянул ли я образно о таких фактах, что дети часто вовлекаются в опасные игры, или я пытаюсь таким образом предупредить вас, не беспокоя других гостей, что мне показалось, что я вижу вашего собственного ребенка, сидящего в данный момент на парапете в саду и играющего с чем-то, сильно напоминающим мне скорпиона. В первом случае вы спокойно усядетесь в кресло, чтобы выслушать остальную мою болтовню; во втором случае вы немедленно вскочите и кинетесь спасать ребенка. Такова значимость различения. Если дон Хуан когда-либо существовал, то и другим антропологам, помимо Кастанеды, следовало бы иметь в виду такую возможность или возможность существования таких же повествовательных источников древней мудрости. Если же дон Хуан всего лишь средство для наших аллегорических поучений, то поле деятельности для его поисков можно оставить для хиппи и других энтузиастов.

Ученые должны знать, имеют ли они дело с достойными доверия или недостойными такового источниками информации. «Не лжец ли этот писатель?» — не является ни тривиальным вопросом, ни таким, от которого можно уйти, поддавшись на призывы о непередаваемости мистического опыта, универсальности явлений, культурного взаимопроникновения, правдивости романов или проблемы субъективности в философии и науке. Именно этот вопрос ученые должны время от времени задавать, если не хотят быть введены в заблуждение.

Кастанеда и представляет собой объект, относительно которого постоянно возникают подобные вопросы. И хотя он собирает валидные этнические детали, ему нравится играть с ними. Например, его «ловец духов» — моток веревки, за который дергает дон Хуан для вызывания духов из водяной дыры,

Лук со стрелой

— сочетает два устройства, показанные на прилагаемой иллюстрации: *улавливатель душ* — веревочная петля, которую носит шаман для отлова блуждающих душ, и музыкальный инструмент в виде лука со стрелой, при помощи которой Рамон Медина предупреждал невидимые древние души о приближении групп *peyoteros*. Такое, в буквальном смысле слова, изобретение может быть предметом искусства, но оно не имеет никакого отношения ни к науке, ни к валидной этнографии. Тот факт, что горстка специалистов может увидеть в донхуановском ловце духов подоплеку оригинальных элементов, никак не поможет мириадам доверчивых последователей, черпающих знания из книг Кастанеды о предполагаемой общности мистических магов, несколько старомодно называющих себя колдунами и блуждающих по кондиционированной пустыне, изрекая коаны и дергая свои веревочные петли.

Как валидность изначально исходит из аутентичности, так невалидность часто процветает, ежели не пресекать этого, из неаутентичности. Койоты — неважные учителя. «В некоторых местах, хотя бы в Калифорнии, — писал Хартли Берр Александер, — его дела представлялись как всегда неизменно благоприятные в своем исходе; он сама правда, если не непризнанный культурный герой». Для удержания Калифорнии я, наверное, добавлю, что, намеренно или нет, принуждая нас взглянуть по-новому на тонкие взаимоотношения между валидностью и аутентичностью, Кастанеда сделал существенный вклад в общественные науки. Из этих идей кое-кто может даже сделать вывод, что нам удалось достичь продвижения в антропологии.

7

Ричард де Милль Этнометодоаллегоризм: гарфинкелизация посреди пустыни

Карлос Кастанеда, вернувшись домой после пяти лет, проведенных в пустыне с доном Хуаном, подготовил смертельно скучное объяснение того, что там случилось, и приткнул его в конце *Учения*. Редактор университетского издательства, не понимая, что это часть повествования о доне Хуане, попросил Кастанеду убрать этот кусок, но тот отказался вычеркнуть хотя бы одну из скучных и многократно повторяющихся строчек. Читая этот «Структурный анализ», Мэри Дуглас опознала в нем «этнометодологическую программу, изложенную с классической простотой», намеченную в общих чертах, как она предположила, университетскими учителями Кастанеды. «Как часть антропологических исследований, — писал Дуглас Мак-Ферран об *Учении*, — оно представляет собой замечательное усилие в попытке найти приложение теоретико-феноменологически ориентированных техник этнометодологии...»

Антрополога К. Скотта Литлтона заставили поверить, что пятая книга его друга Кастанеды будет представлять собой «анализ взгляда на мир и на мировоззрение дона Хуана с заранее определенной феноменологической и этнометодологической точки зрения». Однако, как оказалось, *Второе кольцо силы* не содержало ничего академического, все свелось к аскетическому

флирту Карлитоса с четырьмя жутковатыми сестричками. Если там и было что-нибудь от феноменологии и этнометодологии, то только в строго аллегорической форме. Несмотря на то что здесь речь идет о том, что можно назвать «неисправимым сочинением историй», Ханс Питер Дюэрс ссылается на составителя хроник дона Хуана как на «этнометодолога Кастанеду». Так что же все-таки должен представлять собой «этнометодолог» и почему Дюэрс считал Кастанеду одним из них?

Этнометодология была создана Гарольдом Гарфинкелем, профессором социологии в UCLA с 1954 года, который был одним из пяти членов факультета, подписавших диссертацию Карлоса Кастанеды. Начав с критики социологической практики, Гарфинкель превратил свое создание в нечто менее зависимое от социологии, что по желанию можно было бы назвать научной дисциплиной, специальностью, культом, сектой, мятежом или даже заговором с целью разрушить социальные науки изнутри. Центральная идея этнометодологии заключается в том, что любой аспект реальности носит субъективный характер или, в крайнем случае, «интерсубъективный», то есть является результатом разговора людей между собой о чем-либо.

Основное классическое приложение состояло в том, чтобы задавать вопросы, каких обычно не задают, и создавать проблемы из того, что обычно проблемой не является. В данном случае основным объектом, которому адресовались вопросы, была социология. В то время как социолог задает членам общества вопросы относительно того, как идут их дела, этнометодолог задает вопросы социологам, как идут дела у них, социологов.

Перед тем как закончить свою диссертационную работу в Гарварде, Гарфинкель посещал Новую Школу Социальных Исследований и занимался у Альфреда Шулца, который тем самым стал концептуальным дедушкой этнометодологии. Шулц определил «интерсубъективную» реальность как «мир, зависящий от нашего Мы», — это мир не частный, хотя и субъективный, мир, устанавливаемый в непосредственном обмене между людьми, живущими в одном и том же физическом и социальном окружении. Определяемый таким образом, этот взаиморазделяемый субъективный мир должен постоянно корректироваться новым прочтением окружения, благодаря ко-

тому он продолжает оставаться стабильным и от которого он зависит. Возможны и другие реальности, если какие-то другие предположения оказываются добавленными или отброшенными, например, мир специальных интересов или мир искусственно созданных верований, но большинство людей возвращаются к нормальному миру, зависящему «от нашего Мы», и сами зависят от этого мира реальности здравого смысла повседневной жизни.

Достоинства дедушек не обязательно наследуются внуками. Хотя Шульц говорил, что реальность здравого смысла превышает всего, тем не менее некоторые этнометодологи оказались более сдержанными. «Наше представление о реальностях иное, — писали Хью Механ и Хаустон Вуд. — Нам не хотелось бы называть ту или иную реальность высшей. Наше убеждение, что каждая реальность так же реальна, как и другие. Никакая единичная реальность не содержит в себе больше истины, чем какая-то иная». С такой точки зрения реальность здравого смысла и научных теорий не может иметь какого-либо предпочтения перед другими совместными фантазиями даже у социологов. Все реальности снова и снова конструируются от момента к моменту на основании того, что люди говорят друг другу. А то, что люди говорят, в свою очередь зависит от разделяемых предположений, стоящих за тем, чего они не говорят, но что обозначается тем, что они должны сказать, если вы, конечно, способны уследить здесь за моей мыслью.

И реальность здравого смысла и научная реальность могут казаться стабильными и даже объективными (как если бы они воспринимались «оттуда», со стороны, противоположной нам, так же, как и физическое и социальное окружение, которое мы принимаем, тоже должно быть внешним по отношению к нам, восприниматься «оттуда», для того чтобы мы могли прочесть его субъективно), но это лишь потому, что допущения, на которых они более или менее случайно покоятся, полностью берутся нами как само собой разумеющиеся. Когда мы эти допущения ставим под сомнение, то сразу можно увидеть, насколько хрупкой является реальность здравого смысла и та реальность, с которой имеет дело наука.

Гарфинкель придумал несколько дьявольски хитроумных схем для того, чтобы ставить под сомнение имеющиеся у людей допущения. Эти схемы, оформленные в виде техник, были названы «таранными» процедурами, поскольку они позволяли пробить брешь в совместном понимании людьми своего мира и разрушить их социальные отношения.

Когда студенты разъехались по домам на каникулы, им были даны инструкции, в которых им предписывалось действовать подобно «штурмовикам». Им было сказано, чтобы они вели собеседование, как если бы они подозревали, что другие люди пытаются надуть их или ввести их в заблуждение. Они были обучены специальным образом разговаривать с людьми, которые стояли с ними лицом к лицу, почти соприкасаясь носами. Им было позволено делать вид, что они не понимают социальных ролей, исполняемых людьми, как если бы, например, в переполненном людьми ресторане они стали бы настойчиво требовать свободного места от человека, который сам только что пришел в ресторан и хочет найти свободный стол. И с помощью этой техники, которая в студенческих городках вскоре была названа «гарфинкелизацией», студенты были обучены изображать, что они не понимают значения обычных слов, примерно так, как это выглядит в нижеследующем диалоге:

— Я думаю, что я только что провалился на экзамене.

— Провалился?

— Да. На промежуточном.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что провалился?

— Я завалил этот клятый промежуточный экзамен.

— Ты можешь как-то объяснить это?

— Ты что не знаешь, что значит провалиться на экзамене?

— Я не знаю, что именно *ты* подразумеваешь под этим.

— Я подразумеваю то же самое, что и все остальные подразумевают под этим.

— Так что же именно?

— Что с тобой, какая муха тебя укусила?

- Что ты подразумеваешь, когда говоришь, какая муха меня укусила?
- Почему ты задаешь мне эти идиотские вопросы?
- Что ты имеешь в виду, когда говоришь «идиотские»?
- Я имею в виду, что *ты* идиот!

Конечно, не все жертвы «таранных» экспериментов сошли с ума. «Замешательство, неуверенность, внутренний конфликт, психосексуальная изоляция, острый безотчетный страх и беспокойство наряду с разнообразными симптомами острой деперсонализации» были теми результатами, которых Гарфинкель ожидал, а его студенты нередко добивались в своей полевой работе. В семьях наступал хаос, романтические отношения молодых людей разрушались, тонкий баланс интеллектуальных процессов нарушался. Это, однако, была всего лишь техника, целью которой было научить «штурмовиков» тому, что человеческие взаимодействия, особенно те, которые оформляются разговором, зависят от разделяемых всеми, но неустойчивых допущений. Процедура в основном заключалась в том, чтобы с помощью давления заставить человека утверждать то, чего обычно не утверждают, используя при этом большее количество слов. Жертвы такого штурма оказываются сбитыми с толку, но «штурмовики» благодаря этому усваивают теории.

Вскоре эта техника была внедрена в социологию. Этнометодологи стали говорить, что при выполнении своих повседневных обязанностей социологи зависят от множества допущений, на установление которых они могут потратить необходимое и достаточно большое количество слов. Выслушивая подобные вещи, некоторые социологи приходили в ярость и говорили, что этнометодология — это всего лишь новое название для давно известной практики, бессвязной и бессодержательной некомпетентности, и называли ее бессмысленным напуском тумана, темным пятном на теле науки, тривиальной мистификацией, следующим сумасшествием со времен Золотой лихорадки, идиотским извращением, садистской жестокостью и другими менее приятными словами. Когда же они немного поостыли, то начали говорить, что им также хотелось бы четко изложить свои рабочие предположения, и если у них не получалось, то это не

имеет значения, поскольку эти допущения реалистичны и никогда их не подводили, делая их способными без особых забот справляться со своей работой, по крайней мере до сих пор, пока не появились этнометодологи. Споры все еще продолжают кипеть, но сегодня этнометодология подросла и, став более изощренной, научилась маскироваться под другими именами, просочилась в трещины социальной науки, так что сейчас она не ведет себя так откровенно и раздражающе.

В те времена, когда она воистину была раздражающей, Арнольд Минделл, ставший в настоящее время ведущим ученым и являющийся автором хорошо читаемых книг по саморазвитию, подверг себя академическому обучению под руководством Гарольда Гарфинкеля, хотя ему это все время не слишком нравилось. Несколькими годами позже он выдвинул предположение, что проведение полевых исследований и составление соответствующих отчетов должно было бы в некотором смысле удовлетворять настойчивому требованию Гарфинкеля, что в действительности описываемые социологами в своих отчетах события обнаруживаются не «оттуда», которое находится в реальном мире, а «достигаются» так же, как двумя людьми устанавливаются значения, когда они ведут между собой разговор. По мнению Минделла, случай с доном Хуаном может быть замечательным примером такого *достижения* — это отдельная социально-научная реальность, извлеченная из воображаемых разговоров для того, чтобы удовлетворить ожиданиям или предположениям Гарфинкеля. Минделл назвал это метод Гарфинкеля «гарфинкелизированной гарфинкелизацией».

Такой была теория Минделла, и я присоединился к ней в то время, хотя какие-то вопросы и оставались открытыми. Знал ли Гарфинкель, что он был подвергнут «гарфинкелизации», или он поверил в истории Кастанеды потому, что они удовлетворяли его ожиданиям? Кем он здесь оказался — простофилей, которого обвели вокруг пальца или, напротив, ловкачом и фокусником, который добился своего? «Возможно, — пишет Стивен Мюррей, также писавший по поводу Кастанеды, — весь этот цикл книг о доне Хуане представляет собой гигантский «таранный» эксперимент, показывающий, как доверие может допустить придумывание, может быть принято за этнографию». Та-

кова была моя точка зрения, когда я писал *Путешествие Кастанеды*, но теперь я не слишком в этом уверен. В смутном свете этнометодологии ей самой не удалось разглядеть, что ее исходные ожидания оказались для нее собственными подводными камнями, сделавшими это чудовище нежизнеспособным. Этно-методологи, как можно предположить, так же страдают от иллюзий, как и кто угодно другой.

Мне домой прислали какое-то количество страниц из книги Механа и Вуда, которая называется *Этнометодологическая реальность*. Это вполне читаемый первый учебник на тему этнометодологии, и в разделе, носящем название «Проницаемость реальности», выдвигается предположение, что изменение социальных условий может заставить личность перейти от одной старой реальности, в которой она находилась до этого, в новую, отличную от прежней, по аналогии с тем, как это бывает в случае проницаемых мембран. Для того чтобы проиллюстрировать эту идею, авторы предлагают два литературных примера аналогов полевых отчетов, которые им кажутся подходящими для обоснования их методик. Не нужно прибегать к помощи магов и волшебников для того, чтобы предсказать, что одним из этих отчетов явилась трилогия о доне Хуане, я же со своей стороны был вполне готов к такому продолжению штурмового эксперимента в стиле Гарфинкеля, но здесь оказался и другой пример — книга Тобиаса Шнеебаума «Двигаясь вверх по реке, оставляй ее справа».

Как добросовестно сообщают Механ и Вуд, Шнеебаум является художником, время от времени проживающим в Нью-Йорке, большую же часть своего времени он путешествует по миру в поисках объектов для своего искусства. В 1955 году, как сообщают они, он отправился в Перу, поскольку его неудержимо влекло в джунгли Амазонки, и встретил там акарама, первобытное индейское племя, сохранившееся с каменного века и «никогда еще не встречавшее белого человека». Здесь я прервал свое чтение, недоумевая, как это нью-йоркский художник мог в середине двадцатого века обнаружить племя, которое не встречало еще белого человека, потом я начал интересоваться, подвергли ли Механ и Вуд рассказ Шнеебаума достаточной проверке. Они также пишут, что Шнеебаум не смог бы записать этот

рассказ раньше чем тринадцать лет спустя, но такая отсрочка, кажется, не беспокоила их.

Шнеебаум, продолжают они, научился спать в «связках» с голыми представителями племени мужского рода, укладывающимися штабелями один поверх другого для того, чтобы было теплее. Он научился охотиться и изучил их язык, научился ходить без одежды и игриво прикасаться к половым органам своих компаньонов. Он отправлялся в людоедские набеги и мог съесть сердце убитого врага. Ему приходилось наблюдать, как его соратники-каннибалы, мужчины, совокуплялись друг с другом.

Это описание, рассматриваемое как отчет, утверждают Механ и Вуд, «представляет собой пример радикального изменения реальности». Когда Шнеебаум постепенно принял реальность акарама, моральная оценка фактов изменилась для него и он стал способным на вещи, которые не имели к нему никакого отношения до того, как он попал в джунгли: убийство, каннибализм, гомосексуальные сношения на виду у всех.

Решив лично проверить повествование Шнеебаума, я просмотрел соответствующие обзоры и среди них нашел один, написанный Наполеоном Чаньоном, известным своими исследованиями другого амазонского племени, яномамо. Чаньон клеймил книгу Шнеемана вполне определенными словами: «в высшей мере фальсифицированный отчет, грубое и неприличное оскорбление южноамериканских индейцев, какая-то жуткая гомосексуальная фантазмагория». Если бы Механ и Вуд посмотрели тот обзор, то они категорически не согласились бы с ним.

Двигаясь вверх по реке, оставляй ее справа — эта книга не только верх недержания фантазии, но и создается впечатление, что она от начала до конца написана человеком, который полностью осознает свои гомосексуальные склонности и полностью поглощен ими, хотя я не предполагаю, что Шнеебаум до того, как отправился в Перу, развлекался убийством людей и каннибализмом. Для меня остается загадкой, как Механ и Вуд могли поверить в то, что тот разгуливал голышом среди других людей, игриво прикасаясь к их половым органам, или что он засвидетельствовал бы откровенные акты гомосексуализма, если бы они были чуждыми для его «реальности» еще до того, как он попал в джунгли.

Этнометодологическая реальность сама является штурмовым экспериментом. Как говорят авторы, это попытка ввести читателя в тему возможности других реальностей. Я наметил совершить аналогичную попытку. В марте 1978 года я написал Механу, приводя опубликованное мнение о том, что работы, которые он приводит для поддержки своей гипотезы, являются целиком или в значительной мере сочиненными. Я спрашивал его, неужели он на каком-то отрезке времени считал сочинения Шнеебаума соответствующими действительности, а если нет, то мог бы он сказать, что использование фиктивного иллюстративного материала может служить его дидактическим целям не хуже, чем использование реальных факторов? Мой «штурмовой» эксперимент не имел полного успеха. В апреле Механ ответил, что я скоро получу от него ответ. В июле я напомнил ему, что он обещал ответить, и его ответ прибыл в августе. Он сообщал, что должен рассмотреть мой вопрос со своим соавтором на Гавайях. Насколько я знаю, в настоящий момент они все еще находятся где-то там в голубых просторах Тихого Океана, пытаются сконструировать, что же ответить мне на мой запрос.

Между тем я написал Шнеебауму, сообщив ему о Механе и Вуде, и задал ему вопрос, с какого времени он знает о своих гомосексуальных наклонностях. Его ответ, который можно будет прочитать дальше, заключался в том, что гомосексуализм всегда был частью его жизни с раннего детства и совершенно открыто проявлялся за несколько лет до его путешествия в Перу. Но, по его мнению, дело не сводилось только к этому. Его недавние мемуары открывают читателю, что в возрасте от шести до семи лет он влюбился в образ, созданный артистом, исполнявшим роль Дикого Человека с Острова Борнео в какой-то интермедии. «То, что он мог бы убить и съесть меня, — не приходило мне на ум, или если и приходило, то в виде некоего предположения, всегда скрывающегося за силой и некоторыми мужскими качествами, которые я предполагал в нем». Те люди из Перу, как признается Шнеебаум, «совершали жестокие вещи, которых я изначально желал, — они убивали людей». Зулусы, как он пишет, «были известны тем, что отлавливали и калечили всех белых, вырывая у них половые органы и поедая их, чтобы обрести силу белого человека и другие магические способности.

Но я хотел чего-то другого, я хотел, чтобы дикий человек проснулся внутри меня, чтобы он желал, проглатывал, поглощал».

Таким образом, в добавление к гомосексуальным проявлениям, оказывается, что и убийство, и каннибализм уже были частью личной реальности Шнеебаума задолго до того, как он отправился в Перу, и именно это Механу и Вуду следовало бы заподозрить задолго до того, как они закончили чтение его книги. Несдержанные дикие приятели Шнеебаума, которых он встретил в джунглях, в точности соответствовали его фантазиям, лелеемым им в предыдущие двадцать восемь лет. Для того чтобы проиллюстрировать радикальную смену реальности, Механ и Вуд должны были бы воспользоваться дневником человека, жившим в племени акарама, для которого не было бы чем-то обычным с детства грезить об открытом проявлении гомосексуализма, убийствах и каннибализме. Такой дневник можно было бы использовать, конечно, только если бы жизнь среди акарама не оказалась еще одной фантазией в духе Шнеебаума.

Томас Р. Мур, проводивший полевую работу с 1971 года в восьми общинах племени амаракаэри (шнеебаумовская «акарама»), представляет следующее доказательство того, что история Шнеебаума представляет собой лишь нечто чуть более опирающееся на факты, чем альтернативный пример, приводимый Механом и Вудом, — аллегория с доном Хуаном:

«Тобиас Шнеебаум посетил доминиканскую миссию, располагавшуюся у слияния рек Пантисолла и Альто Мадре де Диос, в 1956 году — это время, когда некоторые представители амаракаэри начали посещать миссию. Во время одного моего визита несколько человек из племени амаракаэри, а также из племени вачипаэри, служившие Шнеебауму в качестве переводчиков, вспомнили о его давнишнем присутствии и рассказали мне об этом. Оказалось легко установить идентичность между людьми из племени амаракаэри, вачипаэри и мачигуэнга и лицами, изображенными на фотографиях и описанными в тексте «Двигаясь вверх по реке, оставляй ее справа», а священники и медицинские работники — вполне узнаваемые, реальные лица. Многие описания сделаны аккуратно, хотя в некоторых случаях

изменены имена. Шнеебаум передал в Американский музей естествознания некоторые изделия из племени амаракаэри и в общем достоверные этнографические записи.

С другой стороны, книга «Двигаясь вверх по реке, оставляя ее справа» не является ни этнографическим исследованием, ни отчетом, содержащим факты, как об этом ясно сказал сам Шнеебаум, хотя он и говорил, что книга «основана на том, чему я был свидетелем, что я слышал и что пережил», он также говорил и другое: «Не следует упрекать меня в искажении объективных фактов, представленных в книге, моя память допускает ошибки, мой ум продолжает, как всегда, воспринимать только те идеи, которые проходят через узкий канал моего характера». Более того, в издании, рассчитанном на массового читателя, Шнеебаум добавил еще одну оговорку: «Эта книга не является попыткой антропологического описания племени, это всего лишь запись того, что происходило со мной лично».

Не существует доказательств того, что амаракаэри являются канибалами. Набеги, обычные для того времени, когда там был Шнеебаум, были направлены на захват женщин и добычу овощей и фруктов. Убийства были редки и обычно носили непреднамеренный характер. Персонаж, описанный Шнеебаумом под именем Маноло, который, как он писал, был обезглавлен и, вероятно, съеден, все еще проживал в Айякучо в начале 1960-х годов. Своеобразный групповой способ укладываться спать и гомосексуализм, который описывает Шнеебаум, не являются частью традиции племени амаракаэри.

Однако все это могло бы быть очень точной картиной внутренней жизни самого Тобиаса Шнеебаума, и Механ и Вуд имели прекрасную возможность установить, что книга *Двигаясь вверх по реке, оставляя ее справа*, если рассматривать ее как документальную, была бы отвергнута большинством антропологов и, без сомнения, большинством социологов как искажающая факты или, в лучшем случае, как не представляющая никакой научной ценности. Вне зависимости от того, насколько они могли быть осведомлены о поведении аборигенов, жи-

вущих в джунглях, и городских гомосексуалистов, или интересовались мнением этнографов, изучавших амазонские племена, Механ и Вуд должны были обратить внимание на несдерживаемое красноречие Шнеебаума и подозрительные оговорки. Их некритическое принятие сценария Шнеебаума не может быть объяснено беззаботностью или тупоголовостью, так как их собственная книга — это страстная и талантливая обработка трудных для понимания неясных идей. Объяснение может быть найдено в другом месте: все дело в истории и особенностях этнометодологии.

«Если вся реальность социологии как науки создана искусственно, — писал Арнольд Минделл, — почему бы вообще не создавать искусственно и все остальные реальности?» Если процесс «установления реальности настолько более интересен, чем сам достигнутый продукт, почему бы не проиллюстрировать этот процесс примерами, которые не основаны на открытиях, сделанных в процессе выполнения полевой работы, а построить эквивалентную реальность, используя фантастические писания и этнометодологические тексты? А если при этом удастся еще и накрутить хвост социологии — тем лучше.

Неразборчивое использование в полном объеме текстов Шнеебаума и Кастанеды как раз и соответствует такой модели. Нежелание Механа отвечать на вопросы не этнометодологов также соответствует этой модели. «Моя этнометодология, — заявляет соавтор, — является формой жизни. Она вовсе не является основой теории или метода... Она представляет собой способ работы, который делает тех, кто использует его, способными найти другие реальности (например, см. Кастанеда, 1968, 1971, 1972)». Другими словами, этнометодология представляет собой отдельную реальность. Если вы находитесь не в ней, то вы не знаете, какова она, и вы не сможете понять ее описания, потому нет смысла и говорить с вами о ней.

Возможно, вы думаете, что «внуки» Шульца приняли родительский пас Гарфинкеля и побежали с принятым мячом, но не к тем воротам. Если так, то позвольте мне рассказать об Агнесс, урожденной Тобиас, 1958 года. Агнесс, белая, не замужняя, и когда ей исполнилось девятнадцать лет, она была направлена на обследование в UCLA, в психиатрическое отделение клиничес-

ких исследований. У Агнесс были белые длинные волосы, красивое личико, приятный высокий голос, она носила облегающий свитер, подчеркивающий ее хорошо сформированный бюст. Агнесс хотела с помощью операции изменить свой пол.

С ноября 1958 года по август 1959 года Агнесс еженедельно обследовалась бригадой врачей, включавшей психиатров, психологов и социологов. В качестве социолога в этой группе был Гарольд Гарфинкель, который записал на магнитофон 35 часов бесед с Агнесс. В марте 1959 года операция по изменению пола состоялась, пенис и мошонка были удалены, а окружавшие их ткани были использованы для того, чтобы сформировать влагалище и наружные губы новых половых органов... как раз того, чего ей не хватало для завершения ее женской самоидентичности.

Агнесс была рождена мальчиком, нормальным настолько, что вряд ли кто-нибудь мог бы в этом сомневаться. В возрасте примерно 17 лет он начал испытывать большие трудности в том, чтобы соответствовать своей социальной роли, и к тому моменту, когда она поступила на работу в UCLA, она уже вела жизнь женщины. Анализ тканей ее тела и органов внутренней секреции привел к медицинскому заключению, что Агнесс была уникальным представителем некоего чрезвычайно редкого нарушения: «тестикулярно-феминизирующего синдрома». Это случай, когда мужские половые железы выделяют женские гормоны в количествах, достаточных для того, чтобы сформировать женские гениталии, а часто и груди — и это у человека, который начал свою жизнь как обладатель мужского пола. Уникальность случая с Агнесс заключается в том, что она обладала пенисом и яичками наряду с хорошо развитой грудью, отсутствием мужской растительности на лице, характерной для женщин мягкой кожей и женским тазом. Хирургическое исследование не обнаружило у нее ни матки, ни яичников, и дальнейшие анализы не принесли доказательств о каком-нибудь внешнем вмешательстве, вроде приема вовнутрь синтетических гормонов, в результате чего врачи пришли к выводу, что случай с Агнесс действительно был крайне редким.

Этот раритет предоставил Гарфинкелю возможность апробировать этнометодологическую гипотезу, заключающуюся в

том, что люди принимают как само собой разумеющееся, что другие люди могут играть или мужскую или женскую сексуальную роль, и не может быть ничего промежуточного или смешанного, и, напротив, как утверждает гипотеза, для того, чтобы ладить с другими людьми, которые принимают это как само собой разумеющееся, люди стремятся играть только одну сексуальную роль.

Распросы Агнесс обнаружили, что неожиданные анатомические изменения в подростковом возрасте дают начало тому, что ребенок с внешностью мальчика может превратиться в ребенка с внешностью девочки. В течение периода, когда она обладала явно выраженными характеристиками обоих полов, — пенис, яички, груди, — Агнесс очень старалась спрятать свои мужские признаки и подчеркнуть признаки женские. Например, она многократно отказывалась общаться с молодыми людьми, которые хотели жениться на ней. Гарфинкель объяснил такое поведение как попытку ладить с людьми, играя только одну сексуальную роль. Хотя ее тело все еще было двуполым, не полностью женским, она уже полностью переключилась на женскую роль, избегая иметь гиперсоциальный статус, который был бы социально неприемлемым.

Готовя свою книгу *Изучение этнометодологии*, Гарфинкель посвятил 70 страниц текста случаю с Агнесс, который во многих отношениях напоминает более поздний этнометодологический случай с Тобиасом, использовавшийся как авторитарная модель поведения. В обоих случаях предполагается, что человек должен играть только один вид сексуальных ролей и довольно быстро приспосабливается к новой роли в непредвиденных обстоятельствах. В случае Тобиаса это было гомосексуальное окружение каменного века, в случае Агнесс пара яичек оказалась предназначенной действовать как яичники, а социальная среда ни одному из них не разрешала играть смешанную сексуальную роль. Второе сходство между этими случаями интересует меня, поскольку оно проливает свет на последствия мистификаций и на темную двусмысленность академической софистики: воспоминания как Тобиаса, так и Агнесс оказались ненадежными.

Где-то через восемь лет после операции по изменению пола, в октябре 1966 года, Агнесс призналась Роберту Дж. Столлеру,

психиатру из клинической бригады UCLA в двух вещах, пред-варительно угаданных: 1) *не было* никаких неожиданных анатомических изменений в подростковом возрасте, а просто она всегда хотела вырасти женщиной, 2) Агнесс начала в возрасте 12 лет красть у своей матери стилбестрол и продолжала принимать его в массированных дозах на протяжении всей юности. Ни какие-то там хитрые яички, а украденные женские гормоны привели к развитию ее хорошо сформированной груди. «Мое огорчение, когда я узнал об этом, — сказал Столлер, — соответствовало восхищению тем, с каким умением и изяществом она нанесла этот свой финальный удар». Сделав то, что она сделала, Агнесс также выдернула биологический коврик из-под гипотезы Гарфинкеля насчет моносексуальной роли. Если она по своей воле отказалась от внешности мужчины в пользу женской внешности, то она добровольно оставила признаваемую, приемлемую роль, связанную с одним полом и приняла сомнительную, двусмысленную роль, связанную с отношением полов. Конечно, ее друг юноша не смог бы понять ее объяснений, которые она дала бы ему по поводу того, почему они не могут лечь вдвоем в постель, а их скандалы становились все тяжелее, что, конечно, не является подходящим способом ладить между собой. Когда же Агнесс в конце концов открылась ему, все продолжилось на новой основе. Мало того, что случай с Агнесс не поддерживает гипотезу насчет моносексуальной роли, он резко противоречит ей.

По не совсем ясным причинам только в феврале Гарфинкель услышал взрыв октябрьской бомбы. «В феврале 1967, — писал он, — после того как этот том был сдан в печать, от сотрудников я узнал, что Агнесс не являлась особью мужского рода с биологическими дефектами». Хотя циники могут предположить, что Гарфинкель не стал переписывать случай с Агнесс из-за хорошо известного академического давления — или ты опубликуешься или погибнешь, я сомневаюсь, что такое давление имело к нему какое-то отношение. Гарфинкель давно уже был профессором, хорошо известным своими публикациями вызывающих и чудаковатых теорий. Его положение в обществе и репутация, какими бы они ни были, были надежными. Более правдоподобным объяснением является то, что Гарфинкель

просто не считает, что описанный им случай нуждается в пересмотре.

То, что Механ и Вуд выбрали в качестве примеров, доказывает, что эти методологические данные могут быть полезными независимо от того, получены ли они с помощью воображения или в результате полевых наблюдений, что, с точки зрения этой методологии, любой случай может стоять на своих двух ногах, даже если эти ноги не стоят на поле, где проводятся исследования. В 1970 году Гарфинкель писал: «Шаманизм в племени яки можно рассматривать как законно и эмпирически установленный факт, хотя это удалось сделать только Кастанеде».

Документируя запоздалое открытие одного из своих коллег, психиатра, на четырех страницах приложения, Гарфинкель пришел к обнадеживающему заключению: «Это известие, — писал он, — превращает статью (речь идет о книге, вышедшей в феврале 1967 года) в сенсационное сообщение того же уровня, каким обладает материал, о котором в ней пишется, то есть эта статья становится ситуативным отчетом». Есть одна вещь, которую нужно понять в связи с этим типичным утверждением, написанным Гарфинкелем: оно должно быть переведено, прежде чем его можно будет понять, но, конечно, оно должно быть понято, прежде чем будет переведено. Этнометодологи называют такого рода затруднения «возвратностью», что означает «одна рука моет другую».

Позвольте мне сделать обещанный перевод того, что я могу.

Гарфинкель, мне кажется, говорит, что если информант врет вам и вы обнаруживаете эту ложь, то самое главное, что при этом происходит, — это то, что вы приобретаете еще одну иллюстрацию того, как достигается реальность в смысле Гарфинкеля, в словесном общении, где истинность принимается как нечто само собой разумеющееся. Реальность, достигаемая в словесном общении, где истинность принимается как нечто само собой разумеющееся, хотя не всегда практичная. То, что вы не огорчаетесь, когда обнаруживаете, что вам лгут, называется «этнометодологической нейтральностью».

Я не говорю, что Гарфинкель не знает, что его гипотеза может быть разбита вдребезги. Конечно, он знает это. Но с самого начала, он не был заинтересован в смысле гипотезы,

которая в конце концов является всего лишь продуктом теоретизирования. Только процесс установления реальности, обнаружения ее — вот что идет в счет, и те 70 страниц, которые с таким трудом даются студентам-выпускникам, тоже иллюстрируют процесс. Так почему бы их не опубликовать? И только одну уступку Гарфинкель сделает для конвенциональной социальной науки — она заключается в том, чтобы сказать, что последующее изучение будет осуществлено. Для чего надо будет использовать материалы пятнадцатичасовых расспросов, проведенных Столером после признания, прослушать оригиналы магнитофонных лент, прослушать записи и еще раз прочитать статью, когда она появится в печати. «Чтобы обозначить планы на будущее, — говорит он, — исходная статья названа *Часть 1*». Прошло 12 лет, а *Часть 2* все еще должна появиться. Возможно, однажды ее прибьет где-нибудь к берегу на пляже Малибу, после того как ее пригонит ветром в бутылке с Гавайев.

«Это все верно?» — спросил я у дона Хуана.

Он мрачно улыбнулся. «Я должен сказать тебе откровенно, что совершенно не имеет значения, верно все это или нет. Именно в этом воин имеет преимущество перед обычным человеком». Он помешал угли в огне и искры полетели вверх. «Обычный человек озабочен тем, чтобы иметь дело с вещами, о которых он думает, что они верны, и ему нет никакого дела до того, чтобы взаимодействовать с вещами, о которых он думает, что они не верны, но воин действует в любом случае».

«Как бы действовал Гарфинкель, будучи воином, если бы он обнаружил, что Агнесс лгала в течение восьми лет?»

Дон Хуан поднял самодельный шампур и начал внимательно рассматривать кусочки мяса гремучей змеи. «В подобном случае следует практиковать контролируемую глупость», — он положил шампур обратно на угли.

«Что такое контролируемая глупость, дон Хуан?»

Он повернул шампур на полоборота, чтоб поджарить другую сторону. «Исходя из того, что ты сказал в прошлом о своем друге Гарфинкеле, я думаю, что он назвал это “этнометодологической нейтральностью”».

Я мысленно вернулся в один из дней 1967 года, на ежегодный съезд представителей американской социологической ассоциации Сан-Франциско, где Гарфинкель сказал: «Этнометодологический подход описывает отчеты всех участников при устранении каких бы то ни было суждений о них. Мы называем такой подход этнометодологической нейтральностью».

«Контролируемая глупость», — продолжал дон Хуан, — это знание, что все равно, а потому одинаково не важно. Воин знает, что его действия бесполезны, и все же продолжает действовать, как если бы он не знал об этом».

«Вроде как опубликование случая с Агнесс, зная, что он был основан на лжи?»

«Вот именно! — дон Хуан энергично кивнул. — Почему бы нет? Воин не имеет дела с ложью. Воин действует».

«Но ведь Гарфинкель сказал, что он еще раз собирается обдумать случай и опубликовать часть вторую, однако она так и не была опубликована. Можно ли это назвать действием?»

Дон Хуан покачал головой: «Ты все еще не можешь понять. Как долго ты со мной?»

«Двенадцать лет. Дон Хуан, пожалуйста, объясни мне».

Он придвинул свое лицо вплотную к моему, так, что кончики наших носов почти соприкасались, и сказал очень медленно и отчетливо.

«Если бы твой друг жил подобно воину, то он не стал бы опубликовывать *Часть 2*. И все равно это было бы *не-деланием*, потому что воин имеет в жизни больше выборов, чем обычный человек. Воин может выбрать *делание* или *не-делание*. Он сам решает, что лучше, он никого не спрашивает об этом. Опубликование *Части 2* было бы *деланием*, неопубликование ее было бы *не-деланием*. Твой друг выбрал *не-делание* — это все».

«По этому поводу было много критических статей», — сказал я.

Дон Хуан снова перевернул шампур. «Воин идет по пути, который он выбрал, куда бы он ни вел, он не заботится о том, куда путь приведет его или когда он достигнет его конца. Его не заботит, что люди скажут об этом, его заботит только путешествие. Он следует по пути, потому что он свободен, и он

свободен, потому что он следует по нему. Теперь ты понимаешь?»

«Я думаю что да, дон Хуан. Это нечто похожее на академическую свободу?»

Дон Хуан взял шампур и осторожно откусил от одного кусочка мяса. «Это мясо готово», — сказал он, а потом добавил: «Мой бенефактор часто повторял, что свобода там, где вы ее находите».

Он передал мне кусочек змеиного мяса. Мясо на вкус оказалось похожим на чукавалла.

Гарфинкель ругает антропологов за то, что они не дают подробной характеристики того, как они собирают свои полевые записи, а затем превращают эти записи в профессионально приемлемые отчеты. Кастанеда тщательно описывает, как Карлитос записывал «все, что говорилось», готовили ли он и дон Хуан змей, лазили ли по горам или убегали от хищных пум. Он рассказывает, как пачки записей Карлитоса обрабатываются, чтобы их можно было прочитать, и располагаются в согласованную последовательность в соответствии с выбранной темой, вроде использования или неиспользования наркотиков.

Гарфинкель говорит как о чем-то прискорбном, что антропологи отправляются в экспедицию, едва зная язык своих информантов, а затем сообщают то, что было сказано на этом языке. Карлос натывается на информантов, чей язык он уже знает, поскольку выучился ему в Аргентине, когда ему не было и пятнадцати лет. Так же, как и Карлос, Кастанеда изучил тот же самый язык в детском возрасте в Перу.

Гарфинкель говорит, что антрополог не мог бы сказать о том же, о чем говорят аборигены, более подробно, но тем не менее должен был попытаться сделать именно это, вернувшись из экспедиции. Кастанеда пытается многословно рассказать, о чем говорит дон Хуан, и тратит на это 140 первых страниц *Учения*. В результате этого плодотворного усилия появился *Структурный анализ*, который Джойс Кэрол Оутс быстро распознала как пародию. Два коротких отрывка доказывают ее проницательность:

«Мысль о том, что *союзника* можно приручить, предполагает, что сила, которой тот обладает, потенциально может быть использована. Дон Хуан объясняет это как то, что присущие *союзнику* способности могут быть утилизированы.

Я использовала термин «прием пищи— поглощение», потому что прием пищи может быть облегчен кожным поглощением при переходе в необычную реальность или же кожное поглощение может быть облегчено с помощью приема пищи».

Педантичная настойчивость Кастанеды представляет собой мягкую пародию на Гарфинкеля с его подавляющими, затемняющими суть дела повторениями:

«Определенность выражения проявляется в его последствиях, определения могут быть использованы для того, чтобы обеспечить определенное множество «размышлений» без указания границ, определенность множества обеспечивает возможности, связанные с обстоятельствами, неограниченными определениями разработок».

Определенный, определение, определенный, определенность, неопределенный — любой, кто пишет таким образом, не нуждается в том, чтобы его пародировали, это уже пародия сама по себе. Кастанеда взял на себя решение громадной задачи, и хотя он выполнил это превосходно, он никогда не сможет сравняться с актуальной избыточностью, непроницаемостью и трансцендентальной непереносимостью текстов Гарфинкеля. Если бы он добился точного соответствия прозе мастера, то университетский редактор, имея в виду массового читателя, должен был бы сразу отвергнуть его книги. Хотя сам по себе *Структурный анализ* представляет собой что-то скучное и занудное, он все же может быть прочитан и понят почти любым терпеливым читателем. Если же сравнить его с текстами Гарфинкеля, то это просто Марк Твен. Когда заранее знаешь, что имеешь дело с пародией, то этот текст становится даже забавным, однако в оригинальных текстах Гарфинкеля ничего забавного нет:

«Альфред Шулц сделал доступной практику, основанную на здравом смысле знания социально структурированной повседневной активности, практических ситуаций, практической активности и практических социологических рассуждений для социологических исследований».

Практика знания структур активности, обстоятельства, активность и рассуждения — во веки веков, аминь. Энтони Ф. К. Уэллис говорит, что словесные сочетания Гарфинкеля должны читаться скорее как духовные тексты, чем как техническая проза. Они представляют собой что-то вроде очень плохого подстрочного перевода какого-нибудь мало понятного немецкого философа. Уэллис добавляет: «Серьезный студент-дипломник может напрасно потратить часы, пытаясь добраться до смысла таких произносимых в стиле оракула квазипредложений».

Самая странная вещь в связи со стилем Гарфинкеля заключается, однако, не в его непонятности и трудности для чтения — это можно встретить у многих непонятных немецких философов. Наиболее странная вещь заключается в том, что Гарфинкель как раз способен писать ясно и прямолинейно, когда он этого хочет, просто он никогда этого не хочет.

Почему он этого не хочет? Я предполагаю, что чем больше он выступает в роли мыслителя и учителя, тем больше он становится в позу гуру или мага, харизматическое присутствие которого вдохновляет, мистифицирует, покоряет. Он своим поведением иницирует несколько стоящих учеников и отталкивает прочь остальных. Непроницаемая тишина была первым барьером, останавливающим нестоящих претендентов. Только достаточно умный, достаточно усидчивый и достаточно послушный способен пробраться сквозь семантическое болото Гарфинкеля и заслужить допуск в отдельную реальность социологической науки, спрятанную в ее центре, где его ждут дальнейшие более сложные тесты на преданность, вроде «штурмовых» процедур, направленных на самообслуживание.

Задолго до этого отлученный от единой правоверной церкви, Кастанеда не собирался подчиняться меньшему авторитету. Прикрываясь колпаком наивности и плащом посредственности, он продолжает изобретательно конструировать магическое

зеркало, в котором могла бы отразиться этнометодология и вернуться к тем, кто ее практикует. Плохая и устаревшая социология в духе Гарфинкеля и достойные сожаления антропологи нашли отражение в этом зеркале в качестве структурного анализа и туповатого Карлитоса, который постоянно не может понять, о чем говорит дон Хуан, и все время просит его сказать то же самое снова с использованием большего количества слов. Принимая свои собственные допущения как само собой разумеющиеся, дон Хуан мог бы возразить, что поскольку он уже что-то сказал, используя достаточное количество слов, то если бы Карлос не был бы таким тупым, он смог бы это понять.

«Таранные» эксперименты в духе Гарфинкеля нашли свое отражение в сотнях путанных разговоров и бессмысленных заданий, но более очевидно и схематизированно они были представлены в ужасном сопоставлении в конце *Учения*, где Карлос подозревает, что дон Хуан прикидывался кем-то еще или кто-то еще прикидывался доном Хуаном. Подобно многим реальным жертвам «таранного» эксперимента, Карлос утратил чувство реальности и постоянно испытывал напряженное беспокойство.

Мир Шульца, который зависит от «нашего Мы», превратился у Кастанеды в особое соглашение. Поскольку мы имеем здесь дело с аллегорией, то это соглашение должно быть откорректировано в соответствии с новым пониманием необычного мира, связанного со здравым смыслом, но в соответствии с необычным или же мистическим миром. Точно так же, как между Дон Кихотом и Санчо Пансой постепенно образовался «общий речевой субуниверсум», сделав их способными наконец согласиться относительно существования великанов и волшебников, так и Карлос постепенно принимает точку зрения дона Хуана, связанную с тем, что говорящие ящерицы и обладающие личностью сверчки так же реальны, как записные книжки и автобусные станции.

Гарфинкель, как говорит один из его критиков, «задумывается над по-настоящему важной частью нашего мира, которая фактически оказывается невидимой, так же, как о хорошо известном факте, что этот мир принимается как само собой разумеющийся и остается незамеченным». Карлос не может видеть

щупалец дона Хенаро, принимаемых как что-то само собой разумеющееся, когда он левитирует, и должен продолжать учиться с десятков лет, прежде чем он увидит невидимые «линии мира».

Люди обычно принимают фразы, с которыми они не согласны или совсем не понимают, надеясь в течение дальнейшего разговора прийти к согласию или пониманию. Этнометодологи называют это «вынесением за скобки». Пугающие и загадочные объяснения дона Хуана по поводу союзника вынудили Карлоса вынести за скобки существование и природу этих мистических сущностей и перенести их объяснение на многие главы. «Не существует способа точно сказать, что представляют собой союзники, — сказал дон Хуан Карлосу. — Что такое союзник — личное дело каждого». Все в таком же духе на тему о союзнике им удалось беседовать на протяжении многих глав. Те, кто говорят, знают, о чем они говорят в таком духе, как говорит Гарфинкель.

«Если человек думает по-другому, чем если бы он сказал то же самое при помощи большего количества слов, — объясняет Гарфинкель, — не так уж сильно отличается от того, что он говорит, если *что бы* он ни говорил, обеспечивает тот же объем материала, который может быть использован для выяснения того, что же он говорит». «Становится очевидным, — пишет Кастанеда в *Учении*, что знания дона Хуана должны быть исследованы в терминах того, как он сам понимает все это... всякий раз, как он пытался объяснить что-то мне, он использовал понятия, которые делали то, что он пытался объяснить, подходящим для его понимания. Моей первой задачей было определить последовательность шагов его способа концептуализации». «Эта последовательность шагов, — добавляет он в *Икстлане*, — может быть понята только в терминах описания, которому эти шаги принадлежат. Поэтому я оставил его учение в качестве единственного источника, позволяющего войти в него, так что пусть слова дона Хуана говорят сами за себя».

Структурный анализ представлял собой «попытку раскрыть внутреннюю связность и убедительность учения дона Хуана». Однако Гарфинкель сказал: «Задача описания личного способа высказываться и говорить — это не то же самое, что

показать, что то, что он сказал, соответствует правилу демонстрации логичности, сочетаемости и связи значений. Таким образом, с точки зрения этнометодологии, Структурный Анализ был обречен с самого начала, и с самого начала предполагалось, что он будет обречен. Пол Ризман назвал его «патетическим отрицанием реальности опыта, представленного в первой части книги» — и это было сказано до того, как он понял, что обе части Учения были плодом фантазии.

Можно указать на многие параллели между миром дона Хуана и миром как его понимает Гарфинкель. Дэвид Сильвермэн посвятил им целую книгу. Хотя он и видел подтверждение того, что Учение не было работой, основанной на фактах, Сильвермэн говорил, что для него не имеет значения, имели ли место в действительности какие-нибудь из «событий», о которых общал Кастанеда. «Проблема должна быть вынесена за скобки, — говорил он, — будь она истинной или ложной. Отчет Кастанеды обеспечивает подходящий случай для того, чтобы пересмотреть основания всего социологического предприятия». Все это, конечно, стало возможным, когда этнометодология стала выдвигаться на первое место.

Изучение антропологии Кастанедой тянулось в течение тринадцати лет, с 1959 по 1972, большинство из которых были потрачены на то, чтобы создать аллегорическое произведение на основе этнометодологии, довольно странного занятия нескольких социологов. Если он собирался стать антропологом того же сорта, что и другие, почему же он тогда преследовал этнометодологов? Ральф Билз, его первый председатель выпускного комитета на факультете антропологии, попросил его показать полевые записи, и с тех пор он Кастанеду не видел. Председатель Вильям Лесса считал Кастанеду бедным студентом, с которым остальные члены факультета нянчились. Председатель Джон Хичкок посоветовал отнести его квази-Сонорские хроники в издательство фантастической и приключенческой литературы. Клемент Мейган, первый, кто поощрял его интерес к антропологии, был председателем, но только временным, возможно, потому, что Мейган был археологом, а в университете лишь артефакты, созданные Кастанедой, нуждались в раскопках, поскольку были бы похоронены в библиотеке. Самые обыч-

ные академические требования оказались слишком жесткими для специалиста в области «антропомантики».

Единственный способ смягчить академическую дисциплину в академическом университете состоит в том, чтобы организовать междисциплинарное обучение. Студент, который формально или неформально прикреплен к двум советникам на двух отделениях, мог бы находиться под менее жестким контролем, поскольку каждая сторона была бы рада позволить другой заниматься работой. Уменьшающиеся шансы Кастанеды могли бы только возрасти, если бы он начал искать союзников на отделении социологии.

Родственные души — лучшие союзники. «Карлос, — говорил дон Хуан, — это лошадка, которая не любит, чтобы ее седлали». Кастанеда был тайным мятежником, который не любил следовать правилам. Этнометодологи были открытыми мятежниками в социологии. И специальность, в которой истиной является все, что бы кто ни говорил, как раз подходила для того, чтобы в ней мог проявиться человек, который уже сменил имя, возраст, место рождения, родной язык и личную историю. Оправдываемые возвышенными целями рационализации, «таранные» эксперименты Гарфинкеля все неопровержимо были ложными. Человек, продававший поломанные часы на блошином рынке в Перу, чтобы заработать немного денег, мог бы счесть довольно забавным то, что можно войти в социологическое братство, обучая студентов тому, как стать комбинаторами.

К 1967 году два этнометодолога были соблазнены замечательным волшебным зеркалом Кастанеды. Гарфинкель прочел некоторые из его рукописей в начале 1962 года и поговорил с Кастанедой и антропологом Филипом Л. Ньюманом насчет того, чтобы отправиться в Сонору и разыскать там дона Хуана. В 1967 году Роберт В. Эдгертон, который был и антропологом, и этнометодологом, нашел рукописи Кастанеды восхитительными и побудил его отнести их в университетское издательство. В то время антропологию в университетском издательском комитете представлял Уолтер Голдшмидт, декан отделения антропологии UCLA, к которому «Учение» пришло с благосклонными рекомендациями от Эдгертона, Мейгана и Гарфинкеля — двух

антропологов и одного социолога или, более точно, двух этно-методологов и одного археолога.

Несколькими годами спустя понадобился лишь один дополнительный антрополог для того, чтобы образовать соответствующую правилам ученую комиссию, это был Филип Ньюмэн, которого привлекли писания Кастанеды в 1962 году, когда он еще в раннем научном возрасте в 30 лет исполнял обязанности профессора. Поскольку Гарфинкель был социологом, Эдгертон был приписан к медицине, а Мейган был археологом, то место председателя занял Ньюмэн, единственный член комитета, специалист по антропологии, работавший непосредственно на факультете. Пятым членом комитета был историк религии Кисс Болль. Из трех больших факультетов Кастанеда в конце концов собрал небольшую команду, которая была бы способна, по крайней мере номинально, принять его волшебные сказки, оформленные как полевые записи, в качестве научного отчета.

Эти волшебные сказки по видимости относились к антропологии, хотя на них стояло несмываемое клеймо этнометодологии. Для того, чтобы связать вместе антропологию и этнометодологию, Кастанеда подготовил реферат в объеме пятисот слов, в котором он три раза повторяет, что его повествование представляет собой «эмический отчет». Этот термин использовался в одном из ответвлений антропологии, носившей название «этники», которая имела много общего с этнометодологией.

Джон Мак-Кинни писал, что намерением этнометодологии является «установление того, как члены системы воспринимают, схематизируют, определяют и классифицируют, и как они фактически реализуют эту познавательную деятельность. Ее задачей является проникать внутрь событий для того, чтобы устанавливать, какого рода средства или теории используют сами действующие лица, когда они организуют внешние проявления своей повседневной жизни». Двумя основными вопросами этники, как говорит Стивен Мюррей, являются: 1) Какие внешние проявления значащи для людей определенной культуры? и 2) Каким образом *они* организуют эти внешние проявления? Целью этники, как он утверждает, является установление того, как *коренное* население расчленяет свой мир.

Лично Кастанеда был связан с этникой через Уильяма Брайта, профессора лингвистики и антропологии в UCLA, являвшегося интеллектуальным диссидентом, ведущим свою линию от того самого Эдварда Сепира, которого так любил цитировать дон Хуан, говоря о согласии, о расписании или распорядке. Наряду с Мейганом, Гарфинкелем и Эдгертоном, он был одним из шести профессоров, чья помощь и поддержка Кастанеды содействовала признанию Учения. Эмика, как объяснял Брайт, «противопоставляется этике, которая, грубо говоря, означает классификацию в терминах универсальных физических различий, в то время как эмика означает классификацию в терминах психологических различий, имеющих в конкретной культуре».

Когда Карлос хотел, чтобы дон Хуан объяснил различие между полетом птиц и полетами вне тела, дон Хуан сказал, что полет является полетом, когда его совершает птица или тот, кто, например, употребляет марихуану. Он не хотел принимать этические различия Карлоса, связанные с телесными ограничениями. Когда Карлос рассмеялся, глядя на ворону, летевшую вниз головой, дон Хуан сказал, что тут нечего смеяться, потому что это была не ворона, а знак. Карлос ответил, что он видел, что это ворона. Если бы Карлос воспринял утверждение дон Хуана, то он бы классифицировал это событие с точки зрения эмики как знак, в дополнение к тому, что он классифицировал его с точки зрения этики как ворону, летящую вниз головой.

Уильям Брайт не мог не «вдохновлять» Кастанеду, но совершенно ясно, что он не убеждал его принимать эмику всерьез. Эмика преимущественно представляет собой языковой анализ. Карлос, как человек, посвященный в эмику, день и ночь приставал к дону Хуану, пытаясь узнать, как индейцы называют пейот, грибы, дурман, ящериц, змей, кроликов, койотов, ворон, союзников, магов, бенефакторов, видение, не-делание и так далее. В статье, озаглавленной «Карлитос и дон Хуан», я показал, как могли бы выглядеть эти термины в языке яки. Поскольку диссертация Кастанеды (*Путешествие в Икстлан*) не содержит ни единого индейского термина ни для одного понятия в системе дон Хуана, называть ее (диссертацию) «эмическим отчетом» было высшей наглостью, но это было нужно для того, чтобы

обеспечить ей хотя бы внешнюю связь с антропологией, одновременно прикрывая ее этнометодологическое наследие.

Эмические исследования были высмеяны в антропологии как «загнанные внутрь головы аборигенов». Приблизительным этнометодологическим эквивалентом здесь является «вступление в членство». «Понятие членства является сутью дела», — писал Гарфинкель. Вступление в членство означает овладение языком конкретной группы и необходимостью правильно использовать его для того, чтобы подходящим образом определиться и управлять своим поведением. Членство Карлитоса в особом понимании дона Хуана, преобразованном Кастанедой в перцептуальную метафору, означает наличие совместного «бесконечного потока перцептуальных интерпретаций». Окончание обучения Карлоса означало, что «он усвоил новое описание и новое восприятие мира, которое находится в соответствии с его новым описанием». Карлос «добился членства», когда светящийся койот заговорил с ним и он увидел линии мира.

Членство — всего лишь технический термин этнометодологии для того, чтобы избежать аллегорической трансмутации в книгах о доне Хуане.

Реферат Кастанеды заслуживает того, чтобы его прочитать, и я рекомендую сделать это всем, кто имеет доступ к *диссертационным рефератам*, где он сверкает как фальшивое золото на скучном песке учености. Озаглавленный *Магия: описание мира*, реферат не дает ни одного намека тому, кто прочитал *Путешествие в Икстлан* — популярную книгу, опубликованную за год до того, — чтобы понять, что речь идет об одном и том же. Автор начинает с заявления, что его диссертация представляет собой «эмический отчет об обучении магии в том виде, как она практикуется американскими индейцами в современной Мексике». Поскольку реферат является средством представить диссертацию научной общественности, этот реферат, точно так же, как и другие, должен побуждать нормальное научное ожидание. Название реферата в том виде, в котором оно было приведено выше, побуждает антропологов поверить, что то, что было прямо названо магией, — широко распространенная практика в современных мексиканских индейских сообществах.

Такое понимание вполне правдоподобно, если только вам не известно, что антропомантическая разновидность магии, описанная Кастанедой в трех томах, представлена Кастанеде одиннадцатью воображаемыми индейцами (дон Хуан, дон Хенаро, Ла Каталина, Сакатека, Паблито, Нестор, Элихио и четыре безымянных молодых человека) и одним воображаемым метисом (дон Висенте), ни один из которых не принадлежит какому-либо существующему сообществу, не известно также, что это искусство имеет повсеместное использование. Более того, «магия» дона Хуана не использует злых духов или магических приспособлений, чтобы делать людей больными, как это мог бы предположить любой антрополог. Все, что в ней есть, — это кусочки из различных учений, вроде йоги, связанных с раскрытием сущности мира. Несколькими страницами позже, когда Кастанеда критикует семантические отклонения от нормы у дона Хуана, эта критика не направлена на то, чтобы исправить нарушение порядка, но служит для того, чтобы провозгласить аллегорическое членство в донхуановском мире «совместного Мы». Антропологи, которые не являются членами этого мира, не сопричастны ему, имеют право не быть введенными в заблуждение необъявленным неправильным использованием стандартного этнологического термина *магия*.

Второй параграф гласит, что «после многих лет полевой работы» Кастанеда пришел к выводу, что «занятия магией не сосредоточены в каком-то одном месте, но скорее это наборы различных умений, практикуемых в той или иной форме во всех сообществах американских индейцев Нового Света». Во-первых, «занятия магией» — это выражение заимствовано из европейской мистики и никакого отношения к американским индейцам не имеет. Оно не разделяется на частные формы, и то, что под этим подразумевается, практикуется во всех индейских сообществах Америки без исключения и вне всякого отношения к культуре. Дон Хуан мог бы посоветовать кандидату ничего не бояться, поскольку члены комитета не могли и представить себе, о чем он будет говорить, а поэтому и не смогут выдвинуть никаких возражений против него в связи с тем, что они думают о нем во время защиты.

Поскольку материал, связанный с магией и Икстланом относится к тому, что происходило в Аризоне и Мексике на протяжении упоминающегося в книге периода с 1960 по 1962 годы, а также относится к нескольким дням года, во втором параграфе реферата сообщается, что данные «настоящей работы» были собраны за период более чем в десять лет, в течение выполнявшейся время от времени полевой работы на северо-западе Мексики. У любого, кто читал «Икстлан», может создаться впечатление, что *Магия* представляет из себя что-то совсем другое и является более втягивающей деятельностью.

Автор сожалеет, что «ему не разрешали записывать на магнитофон или делать фотографии тех событий, которые имели место на протяжении периода в десять лет. В противоположность этому в «Отдельной реальности» сообщается, что 14 мая и 4 сентября 1964 года были сделаны магнитофонные записи, что могло бы помочь добросовестным членам комитета установить подлинность или сфабрикованность полевых работ. Осторожный сочинитель аллегорий хорошо сделал, удалив потенциально беспокоящие магнитофонные записи в отдельную реальность, пока готовил реферат, который бы могли прочесть члены комитета на первых страницах его диссертации.

Третий раздел является переводом основанной на соглашении социальной реальности Сепира в основанную на соглашении, но уже несоциальную реальность дона Хуана. А четвертый раздел оживляет эту метафору, объясняя, что мир трансформируется не только субъективно при помощи обычного восприятия, но, возможно, также специфически изменяется благодаря магическому видению. Это паранормальное утверждение высказано с достаточной двусмысленностью для того, чтобы вызвать восхищение магией, не провоцируя осуждение претензий на сверхъестественное. Последние два раздела реферата подобны развивающимся знаменам *эмицизма и членства*, которые и подают знаки этнистам и этнометодологам, сообщая о приближении союзника.

Вместе со своим вымышленным академическим названием это тоненькое эссе содержит в высшей мере вводящее в заблуждение рекламное заявление насчет документов, которые на самом деле (как это знали члены комитета), были не чем иным,

как «Путешествием в Икслан». Хотя в реферате Кастанеды тезисы его аллегории тщательно упакованы, он неверно представляет *Магию* и как отчет, основанный на фактах, и как работу, которая отличается от книг о доне Хуане. Поскольку автор запретил университетской микрофильмотеке выдавать полный документ, адвокаты научной общественности могут обратиться в библиотеку UCLA сами, если захотят измерить глубину обмана.

Неужели можно хоть на минуту допустить, что Кастанеда одурачил не только некоторых читателей *рефератов и диссертаций*, но также и некоторых членов ученого комитета, схитрив и солгав? Пожалуй, это не так, поскольку существует точка зрения, согласно которой шутливое или ироническое высказывание не является «утверждением», а потому не является ложью, «ведь говорящий понимает, что аудитория не проверена на предмет того, принимает ли она его всерьез или нет». Несколько глав в *Отдельной реальности* вызвали у меня неожиданный смех, когда я вдруг понял, что автор дурачится и подшучивает. Разумеется, у меня хорошо развито чувство юмора. Кастанеда, у которого тоже было хорошо развито чувство юмора, мог думать, что его профессора тоже принимали участие в розыгрыше, в то время как сами они об этом и не подозревали. Вот уже два года меня терзает высказанное тогда мною мнение, что если бы в составе ученой комиссии на защите Кастанеды был хоть один смеющийся человек, то кто-нибудь мог позвать Ральфа Билза, и тогда бы получился довольно забавный разговор, а диссертация Кастанеды скорее всего прошла бы под рубрикой научной фантастики, а не антропологии.

Хотя нам, людям, любящим посмеяться, трудно поставить себя на место тех, кто больше привык сохранять на своем лице торжественную мину, я сейчас почти готов поверить Клементу Хейгану, Филипу Ньюмэну и Кису Боллю, которые никогда не видели в этом шутки. Похоже, что Эдгертон — человек серьезный и здравомыслящий, и, возможно, ему тоже не удалось этого, несмотря на то, что он является этнометодологом. Но можно ли поверить изобретателю «таранного» эксперимента, развлекавшего Кастанеду в течение десяти лет, что он и не догадывался о том, что происходит? Возможно, я преувеличиваю его способности. Агнесс одурачила его, это так, но Агнесс

также одурачила психиатра, и психолога, и похотливого приятеля, так ведь Агнесс не написала трех взаимно противоречащих друг другу томов, доказывающих, что она дурачила людей. По моему мнению, диагностическим признаком в реакции Гарфинкеля на происшествие с Агнесс было не то, что он оказался одураченным, что может случиться с каждым, но то, что это не огорчило его, — а вот это уже является довольно необычным. Очевидно, что воин, занимающий должность профессора, имеет в жизни больше выборов, чем обычный академик. Ему нет нужды беспокоиться о лжи и о том, что будут говорить люди. Он свободен, чтобы следовать по пути, который он выбрал, каким бы экстравагантным тот ни оказался.

Как живое воплощение этнометодологии, Гарфинкель был единственным из членов факультетского совета, которому нечего было терять в случае, если бы оказалось, что Кастанеда всех разыгрывал. Открыто и постоянно, хотя, может быть, и не совсем ясно, он говорил, что реальность социологической науки является тем, чем вы делаете ее, и что процесс сотворения реальности является более интересным, чем сам результат. Хотя академическое племя все это оскорбляло, Гарфинкель был признан лидером этой науки, и, когда диссертация Кастанеды была завершена, он был уже шесть лет профессором и у него не было опубликовано новых работ. Разве это было не самое подходящее время, чтобы произвести еще один, и последний, «таранный» эксперимент? Хотя этнометодология и процветала, Гарфинкеля следовало бы отозвать из Американской Социологической Ассоциации, поскольку он бросил ей вызов, когда в 1967 году, допустив ляпсус, он хотел обойтись мошенническим ответом.

Конечно, путь бенефактора тяжек. Примерно в то же самое время Механ и Вуд плакали на «безнадежность попыток изменить науку с помощью разумных предложений». Они планировали изменить науку при помощи практики этнометодологии как способа жизни. Ставя свой автограф на кастанедовском магическом зеркале, Гарфинкель, возможно, и демонстрировал свой образ жизни в соответствии с этнометодологией. Следуя принципу взаимного отражения, результат воздействия этнометодологии на науку можно увидеть в этнометодологических писаниях. Если Гарфинкеля можно подозревать в рас-

четливом преследовании собственных интересов, то Механ и Вуд писали скорее как ученики дона Хуана, а не как те, кто хотел бы нажить на нем дивиденды.

«Мир является таким, каков он есть, потому что, как ты знаешь, *делание*, имеющее отношение к нему, делает его таковым», — говорил дон Хуан Карлосу. «Любое знание может породить переживание мира, которое соответствует этому знанию», — отвечают Механ и Вуд.

«Для того чтобы стать охотником, ты должен отказаться от расписаний, которыми наполнена твоя жизнь», — говорил дон Хуан. «Социологи редко идут на то, чтобы отказаться от расписаний, управляющих их повседневной жизнью», — обвиняют Механ и Вуд.

Воин должен покинуть всякого, кто знает его слишком хорошо, как говорил дон Хуан, ты должен, не теряя времени, покинуть друзей, которые знают тебя слишком долго. Этнометодологическая программа, предложенная Механом и Вудом, требует «освободиться от семьи, работы, друзей, однако мало кто по своей воле готов так решительно отказаться от привычного образа жизни». Довольно безрассудно сказано. Ибо кто не покинет соблазнов сего мира, тот не сможет быть моим учеником. Кто всматривается в магическое зеркало, должен жить по образу дона Хуана.

Добившись *членства* в мятеже, возглавляемом Гарфинкелем, написав аллгорию по мотивам этнометодологии, Кастанеда говорит: «Я боролся за то, чтобы остаться истинным студентом. В своей роли студента антропологии я определил истинность как необходимость предпринимать постоянные усилия, чтобы быть верным всему, что имеет место, ничего не придумывая и ничего не разрушая. Мне не нужно было отправляться в экспедиции для того, чтобы доказывать или опровергать ранее выдвинутые предположения».

«Ты всегда знал, как врать, — сказал дон Хуан Карлосу. — Единственное, чего тебе не хватало, так это знания того, зачем ты делаешь это. Теперь ты знаешь».

«Для человека могут существовать пути и получше, чем попытки найти истину», — допускают Механ и Вуд.

«Современная жизнь, — писал Георг Зиммель, — значительно в большей степени, чем это обычно представляют себе, основана на вере в порядочность других. В качестве примера может служить наука, в которой большинство ученых должны использовать бесчисленные результаты, полученные другими, которые они не могут проверить».

«Именно понятие истины и лжи является причиной того, что все мы живем вместе, — добавляет Дэвид Сильвермэн. Мы можем утверждать, что нет никакой разницы между истиной и ложью, но поступая так, мы должны были бы предположить, что общества не существует. Потому что не видеть разницы между истиной и ложью — в большинстве случаев может означать, что мы сошли с ума».

Я привел высказывание Сильвермэна, чтобы показать что даже в этнометодологии вопрос об аутентичности дона Хуана не должен выноситься за скобки навечно. Возможно, эта статья поможет убрать скобки, обеспечивая таким образом подходящий способ для пересмотра всего этнометодологического предприятия.

RdeM**(комментарий де Милля)**

Библиотеки страны по привычке занесли книги Кастанеды в один каталог с трудами по антропологии, расположив их на одних и тех же полках, вместо того чтобы присоединить их к художественной литературе. Однако журнал по библиотечному делу «Лайбрери Джорнэл» сообщил, что пятая книга, называющаяся «Второе кольцо силы», вызывает вопрос о том, чтобы считать эти хроники Кастанеды художественной литературой; а «Буклист» вообще опередил всех, прямо включив «Второе кольцо силы» в перечень художественных изданий и назвав книгу «художественным заговором, нацеленным на создание иного мира».

Поскольку со временем все больше читателей стали понимать, что все книги о доне Хуане — лишь сказки воображения, а не действительные полевые заметки, библиофилы начали задавать вопрос: не стоит ли перенести эти книги в иной, соответствующий им раздел? Безусловно, это не очень просто, так как присвоение каталожного индекса Библиотекой Конгресса США — занятие, которому свойственна громадная инерция.

В книге «Путешествие Кастанеды» я назвал Библиотеку Конгресса невинной жертвой кастанедовских трюков. Позаимствовав одну из гипербол Кастанеды, я бы сказал, что дон Хуан, должно быть, «взорвался, давился, плакал, истерически задыхался и валился с ног от хохота», обнаружив, что информация каталога по «Сказкам о силе» не содержит сведений о дате рождения Кастанеды (хотя таковая у него, безусловно, имеется), а вместо этого там указана дата рождения дона Хуана (у которого, безусловно, ее нет). Далее я писал о том, что «несмотря на многочисленные мои предупреждения, Библиотека Конгресса уже целый год продолжает зачислять книги о доне Хуане в разряд литературы по истории индейцев племени яки».

11

Ричард де Милль Когда белое называют черным

В июле достославного 1973 года научному редактору Ричарду Либманну-Смиту позвонил некто, представившийся Максом. Он спросил Либманна-Смита, слышал ли тот что-либо о человеке по имени Карлос Кастинетц. Услышав отрицательный ответ, Макс пояснил, что Кастинетц является педагогом-мошенником, который создал себе имидж на основе дурацкого элементарного двуязычного букваря «Я — Хосе; ты — Хосе...». Звонивший заметил, что то же самое кто-нибудь вполне может проделать и в биологии. Информация потрясла Либманна-Смита, но когда Макс запросил изрядный аванс за абсолютно «научную» фантазию на тему клонирования детей, научный редактор расхохотался прямо в трубку: даже за миллион лет, сказал он собеседнику, издатели никогда не согласятся публиковать подобную чушь.

И все же впечатлительный скептик оказался достаточно недалеким, ибо в 1978 г. вышла книга Дэвида М. Рорвика «По Его образу и подобию: клонирование человека». Когда же Беатрис Минтц, в то время занимавшаяся исследованием клонирования на лабораторных мышах, назвала Рорвика «лжецом и кретином», издательство возразило ей словами: «Дэвид Рорвик уверяет, что [рассказ] Липпинкотта — чистая правда». Другой исследователь — Клемент Маркерт, — занимавшийся изу-

чением яйцеклеток мыши, назвал эту работу «абсолютной ложью»; но Липпинкотт парировал это, заявив, что книга все равно выйдет в свет «на основе кредита доверия мистера Рорвика, и не как художественная литература» (этот так называемый кредит заключался в том, что Рорвик был журналистом, пишущим на научные темы. Правда, восемь лет назад он заявил, что собирается написать порнографический научно-фантастический триллер под названием «Клон»).

Общая картина осложнялась тем, что Лэндрам Б. Шеттлз, бывший соавтор Рорвика на медицинские темы, гинеколог и вдохновенный клонировщик маленьких детей, вовсе превозносил безупречный характер Рорвика и неуничтожимую целостность его натуры. В противоположность этому, большую осторожность проявило издательство «Саймон энд Шустер», которое уже успело издать четыре известных, но быстро дискредитировавших себя книги псевдофантастики; они отвергли труд Рорвика, поскольку последний даже не собирался документально подтвердить изложенные им «факты». Такая позиция относительно автора представляется несколько нечестной — ведь точно так же, как Кастанеде приходилось охранять недосыгаемость дона Хуана, Рорвик должен был защищать и клонированного ребенка, и мать-«носительницу», и таинственного папочку-донора — миллионера, о котором читателям было известно лишь то, что его зовут Макс. Коллекционеры ничего не значащих «многозначительных фактов», вероятно, с удовольствием узнают, что на суперобложке книги Рорвика помещено созданное Эшером изображение двух рук, рисующих друг друга, — то же самое, что и на фронтисписе «Реального мира этнометодологии».

Так или иначе, псевдофакты продолжали плодиться. В прошлом году вышла в свет книга под названием «Кошмар Эмтивилля: рассказ очевидца», о которой ее автор Джей Энсон впоследствии заявил: «Не имею ни малейшего представления, правдива эта книга, или нет». Значительная заслуга (или вина) в возникновении этого бума принадлежит Кастанеде, творения которого стали довольно высоким и соблазнительным стандартом для тех, кто с равным успехом может заниматься исследованиями в любой области. «Что за триумф! — писал Роберт де

Ропп. — Хитростью суметь протащить в список бестселлеров — причем целых пять раз — свои произведения, безусловно являющиеся чисто художественными, хотя и работники библиотек, и критики, и книжные обозреватели торжественно называют их серьезными научными трудами!» Действительно: какой триумф для Кастанеды — и какое разгромное поражение для тех, кто авторитетно судит о книгах. Но разве кое-кто из этих жертв не приложил своих усилий, чтобы быть обманутым?!

Наиболее серьезную рекламную «раскрутку» для Кастанеды в средствах массовой информации сделала газета «Нью-Йорк Таймс». Обозреватель Чарльз Симмонс в августе 1968 года писал: если бы «Учение дона Хуана» было опубликовано как роман, то книга «была бы обречена на успех». Месяц спустя англичанин Дадли Янг из Эссекского университета расценил «Учение», как трогательные, хотя и неполные мемуары, потрясающее признание, которое имеет и этнологические, и философские недостатки. Он назвал Структурный Анализ «софоморическим эссе на тему феноменологии восприятия, о чем автор, несомненно, знает крайне мало». Столь квалифицированная оценка, впрочем, не удовлетворила «Таймс».

Воспевая «Учение дона Хуана» как «бестселлер культуры андерграунда» (первое зафиксированное использование этой в дальнейшем известной одурманивающей фразы), литературный обозреватель Роджер Джеллинек в мае 1971 года утверждал, что значение сделанного Кастанедой невозможно переоценить, поскольку он стал первым чужаком, которому удалось проникнуть в «пре-логическую форму, возраст которой уходит вглубь земной истории» — шаманскую традицию, описанную Кастанедой лучше, чем удавалось кому бы то ни было, не исключая и такого выдающегося эксперта по шаманизму, как Элиаде. «За исключением старательно привязанного «структурного анализа», который выглядит почти что пародией», Кастанеда поступил весьма мудро, не навязывая свои категории для значений чужого языка, который он пытался спасти от забвения. В феврале 1972 года писатель Уильям Ирвин Томпсон аплодировал столь необходимым попыткам Кастанеды объединить научное и оккультное.

Лишь одна-единственная нота в нарастающем хоре дифирамбов звучала диссонансом, грозя все испортить: летом 1972 года «Великий Магистр Пейота» Уэстон ла Барр, получив для оценки экземпляр «Отдельной реальности», неожиданно объявил ее «псевдоглубокой и совершенно вульгарной псевдоэтнографией». Однако «Таймс», верная своему нестигаемому издательскому порыву, отвергла рецензию ла Барра. 17-го октября в пробитую брешь проник Роджер Джеллинек, который был вынужден признать, что не представляет, как оценивать трезвые видения из «Путешествия в Икстлан»; однако уже 22-го октября Пол Райсман, специалист по культуре африканских народов, принес утешение, объявив, что первые три книги Кастанеды являются прочным фундаментом в деле создания лучшей науки. В феврале 1973 года журнал «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» разрушил стройные ряды почитателей, опубликовав ехидную пародию Дональда Бартельми на «Учение дона Хуана». Однако пародия в конце концов — лишь забава, а «Мэгэзин» — не более чем журнал досуга. В октябре 1974 г. «Таймс» возобновила свое путешествие по Тропе с Сердцем: психоаналитик Эльза Ферст сочла, что «восхитительные» «Сказки о силе» ставят Кастанеду выше Элиаде и позволяют читателю проникнуть «внутрь сознания шамана».

Через два года «Таймс» получила экземпляр «Путешествия Кастанеды». В книге оказалось много документальных свидетельств и резонных аргументов, доказывающих, что любимый периодическим изданием «традиционалист до-логической эпохи» был полностью выдуман выдвинутым «Таймс» кандидатом номер один на роль преемника Элиаде. Демонстрируя поистине безгрешное владение техникой не-делания, «Таймс» не-оценила критически «Путешествие Кастанеды».

И все же кое-кто из работников газеты прочел книгу, ибо в декабре 1977 года сотрудник редакции «Таймс» Джон Леонард искусно изменил общий тон критических статей, назвав «Второе кольцо Силы» антропологической фантастикой в духе *Zeitgeisty*, а автора — «Волшебником Изумрудного Города для мошенников... не таким смешным, как Л. Рон Хаббард и, безусловно, далеко не таким изобретательным, как Фрэнк Герберт». Через три недели Роберт Блай заявил, что после выхода в свет книги

«Отдельная реальность» стало совершенно «очевидным», что Кастанеда выдумал свои беседы с доном Хуаном. Документальные подтверждения мошенничества, представленные де Миллем, добавил Блай, «должны убедить любого, кто до сих пор еще сомневается».

Итак, «Таймс» проглотила приманку Кастанеды. Но правда ли это? Не признавая открыто никакой противоречивости, не пускаясь в объяснения по поводу самообмана или собственного ослепления, «Таймс» выглядела как человек, пытающийся доказать, что он сейчас говорит то же, что и в первый раз. Каким бы очевидным этот обман ни казался в 1971 году, через год «Таймс» вернула ла Барру его разгромную рецензию; к рецензии был приложен чек и весьма сердечное послание в духе «мы вас не благодарим за это». Так что же: добропорядочные учреждения среднего толка нисколько не испугались?

Вероятно, этот вопрос следовало бы переадресовать редакции «Сетердей Ревью», которая решила придерживаться параллельного курса (не отказываясь, впрочем, от серьезного и взвешенного обзора). В 1971 году профессор гуманитарных наук Альберт Уильям Леви высоко оценил «Учение дона Хуана» и «Отдельную реальность» за точность изложения (вспомним слова ла Барра об псевдоэтнографии) и искренность (здесь на ум приходят строки Блая о очевидном мошенничестве). Через год обозреватель Джозеф Кэнон вовсю приветствовал человека, по его словам, наиболее выдающегося представителя узкого круга серьезных современных экспериментаторов, занимавшихся изучением восприятия реальности и психических феноменов. Кэнон интуитивно (и совершенно верно) описывал Карлоса и дона Хуана, как «персонажей саги», взаимодействующих наподобие Ватсона и Холмса; однако обозреватель не смог открыто высказать столь очевидную для многих идею, заключающуюся в том, что сюжет творений Кастанеды не менее вымышлен, чем у Конан-Дойля.

Вероятно, под влиянием этого внутреннего психологического противоречия «Сетердей Ревью» умолкла на долгие пять лет: ни «Сказки о силе», ни «Путешествие Кастанеды» не вызвали у редакции желания как-то откликаться. Лишь в 1978 г. «Второе кольцо силы» удосужилось нескольких строчек петитом, напи-

санных рукой Томаса Леклера; критик назвал книгу полосканием для мозгов, банальностью и мексиканской готикой. В частности, Леклер признал, что читал Кастанеду как художественную фантастику. Конечно, было бы интересно узнать, как и когда редакторы «Сетердей Ревью» догадались считать Кастанеду беллетристом; во всяком случае, у них получился разве что вздох облегчения по поводу того, что автор «наконец исчерпал свой материал». Напротив, оккультизм Кастанеды обещает оказаться воистину бездонным, а «исчерпали себя» лишь донхуановские иллюзии редакторов «Сетердей Ревью».

Может быть, я не прав, и все это — лишь попытка раздуть бурю из ничего? К сожалению, вынужден сообщить, что это не так. В июне 1969 года «Нью-Йорк Ревью оф Букс» (издание, безусловно известное редакции «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью») послали первое предупреждение, когда антрополог Эдмунд Лич заявил, что «Учение дона Хуана» — «скорее произведение искусства, чем научный труд». Сравнивая книгу с псевдотибетскими мистическими откровениями Т. Лобсанга Рампы, Лич писал: «Безусловно, в этом смысле книги Кастанеды не являются совершенной чепухой. Но даже если бы они были совершенной чепухой, они бы воспринимались точно так же... Мне кажется, что он просто вылепил дона Хуана, исходя из уже имеющейся готовой формы». По словам Лича, это учение слишком напоминает даосизм, йогу, веданту и дзэн-буддизм, чтобы быть верным. Что же касается пути знания индейцев яки, то «даже если Кастанеда изобразил бы в своих книгах пришельца с планеты Марс, это ничего бы не изменило». При этом Лич допустил мысль о том, что «Учение дона Хуана» в лучшем случае может быть несколько извращенной литературной обработкой некоего малоизвестного практического опыта.

Перед лицом столь авторитетного противника благоразумный обозреватель «Таймс» должен был значительно умерить свой пыл. И действительно, как Симмонс, так и Янг несколько изменили свое отношение, но это не помешало более кровожадным сторонникам псевдоэтнографии одержать верх.

Что можно сказать в оправдание этой долгой гонки ко всеобщему одобрению? Можно ли согласиться с тем, что редактор не в состоянии читать каждую выпущенную книгу и посему

вынужден полагаться на суждения своих обозревателей? Безусловно; но в этом случае редактор не может просто так отказаться от обоснованного обзора-рецензии. Может быть, статья ла Барра была написана грубо или глупо? Но даже если она имела недостатки, исправить их вполне по силам как самому автору, так и редактору. На самом деле статья была написана живо и компетентно. Она отлично читалась, хотя и звучала во многом бескомпромиссно. Присутствующий в ней тон негодования возник на основе совершенно правильного суждения о все углубляющемся развитии мошенничества в научном мире. «Таймс», как никогда, нуждалась в рецензии ла Барра, но все же спокойно отмела ее лишь потому, что рецензия противоречила заранее сформировавшемуся мнению редактора. Публикуя обзорные рецензии по Кастанеде, издание предпочло позиции критика роль защитника.

Несколько лучшую модель поведения избрала редакция «Паблишерз Уикли»: «Учение дона Хуана» и «Отдельная реальность» здесь были высоко оценены как впечатляющие наблюдения настоящего искателя нового пути — искателя, которого интервьюировали еще в 1972 году. Хотя слэнговый язык мага и хронологические ссылки в «Путешествии в Икстлан» и вызвали «некоторые серьезные сомнения», уже к моменту выхода рецензии на «Сказки о силе» эти сомнения оказались устранены, так что путешествие длиною в четыре книги было оценено как «последовательное, блестящее и глубоко волнующее». Когда же появились весьма сомнительные доказательства «Путешествия Кастанеды», тут же были придуманы весьма удобные предлоги для отказа их напечатать: автор-де малоизвестный, да и пресса на Западном Побережье по этому поводу была небольшая. Тем не менее позиция журналистской ответственности требовала, чтобы «Паблишерз Уикли» признал наличие достаточно аргументированного вызова семи обзорам по книгам о доне Хуане, появившимся на страницах еженедельника ранее. В сентябре 1976 года была опубликована рецензия, носившая характер комментариев; в ней «Путешествие Кастанеды» называлось «основной отправной точкой для сколь-нибудь серьезной дискуссии». В следующем году издание объявило, что «Второе кольцо силы»

не является художественным вымыслом, тем не менее поставив под сомнение действительность описанных там событий.

Здесь, чтобы избавиться от углубления в софистику и некритичного согласия с чужим мнением, необходимо уточнить различие между стремлением автора и обязанностями рецензента. Принципиально я согласен с тем, что книга малоизвестного автора, опубликованная маленьким издательством с Западного Побережья, вряд ли может рассчитывать на многочисленные рецензии, разве что на упоминание в обзорах наиболее крупных специализированных периодических изданий; однако здесь мы имеем дело не с рядовым случаем. «Путешествие Кастанеды», как оказалось, вызвало большой интерес критиков — рецензии на нее взяли писать около тридцати издателей, но не «Таймс».

Правда, двумя годами позже даже «Таймс» отметила существование книги. Но даже там, где принципы хорошей журналистики требовали справедливого и полного признания в серьезности брошенного вызова, «Таймс» умудрилась промолчать. Если бы впоследствии Кастанеде не удалось написать книгу, оскорбившую практически всех и каждого, несомненно, что молчание сохранилось бы навсегда. Именно этого вряд ли можно было ожидать от лидирующего периодического издания, посвященного новинкам литературы: это было бы нормально для журнальчиков средней руки, но не для уважающего себя авторитетного издания.

Мода на учителей из каменного века прижилась быстро. Через год после появления имени дона Хуана на страницах «Таймс», издательство «Гроув Пресс» опубликовало «Двигаясь вверх по реке, оставляя ее справа»; исследование экзотического плотского знания предварялось выдающейся цитатой из речений дона Хуана. Впоследствии журналист-гомосексуалист Джек Коллинз написал об этом (конечно, без намерения обозвать обоих авторов фантазерами): «Шнеебаум изобразил мужскую сексуальность точно так же, как Кастанеда — способность человеческого мозга к *видению*». В 1971 г. издательство «Атенеум» выпустило книгу «Колдун с Верхней Амазонки»; в перечень весьма подробных и хвалебных критических отзывов, безусловно, не вошло авторитетное, но частное мнение Роберта Карней-

ро о том, что книга представляет собой художественную фантастику о джунглях Амазонки.

В 1972 году к торжественной процессии присоединилась издательская компания «Харпер энд Роу», которая выпустила роскошно иллюстрированный фолиант, провозгласив его «первой книгой о древних Путих Равнинного Народа, целиком написанной индейцем»; эту претензию на первенство антрополог Джон Г. Мур, который зафиксировал четыре подобные книги в прошлом десятилетии, назвал «совершенно неверной». Книга «Семь стрел» претендовала на объяснение Шейенской религии и этим вызвала массовое негодование индейского племени. Самым спокойным комментарием, который услышал Мур, был: «полнейшее дерьмо от корки до корки». Автор книги, Хаймей-остс Сторм, переплюнул даже аутентичные полевые заметки Кастанеды, поместив в своем опусе множество длинных и абстрактных диалогов, якобы происходивших на языке жестов. Многие детали религиозного культа были переданы совершенно неверно, так что один из первых критиков назвал книгу профанацией. По определению Мура, философская канва книги в основном была выдержана в духе буддизма. В телефонных разговорах издатели признали, что подозревали «Семь стрел» в неточностях, — и все же они не сделали ни малейшего усилия, чтобы проверить содержание издания перед тем, как представить его наивному читателю под видом оригинального индейского фольклора.

В 1976 году «Фаррар, Штраус и Жиро» занесли в раздел каталога «Антропология» новый перевод поэтических фантазий Антонена Арто о индейцах тараумара, обитателях того региона, в котором Карлос и дон Хуан собирали пейот и встречались с *Мескалито*. Арто описывал, как он видел индейского шамана, мчащегося по воздуху «со всей своей армией колокольчиков, напоминавших рой испуганных пчел, сбившийся в плотный, жужжащий и хаотично мятущийся комок». Он «видел, что каждая из скал вокруг стала напоминать бюст женщины с двумя отлично прорисованными грудями». Еще он «увидел в горе очертания обнаженного мужчины, выглядевшего из большого окна. Его голова напоминала лишь большую дыру... в которой попеременно появлялись то Солнце, то Луна». Не-

смотря на то что безумные метафоры Арно вряд ли вызвали бы у кого-либо ошибочное желание назвать все это этнографией, опубликование «Танца пейота» под видом антропологической книги явно сыграло на руку растущей популярности *Мескалито*.

По свидетельствам «Саймон энд Шустер», к весне 1977 года эта популярность возросла настолько, что было продано почти четыре миллиона книг о доне Хуане, причем каждый экземпляр преподносился как сугубо научная литература. Вице-президент «Саймон энд Шустер» по вопросам «Кастанедоведения», Майкл Корда, написал книгу под названием «Сила! Как овладеть и как применять», которая вышла через год после «Сказок о силе». В этом учебнике для желающих стать маленькой копией Маккиавелли Корда поместил уроки манипулирования сознанием близких (как индивидуумов, так и сообществ), подобострастно цитируя при этом дону Хуана. Автор вспоминал философскую беседу, которую он якобы имел в кафе Центрального зоопарка; то была беседа с высоким и худым антропологом из Нью-Йорка, одним из друзей Корды, чьи привычки, характер, интересы и словарный запас де-факто до мелочей соответствовали качествам Кастанеды.

Том Бурн — журналист, пишущий о бестселлерах, — взял интервью у Корды. Приводим цитату интервьюируемого: «Я не могу доказать существование дона Хуана. У меня нет никаких фотографий. Вместе с тем я не могу доказать и существования тех, кто его критикует, — единственным свидетельством является лишь их слово. Никто бы не смог с помощью собственного воображения создать образ дона Хуана таким, каким он описан у Карлоса. Дон Хуан невероятно последователен, и его характер ничем не напоминает изменчивый, придуманный персонаж из художественной литературы». Возможно, Корда никогда не читал Толкиена (чье имя он не упоминал в своей книге) или любого писателя-фантаста, кроме Кастанеды. Тем не менее я подозреваю, что Корда по самый *накам* полон *быюта*. Через год после выхода «Второго кольца силы», он назвал Кастанеду «самым популярным у нас автором». На самом деле, эта книга Кастанеды появилась в каталогах нераспроданных остатков тиражей через одиннадцать месяцев после выхода в свет — приблизительно в то время, когда Корда давал это интервью. С другой стороны,

коммерческое издание «Сказок о силе» в течение трех с половиной лет избегало попадания в эти каталоги.

Хотя количество псевдофактов увеличивалось буквально с каждым днем, все же вершина взлета дон Хуана произошла в книге «Путешествие в Икстлан». «Интригующее погружение в разум каменного века», «заставившее» журнал «Лайф» «поверить» в это в 1971 году, четыре года спустя на страницах лондонской «Санди Таймс» превратилось в «готический роман ужасов, наполненный инфантильными призраками», не вызывающий никакого доверия. «Буклист» в своей рецензии назвал «Второе кольцо силы» «художественной литературой», а мексиканский издатель Кастанеды отказался от планов перевести книгу на испанский. Несмотря на дутую похвалу из уст знатока Силы Майкла Корды, «наиболее популярный автор» стремительно снизил свой рейтинг как в глазах критиков, так и у читателей.

* * *

В полдень 2-го апреля 1979 года мы с Чарли Триком завтракали в ресторанчике «Семь стрел», что на Пасео де ла Реформа. С нами был наш гость, выдающийся книгоиздатель дон Диохенес Лапис-Сальтильо-и-Китакаретас, президент «Фонда этической культуры», который в тот момент готовил к печати на испанском языке книгу, написанную Чарли. Дон Диохенес был известен среди сограждан как «дон Ди»; о почтенном джентльмене ходила несколько странная, но с нотками уважения слава человека, среди бела дня прошедшего по улицам города с фонарем в руке — как он говорил, «из-за полного мрака, царящего вокруг», — спрашивая прохожих о том, как пройти к жилищу честного человека.

«Где мне найти честного человека?»* — так говорил дон Ди много лет назад. Теперь он просто спрашивает: «Где?»**, и каждый понимает, что он имеет в виду. Несмотря на свою

---

* ¿El hombre sincero — donde esta?

** ¿Donde?

эксцентричность, дон Ди может рассказать немало толковых вещей о тонкостях издательской игры.

«По-моему, совершенно неправильно думать, что единственное применение магии *Кастаньедой* было направлено на то, чтобы сделать Калифорнийский университет сборищем ослов, — с этими словами дон Ди положил себе за ухо длинную сигару «Чичарра». — Ему удалось превратить в глупую мартышку также и «Нью-Йорк Таймс».

- При этих словах Чарли, отлично владевший испанским, разразился хохотом. дон Ди же нахмурился. «Честный человек, — сказал он, — должен сеять в этом мире свет, а не мрак». Вынув из кармана жилетки маленький фонарик, дон Ди включил его, направив его свет на белоснежную скатерть, и произнес: «Это крошечное пятнышко света честности имеет гораздо большую ценность, чем самый грандиозный мрак обмана».

На это Чарли торжественно кивнул головой; мне же пришлось спросить: «Но разве не каждый из нас должен светить, дон Ди?»

Маститый издатель положил фонарик параллельно портсигару. «Безусловно», — наконец ответил он.

«В таком случае, — я продолжал гнуть свою линию, — разве не может получиться так, что кто-нибудь сделает «ночь средь бела дня», одновременно заставляя других с помощью фонариков искать свой путь во мраке?»

С изящной неторопливостью дон Ди откусил кончик своей сигары; Чарли устало поглядывал на него. Наконец дон Ди ответил: «Думаю, что это зависит от того, зачем этому человеку мрак. Страдает ли он от мрака обмана ради того, чтобы другие могли светить, или пытается использовать свет других как оправдание собственному мракобесию? Что ему действительно нравится: свет или мрак?»

«Но можем ли мы знать ответ на этот вопрос?» — усомнился я.

Подняв фонарик, дон Ди направил пучок света прямо в глаза Чарли. Чарли улыбнулся, но не сказал ничего.

«Вероятно, даже он сам не знает этого», — произнес дон Ди.

* * *

Пока мировой лидер в написании сказок по антропологии теряет позиции в списках бестселлеров, мириады его верных поклонников собираются вместе под громадным призрачным куполом литературного фатума; там они будут приветствовать своего кумира, обращаясь с ним почти так, как к этому привык писатель-миллионер — во всяком случае, до того, как в конце концов он присоединится к дону Хуану, переместившись в мерцающее безвременье легенды. Что нравилось ему больше: свет или тьма? Каким бы ни оказался ответ, клонирование мага, сделанное Волшебником из Вествуда, оказалось шедевром изобретательности, повторение которого мы вряд ли увидим в ближайшие литературные сезоны — если увидим вообще.

12

Ручагы ге Мулль **Uclanthropus Piltunides** **Castanedaе**

Марчелло Труцци как-то написал: «Дон Хуан, вероятно, является величайшим мошенничеством в антропологии со времен пилтдаунского человека». Это сравнение нельзя признать поверхностным. Рассветный человек Доусона (*Eoanthropus dawsoni*) отказывался слезть с дерева эволюции в течение сорока одного года (1912—1953), а уклантропус Кастанеды бороздил якобы пески Соноры не более восьми лет (1968—1976); тем не менее оба прецедента имеют немало общего.

История пилтдаунского человека началась с обнаружения пяти фрагментов черепа, принадлежавших гуманоиду, а также нижней челюсти, напоминавшей обезьяню. Их нашел в гравийном карьере геолог-любитель Чарльз Доусон. Карьер находился в графстве Сассекс, на месте Пилтдаунской стоянки первобытных людей. Друг Доусона — Артур Смит Вудворд, который работал в Британском музее, соединил останки, и в результате получилось нечто, напоминающее окаменевший череп. Несмотря на то что достоверность подобной реконструкции многими ставилась под сомнение, пилтдаунский человек был широко и уверенно заявлен как недостающее звено между человекообразными обезьянами и собственно человеком. Тогда он занял эволюционную ступеньку, которая ныне принадлежит австралопитеку. Об этом открытии было написано несколько

сот научных статей — практически столько же, сколько обо всех недостающих звеньях вместе взятых, — и лишь безвременная кончина предотвратила неизбежную канонизацию естествоиспытателя Доусона.

Более поздние находки вызвали все усиливающиеся сомнения в теоретической обоснованности принадлежности пилтдаунского человека, и в 1953 году его останки были заново критически исследованы. Оказалось, что куски костей искусственно «состарили» с помощью химических методов. На зубах были отчетливо видны следы искусственного (или искусного?) их подпиливания. Собственно свод черепа принадлежал современному человеку, челюстная кость — орангутангу, причем последняя была предусмотрительно отломана именно в том месте, где ее дальнейшее продолжение однозначно свидетельствовало бы о ее принадлежности к обезьяне; зубы были подпилены так, чтобы симулировать естественный износ, характерный для человекообразных.

Раскрывшийся обман сбросил пелену восхищения, и тут же стало ясно, насколько непривлекательной была личность Чарльза Доусона. В последующие 19 лет он посмертно играл роль изготовителя фальшивок, получив при этом прозвище «Сассекский Волшебник». В 1972 году Рональд Миллар выступил с возражениями, утверждая, что, несмотря на определенные технические знания, Доусон не был настолько осведомлен в теории эволюции, чтобы изготовить искусную подделку и, следовательно, был лишь подставным лицом, за спиной которого скрывался настоящий мошенник. Главной же фигурой Миллар назвал выдающегося ученого Графтона Эллиота Смита, который вечно переживал за свою профессиональную карьеру и был известен «черными» шуточками по поводу своих коллег. Другие авторы считали настоящим «Волшебником» Уильяма Дж. Солласа из Оксфордского университета или Тейяра де Шардена (который известен в несколько другой области).

Научный историограф Иэн Ленгэм считает, что наиболее вероятным кандидатом является все же Графтон Эллиот Смит, называя реконструировавшего череп Вудворда его сообщником. Согласно теории Смита, двигателем эволюции человека был головной мозг. Обретя «человеческие» размеры еще до

трансформации костей лицевого черепа, увеличившийся мозг доисторического человека начал требовать от своего хозяина удовлетворения эстетических потребностей; это и стало толчком для появления лица, подобного человеку. Из поколения в поколение мужчины отказывались от безобразных особей женского пола с увеличенной нижней челюстью, выбирая себе подруг прекраснее, у которых эта челюсть была меньше. Таким был эволюционный путь к современной маленькой нижней челюсти у человека. Следовательно, особь из недостающего эволюционного звена (в случае обнаружения) должна была обладать близким к человеку объемом черепа и обезьяноподобной нижней челюстью. Полностью удовлетворяя этому теоретическому описанию, пилтдаунский человек доказал обоснованность выводов Смита и оживил его карьеру, неудержимо катившуюся к закату.

Но для науки более важным, чем личность мошенника, является ответ на вопрос, заданный научным историографом Стивеном Джеем Гоулдом: как случилось, что все согласились с появлением столь неправдоподобного создания, как пилтдаунский человек? Сам Гоулд упоминает четыре возможных ответа на свой вопрос, которые я и привожу здесь: узкопрофессиональные «клановые» чаяния; отклонения в культурном восприятии; надежды, обусловленные стремлением к познанию; наконец, доказательство-табу. Узкопрофессиональными кланами в нашем случае являлись Великобритания и Франция. Французские палеоантропологи уже всю гордились открытием неандертальского и кроманьонского человека, тогда как Британии еще предстояло найти хотя бы единственного нашего предка из седого прошлого. «Находка» в Пилтдауне позволяла Великобритании достойно ответить французам. Отклонения в культурном восприятии предполагали, что отличительной чертой человека является разум, а наиболее совершенной человеческой расой — раса белых людей. И здесь пилтдаунский человек доказывал как первенство разума, так и первородство белых европейцев. Надежды, обусловленные стремлением к познанию, нивелировали очевидную странность человеческого черепа, соединенного с нижней челюстью обезьяны, за счет воображаемого распознавания человеческих черт в обезьяньей челю-

сти и угадывания чего-то обезьяньего в очертаниях черепной коробки человека. При этом внутренний объем черепной коробки явно недооценивался, а о зубах на нижней челюсти говорили, что они расположены почти как у человека. Табуированность доказательств заключалась в том, что останки пилтдаунского человека охранялись, подобно священным реликвиям, к которым грешный смертный не имеет права прикоснуться. Когда в 1933 году Луис Лики собрался исследовать останки пилтдаунца, ему лишь показали их издалека, предложив работать с гипсовыми копиями — стоит ли говорить, что подделку на гипсовых копиях заметить было невозможно!

Один из тех, кому удалось раскрыть обман, предлагает еще один вариант объяснений, когда доказательство является табу. Кеннет Оукли вспоминает, что трем ученым однажды разрешили довольно долгое время исследовать останки пилтдаунского человека. Но когда один из них — Карлтон Кун — решил, что обнаружил на останках коренных зубов подозрительные следы, у него хватило духу рассказать об этом лишь своей жене. Доказательство было столь мелким и незначительным, а последствия грозили стать настолько серьезными и далеко идущими, что благоразумие диктовало необходимость тактично молчать. Когда же зоолог Геррит Миллер после долгого изучения гипсовых копий пришел к выводу, что пилтдаунский человек является подделкой, его коллеги убедили ученого отказаться от публикации своих выводов, заявив, что это слишком сильное обвинение, чтобы не выдвигать его без достаточно обоснованных доказательств. После этого понадобилось еще 23 года, чтобы обман перестал существовать.

Гоулд уверен в том, что Графтон Эллиот Смит не был главным виновником замысла, но считает, что сообщником Доусона вполне мог быть Тейяр де Шарден. Зоолог Л. Харрисон Метьюз полагает, что Доусон является главной фигурой мошенничества, допуская, что именно де Шарден создал абсурдное доказательство из Пилтдауна, наивно пытаясь раскрыть обман, но никого не обвиняя в этом.

Учитывая описанную историю, я позволю себе перечислить некоторые моменты сходства и различия между доном Хуаном и пилтдаунским человеком:

— оба они были встречены одними учеными как гигантский прыжок науки вперед, хотя другие изначально сомневались в этом;

— каждый из них был создан весьма умным мошенником, хорошо разбирающимся в соответствующих аспектах научной теории;

— в каждом сочетались несочетаемые элементы: пилтдаунский человек состоял из костей человека и обезьяны, а дон Хуан объединял в себе две концептуальные системы, одна из которых возникла еще до появления письменности, но другая была современной;

— каждый персонаж выступал доказательством (на первый взгляд, приемлемым) соответствующей тенденции в научной теории: пилтдаунский человек был фундаментом идеи о первичности головного мозга, а дон Хуан оправдывал этнометодологию;

— каждый из них мог быть дезавуирован буквально сразу после появления, с помощью компетентного и скептического расследования (как в случае с размером зубов пилтдаунского человека, так и в вопросе о существовании весьма пространных полевых заметок Карлоса на испанском, которые никогда не демонстрировались, а потом оказались якобы уничтоженными в результате наводнения, подмывшего фундамент дома Кастанеды);

— каждый из обманных персонажей либо отнял много времени у чересчур доверчивых коллег, либо просто сделал их дураками;

— в обоих случаях имена настоящих мошенников лишь предполагаются, но точно назвать их невозможно — в случае с пилтдаунским человеком это Тейяр де Шарден, Уильям Соллас и Артур Смит Вудворд; в случае с доном Хуаном это те профессора, которые должны были бы понимать, что имеют дело с чистым иллюзионистом, но так и не поняли это;

— ни один из мошенников не признался в своих деяниях. Безусловно, у Кастанеды еще есть эта возможность, хотя искреннее признание явно не в его характере. Его цветистая четвертая и несколько неземная пятая книги содержат в себе нечто вроде скрытого признания;

— каждый из них получал поддержку своей «фракции»: пилтдаунского человека отстаивали британские палеоантропологи; в поддержку дона Хуана выступал каждый, кто считал, что опубликование «Учений дона Хуана» или присуждение докторской степени Кастанеде придаст славы этнометодологии или факультету антропологии Калифорнийского университета;

— каждый из них воспринимался сторонниками «нетрадиционной» культуры как нечто совершенно гениальное: пилтдаунского человека превозносили как доказательство примата разума и превосходства белой расы; дона Хуана — за его иррациональную, благородную и первобытную дикость, отражавшую свойственное 60-м годам идеалистическое стремление назад, к античной культуре, которое проповедовали диссиденты от цивилизации, при этом спокойно использующие электричество и современные медикаменты;

— каждому на руку играли недостатки восприятия — сэру Артуру Кейту *показалось*, что в черепе пилтдаунского человека он заметил обезьянью челюсть. Точно так же и представители академической науки постоянно не замечали, насколько серьезны противоречия между отдельными книгами о доне Хуане;

— каждый из них пребывал под защитой различных табу из соображений такта: пилтдаунский человек был выше мелких и низких подозрений; испанские полевые заметки Карлоса были в недостижимости для ученых, обращавшихся к членам его комитета, да и для самих членов комитета, которым Кастанеда вечно казался находящимся на грани нервного срыва, слишком хрупким психологически, чтобы спокойно нести ношу необходимости предоставлять доказательства.

В обоих случаях есть и определенные различия. Так, научная ценность открытия в Пилтдауне была высока, ценность же дона Хуана оказалась значительно ниже. Сэр Артур Кейт почти сорок лет не раскрывал тайну Пилтдауна; сколько земли было перерыто в поисках дополнительных фрагментов скелета! Сколько лекций и статей подчеркивали значение пилтдаунского человека! В существование дона Хуана поверили лишь несколько антропологов. Не было организовано ни одной научной экспедиции для его поисков, а благотворительные взносы на исследования оказались весьма незначительными. Разливанное море

писаний вокруг дона Хуана лишь в незначительной степени было научным, в основном сохраняя признаки литературности, философии и оккультиности.

Пилтдаун принес больше вреда, чем пользы, послужив предупреждением против дальнейших попыток мошенничества. С другой стороны, даже в сфере науки дон Хуан может принести больше добра, чем вреда, став воплощением и вдохновителем недостижимого идеала исследований в полевых условиях, раскрыв широко распространенное противоречие между реальной и воображаемой ценностью, раскрыв для дилетантов и профессионалов разницу между теми антропологами, которые, по словам Колина Турнбулла, «видят в антропологии прежде всего гуманизм, и теми, кто считает ее преимущественно наукой».

Ученики глобальной школы обмана, начиная с Маккиавелли и заканчивая Сисселей Бок, постоянно исследовали возможность применения лжи, ее стоимость и возможные дивиденды. Кертис Д. Мак-Дугалл в своей увлекательной и поучительной книге «Мошенничество» описывает целый набор вариантов использования лжи с предполагаемыми социальными результатами и на первый взгляд приемлемой ценой — такие, как продвижение на рынок вполне достойных продуктов, неправильное поведение и исследование скепсиса на уровне общественного мнения (при котором обнаруживается его явный недостаток). Скрипач Фриц Крайслер часто исполнял неизвестные произведения ранних композиторов, обнаруженные им во время всемирных турне. Естественно, публика тепло воспринимала работы мастера, давая им высокую оценку. Лишь через тридцать лет Крайслер признался, что все эти произведения написал он сам. Издатель вестчестерской «Ньюс» решил украсть рассказ из газеты Кеннета «Эдвертайзер», но попался на горячем, не удосужившись прочесть наоборот странные имена индейского вождя Закссарт Отэл Аркуя и его знаменитого предка Йедол Хигурд Ызакссару Дарк. Журналист К. Луис Мортенсен приписывал некоему Лестеру Грину весьма странные привычки: однажды осенью Лестер залил водой луг, чтобы к лету у него поспел хороший урожай льда. Собирая лед в феврале, он обнаружил в ледяной глыбе замерзшую кладку куриных яиц. Во время оттепели яйца оттаяли и из них вылупились восемь цы-

плат, покрытых отличным густым мехом. Когда один канадский фермер написал Мортенсену письмо с пожеланием купить парочку таких цыплят для разведения в условиях Арктики, журналисту пришлось ответить ему, что в летнюю жару все цыплята, к сожалению, погибли от чрезмерного потовыделения.

Менее благоприятное сочетание цены и себестоимости встречается при обмане в сфере науки (это явление далеко не столь редкое, как можно было бы думать). Подгоняя свои вычисления, Ньютон нередко использовал цифры, взятые с потолка; коэффициент умственного развития у Сайрила Берта периодически подправлялся, чтобы совпадать с кривой нормального человека; в Институте парапсихологии пытались доказать, что грызуны обладают экстрасенсорными способностями; участки кожи, якобы пересаженные в Центре проблем онкологии Слоана-Кеттеринга, на поверку оказались лишь пятнами краски.

Причин для научного мошенничества много: этим занимаются не только стремясь к богатству или удовлетворению профессиональных амбиций, но и тогда, когда исследователь буквально сходит с ума, видя, что полученные данные упорно не соответствуют расчетным, тем самым перекрывая дорогу к желанной истине, призрак которой маячит где-то за экспериментом. Иногда такая упрямая вера оправдывается, и обманщика прощают; в других случаях все усилия оказываются напрасными, и за ложь приходится расплачиваться. Даже в науке случаи мошенничества с невысокой стоимостью и определенными положительными результатами, как правило, называются более безобидно — обман. В особенности это справедливо тогда, когда обнаружение мошенничества не представляет особого труда. Хороший пример этому — дон Хуан.

Одной из характеристик мошенничества во благо является его раскрытие самим автором, как только цель мошенничества достигнута. Подобный путь оказался неприемлемым для Кастанеды (даже после того, как он получил степень доктора философии и обрел финансовую независимость), поскольку в этом случае дидактическая ценность книг о доне Хуане после признания их художественным вымыслом практически пропала бы. С другой стороны, после написания «Учения дона Хуана» Кас-

танеда практически ничего не предпринимал для сокрытия от скептического глаза вымышленного характера своих произведений. Его вторая книга подкупила большинство простых читателей. Поскольку книги о доне Хуане требуют столь сильной доверчивости читателя и содержат так много внутренних доказательств того, что они состряпаны, их вряд ли можно расценивать как серьезный обман, который принесет много вреда. Думаю, что вполне логично было бы назвать их потрясающе успешным, несколько положительным и самоизобличающим мошенничеством.

Одним из действительно добрых дел дона Хуана оказалась демонстрация того, что в большом академическом учреждении есть некоторое количество скептически настроенных членов, которые в мгновение ока распознают и отвергнут неправдоподобный научный отчет, а также большинство, которое готово воспринять и последовательно защищать подобную работу, называя ее подлинной и законной. В моем понимании, подобная демонстрация уже сама по себе склоняет весы научной стоимости и положительного эффекта в пользу книг о доне Хуане.

Следующее открытие заключается в том, что некоторые не заинтересованные прямо ученые оказались несклонны назвать вещи своими именами — очевидно, по причине внутренней боязни мошенничества. Антрополог Юджин Н. Андерсон-младший писал:

«Де Милль обнаружил много несовпадений, которые доказывают *либо* то, что Кастанеда оказался блистательным обманщиком, *либо* что он — всего лишь невероятно безответственный этнограф из научного подразделения, в котором отсутствует организация. Думаю, что если бы он действительно был искусным мошенником, он бы догадался лучше замести следы. Более того: те из нас, кто имел возможность встретиться и поговорить с Кастанедой (к сожалению вынужден это констатировать) более склоняются к второму варианту. Наивность повествования в его книгах весьма очевидно не является искусственной... Может быть, [Кастанеда] действительно более умный и изобретательный мошенник, чем фон Денникен, — но он вполне может быть таким, каковым сам себя считает: несчастным этног-

рафом, который получил достоверные данные, но не смог умно распорядиться ими».

Подозреваю, что странная дихотомия Андерсона родилась из нежелания выносить мусор из избы, признав мошенничество коллеги. Вряд ли можно надеяться, что одни и те же доказательства помогут определить в Кастанеде либо великого мошенника, либо безответственного ученого, не способного правильно трактовать полученные данные. Более того: его творения подчеркнута осторожны, взвешены и аккуратны; их никак нельзя назвать бездумными, безответственными и плохо составленными. Те «многие несовпадения», которые теперь признал Андерсон, в свое время оказались достаточно незначительными, чтобы о них молчали целых восемь лет. Купившись на наживку, брошенную «Наивным Карлосом» (хитрец Кастанеда обычно сам использует это прозвище), Андерсон сделал рискованное предположение о том, что ни один серьезный мошенник не захочет быть пойманным. Если это так, то какое удовольствие получит этот мошенник, если он будет обманывать людей, но они никогда не узнают о том, что обмануты? Откуда возьмется радость, если никто не узнает, насколько вы умны? После успеха своей первой книги Кастанеда принялся плодить следующие, помещая в каждую все больше и больше намеков, ведущих к разгадке.

Отношение, которое Андерсон хотел бы нам навязать по поводу обманов антропологии, возникает из его же фразы о том, что Кастанеда, возможно, мог оказаться не несведущим антропологом, а «лишь более умным и изобретательным мошенником, чем фон Денникен». Подобное утверждение резко уменьшает значение обмана в науке. Кроме того, прослыть более изобретательным, чем фон Денникен — комплимент не из лучших, поскольку собственно фон Денникен распространяет совершенную и откровенную чепуху. Следующий странный вывод, который делает Андерсон, заключается в том, что блестящее мошенничество (не являющееся привычным нигде) является лишь «простой» альтернативой к весьма часто встречающимся в академических условиях случаям ученой или технической некомпетентности.

Подобная аргументация отражает уже привычную тенденцию, при которой случаи обмана и мошенничества после их обнаружения никем не воспринимаются всерьез. Как отмечает Ленгэм, историки пытались спрятать от греха подальше случай с пилтдаунским человеком; однако поступать таким образом — «значит игнорировать то, что, несомненно, являлось основным направлением британской физической антропологии в течение нескольких десятилетий». Кто-нибудь совершенно аналогичным образом может трактовать обман с появлением дона Хуана как попытку заработать деньги, или следствие административной неразберихи. Однако считать, что это не имеет ничего общего с основным руслом развития антропологии — значит упускать возможность извлечь весьма ценные уроки. Обратившись лицом к последствиям обмана и мошенничества, к результату их восприятия людьми, которые должны были бы в этом разбираться, к попыткам забыть мошенничество после его раскрытия, мы можем узнать многое о развитии науки, природе весьма заумных верований, о поразительных трудностях на пути к консенсусу, возникающих при попытке провести цивилизованный диалог между интеллигентными, хорошо зарекомендовавшими себя профессионалами (которые в то же время страстно обсуждают различные теории о строении мира и разные предложения о моральном кодексе ученого, занимающегося настоящей наукой).

13

Ричард де Милль Сонорагейт*, или Сказки о Глупости

В июне 1969 года один выдающийся этнограф поместил рецензию на книгу «Учение дона Хуана» в журнале «Американ Антрополоджист». В частности, он написал, что эта книга — «Отличное произведение», которое «должно прочно занять свое место среди книг о галлюциногенных препаратах и поведении антропологов в полевых условиях». Рецензент счел отчеты Кастанеды более приемлемыми, чем работы Олдоса Хаксли, поскольку «первые, вне всякого сомнения, были менее искажены литературной обработкой». Будучи ведущим специалистом в вопросах культуры индейцев яки, этнограф отверг подзаголовки книги «Путь знания индейцев яки», высказав подозрение, что эту неудачную фразу к титулу самолично добавил издатель, без согласия автора.

Десять лет спустя в том же журнале появилась обзорная рецензия на книгу «Второе кольцо силы»; на этот раз ее автором был человек, не являющийся антропологом. Он окрестил книги

---

* Сегодня неологизмы, оканчивающиеся на *гейт*, стали весьма популярным обозначением крупного скандала, имеющего общественный резонанс. Образовательно восходит к политическому скандалу, связанному с незаконным прослушиванием разговоров кандидатов в президенты в отеле «Уотергейт» в столице США. —Прим. перев.

о доне Хуане «второразрядным обманом» и «анналами шаманства», которые, по его словам

«превращают в восхитительную мелодраму теоретические и методологические противоречия, глубоко поразившие социальные науки. При всей своей хитрости и игривости Кастанеда знает об аллегоризации этнометодологии столько же, сколько настоящие исследователи, работающие в полевых условиях, знают о генеалогическом древе или наблюдении за участниками. Должно быть, у его комитета по защите были весьма веские (или даже необычные) причины, чтобы принять «Путешествие в Икстлан» под другим названием в качестве диссертации по антропологии. И даже если так, они избавили бы всех нас от изрядного смущения, объявив об обоснованности этих причин».

Далее рецензент предсказал, что «Второе кольцо силы» станет «последней книгой о Хуане, замеченной антропологами».

Несмотря на то что дон Хуан десять лет шел рискованным путем от фактов к вымыслу, конечная цель этого пути была предопределена заранее. В тот самый месяц, когда Эдвард Спайсер в своей рецензии предпочел удостоверенные университетом заметки Кастанеды не внушающим доверия литературным описаниям Хаксли, еще один известный этнограф Эдмунд Лич заявил: «"Учение" безусловно не выглядит «столь совершенной чепухой», как книга Лобсанга Рампы "Третий глаз"». К этому Лич добавил, что произведение Кастанеды все же «должно быть скорее произведением искусства, а не научным трудом» и что с этой точки зрения книга «действительно очень хороша», хотя и не достигает уровня «Моби Дика»...

Столь противоречивые курсы, хладнокровно избранные двумя незаинтересованными авторитетами в антропологии, через девять лет пересеклись в Лос-Анжелесе, где собрались взволнованные представители инакомыслия. Пока же ученые свободно двигались избранным путем, не предвидя никаких столкновений. Наиболее последовательным покровителем Кастанеды был Уолтер Голдшмидт, который в своем хвалебном «предисловии» к «Учению дона Хуана» рекомендовал сей труд ученым и простым читателям как достоверный отчет и «этнографичес-

кое произведение». Спайсер знал, что «Учение» не было этнографическим трудом, поскольку дон Хуан существовал лишь «в культурном понимании»; тем не менее он согласился считать это достоверным отчетом. Мэри Дуглас подвергла сомнению достоверность изложенных Кастанедой фактов, но к октябрю 1976 года восемнадцать антропологов публично назвали книги о доне Хуане (по крайней мере, некоторые из них) настоящими отчетами.

С другой стороны, одним из первых усомнился в их истинности этноботаник Гордон Уоссон: он «почуял подвох» в «Учении дона Хуана», охарактеризовал «Отдельную реальность» как «научную фантастику», а «Путешествие в Икстлан» счел «произведением романтического содержания». Коллега Спайсера Кейт Бассо нашла дона Хуана «не заслуживающим полного доверия»; она же сообщила, что эти книги «ошибочно относить к этнографии». Хесус Очоа из Мексики сообщил журналу «Тайм», что в книгах «изрядный процент воображения», тогда как Франсис Сю с Северо-Запада поставил эти опусы вровень с «Путешествиями Гулливера». Мы уже писали о том, что Уэстон ла Барр назвал их «псевдоэтнографией».

«Путешествие Кастанеды», опубликованное в октябре 1976 года, назвало книги о доне Хуане не только художественной литературой, но и произведениями, частично построенными на весьма цветистом литературном вымысле (что соответствует мнению Спайсера об «Учении дона Хуана»). Те читатели, которые отнеслись к Кастанеде с недоверием, с удовольствием восприняли «Путешествие Кастанеды», сообщив, что книга доказывает обман, скрытый в произведениях о доне Хуане. Те же, кто восприняли дона Хуана за чистую монету, нашли повод критиковать «Путешествие Кастанеды», объявив, что аргументы в книге слабы либо зависят от многих обстоятельств. Я не совсем уверен в том, что могло бы стать сильным, не зависящим от обстоятельств доказательством; тем не менее я подозреваю, что здесь было бы уместно признание Кастанеды, а может, и самого дона Хуана.

Нашелся один читатель, позволивший изменить собственное мнение: им оказался антрополог Джозеф К. Лонг, который ранее критиковал Кастанеду за научные просчеты, но потом

дошел до такой крайности, как признание дона Хуана. Будучи специалистом в антропологии психических событий, он поразился цветистому предсказанию Карлоса по поводу кражи книг, а также «необычайно мощным телепатическим способностям» дона Хуана. В используемой доном Хуаном «походке силы» он распознал тибетский бег в состоянии транса. В своем опубликованном эссе, а также на организованном им в 1974 году симпозиуме по парапсихологии и антропологии он объявил, что заслуга Кастанеды заключается в стимулировании серьезного восприятия антропологами паранормальных явлений. Серьезное отношение к паранормальным феноменам — далеко не лучший способ сделать себе карьеру в антропологии, так что Лонг рисковал своим будущим. Когда же «Путешествие Кастанеды» убедило его в том, что книги о доне Хуане — всего-навсего обман, он почувствовал, что Кастанеда предал его. Он не испытывал облегчения даже после написанной мной рецензии на его статью «Экстрасенсорная экология», в которой я писал, что его многочисленные и уважительные цитирования химерных записок Карлоса воспринимаются с комическим облегчением. Тем не менее Лонг остается человеком принципа, он всегда стремится к определенной цели, отвлечь от которой его могут лишь рогатки и камни преткновения.

«В отличие от де Милля, — писал Марчелло Труцци, — которого, по-моему, умиляет происходящее, я некоторое время назад почувствовал возмущение от первоначальной реакции социально-научного сообщества на книги Кастанеды; меня до сих пор возмущает отсутствие у них серьезной реакции даже на то, что они явно оказались в дураках». Лонг разделил возмущение Труцци, почувствовав необходимость критически разобрать творения Кастанеды на ежегодном съезде антропологов. В феврале 1978 года он начал строить планы и писать письма в Американскую антропологическую ассоциацию (ААА).

Долгий и впечатляющий обмен посланиями вскоре не оставил ни малейшего сомнения в том, что наиболее представительные и здравомыслящие руководители ААА намерены умыть руки. Создавалось впечатление, будто официальная позиция Ассоциации заключается в том, что (открытая) дискуссия на такую (деликатную) тему не является научным подходом и,

следовательно, не может быть включена в повестку дня съезда, хотя в то же время нельзя отрицать, что поднятый вопрос влечет за собой научные последствия, и стало быть, его нельзя отнести к сугубо ненаучным. В отчаянии Лонг предложил вынести вопрос за рамки деловых встреч съезда. Тянулись недели, но ответа от ААА все не было. Инициатор открытого рассмотрения начал волноваться, что заработал себе врагов наверху, не получив никакой поддержки среди рядовых членов. В ночных кошмарах Лонгу мерещился теперешний президент ААА Уолтер Голдшмидт, который величественно парил, осуждающе покачивая головой патриарха. Наконец без какого бы то ни было предупреждения была назначена специальная сессия.

В процессе кулуарного маневрирования Лонг представил на рассмотрение несколько предложений под различными названиями. Для специальной сессии выбрали одно из них; оно называлось «Обман и этика публикации» и было призвано осветить вопросы, связанные с доном Хуаном, факультетскими профессорами Кастанеды, а также издательством Калифорнийского университета (не упоминая все никаких имен). Безусловно, на сессию пригласили буквально всех. Письменные приглашения были дважды отосланы Кастанеде в Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе, а также человеку, исполнявшему роль его литературного агента в Беверли Хиллз. Приглашения получили и члены комитета, перед которым Кастанеда защищал свою докторскую диссертацию, а также университетское издательство — причем оно оказалось единственным, кто принял это приглашение. От лица Кастанеды на специальной сессии согласились выступить несколько «полномочных представителей»; члены комитета по защите не прибыли сами и не прислали никого взамен.

По плану сессия должна была проходить с половины шестого до семи часов вечера в среду, 15 ноября, в зале «Вест Редженси Болрум», в отеле «Хайетт Редженси»; ее расписание включало «дискуссию по вопросам изданий, выпущенных в качестве нехудожественной литературы, но впоследствии обвиненных в мошенничестве и соответствующих этических проблемах». К моменту окончания сессии зал был битком набит людьми, которые, подобно председательствующему, стояли в проходах и у

задних рядов. Когда я вошел в зал, молодой человек приятной наружности устанавливал профессиональную записывающую аппаратуру. На мой вопрос он ответил, что каждый участник по окончании сессии получит ее запись. Такое было приятно слышать: ведь в отличие от Карлоса у меня были определенные сложности с тем, чтобы записать каждое слово из оживленной дискуссии, так что мысленно я отметил себе похвалить Лонга за столь тщательную подготовку.

Во вступительной речи Лонг сообщил, что сессия продиктована его собственным ужасом от одной мысли, что несколько лет кряду он воспринимал личность дона Хуана всерьез. Высказав сожаление по поводу того, что большинство из предполагаемых основных докладчиков не признали факт приглашения, Лонг высказал слабую надежду на то, что кто-нибудь из них, может быть, осмелится явиться хотя бы с опозданием. Затем он представил собравшимся меня. Я говорил коротко и осторожно, не сводя глаз с магнитофона. Издательство Калифорнийского университета, сказал я, опубликовало книгу «Учение дона Хуана» под видом настоящего отчета и научного труда. Однако впоследствии известный антрополог в своей рецензии подверг сомнению достоверность публикации. Далее: комитет по защите докторских диссертаций Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе принял в качестве диссертации от того же автора книгу, уже опубликованную под другим названием и логически противоречащую «Учениям дона Хуана». Я указал на невозможность того, чтобы и опубликованная университетским издательством книга, и принятая университетом диссертация являлись достоверными отчетами о проделанной работе. Противоречия между двумя публикациями так и не были разрешены, и это подняло вопрос о их достоверности, а также действительной принадлежности. Сообщив, что мне выпала честь детально изложить суть вопроса перед авторитетным собранием ученых-антропологов, я завершил свое выступление, высказав надежду, что эта сессия наконец принесет ответы на вопросы, до сих пор волнующие многих.

Следующим докладчиком был Агехананда Бхарати, который прочел вариант своей статьи, опубликованной в настоящей книге. В целом его выступление свелось к тому, что мистицизм

дона Хуана оказался лишь эклектической подделкой, пестрой смесью литературщины. Заканчивая выступление, Бхарати высказался в том духе, что мистицизм американских индейцев не идет ни в какое сравнение с мистицизмом Индо-Тибетского региона.

К. Скотт Литтлтон из Восточного колледжа заявил, что представители исконного американского мистицизма являются преемниками индийских и тибетских мистиков. Он сказал: Кастанеда начал свой путь в качестве ученого, но в последнее время решил стать колдуном, а это совершенно не противоречит правилу, что учитель должен находиться в голове своего ученика. Веру Литтлтона в изначальную достоверность дона Хуана не поколебали доказательства де Милля, которых, по его словам, явно недостаточно, чтобы заставить старого друга Литтлтона Кастанеду признаться в каком-либо обмане.

Джозеф Лонг сообщил, что в соответствии с открытым характером сессии, он пригласил на нее издателей, выпустивших «Сказки о силе», «Кошмар Эмитивилля. Рассказ очевидца» и «По Его образу и подобию: Клонирование человека». Все нижеперечисленные отвергли приглашения, причем один из издателей, проявив чисто галльское хитроумие, пригрозил подать в суд, если название выпущенной им книги будет упоминаться. Затем Лонг представил аудитории следующего оратора и присутствующие сели ровнее. Филип Лилиенталь, содиректор Издательства Калифорнийского университета, сообщил, что в 1967 году его издательство получило рукопись книги Кастанеды, которая затем была опубликована в следующем году. Академическое научное издательство, сказал выступающий, в своих оценках достоинств будущей публикации должно полагаться на профессионализм консультантов. Что касается «Учения дона Хуана», то все полученные рекомендации оказались положительными. У меня мелькнула мысль, что от этого заявления веет оскорбленным достоинством, но в следующее мгновение я задумался над тем, отчего упомянутое издательство не поинтересовалось мнением того, кто сидел бок-о-бок с Лилиенталем, — человека, который был не только специалистом по индейцам яки, но также членом совета факультета Калифорнийского университета, бывшим учителем Кастанеды. В результате размышлений

я пришел к выводу, что профессиональных консультантов выбирают таким образом, чтобы получаемые от них рекомендации не противоречили планам спонсора.

Человек, сидящий рядом с Лиlientалем, поднялся; это был высокий старик с коротенькой седенькой бородкой и гулким, глубоким голосом. Он сообщил, что вынужден признать свою ошибку. Ральф Л. Билз заключил, что Карлос Кастанеда не был подготовлен академически для защиты своих изысканий в антропологии, что не мешало ему настойчиво добиваться у Билза покровительства для участия в программе исследований. Когда Кастанеда сообщил ему, что встретил шамана из племени яки, Билз вначале изумился, но позже пришел к мысли, что, вероятно, яки вели скрытный образ жизни, так что неудивительно, что ранее никто не слышал о существовании у них шаманов. Постепенно вояжи, совершаемые Кастанедой к индейцам по выходным, начали вызывать у Билза все большее подозрение; наконец он предложил студенту показать ему сделанные отчеты — и с этого момента Кастанеды и след простыл.

Билз решил, что издательство университета проявило легкомыслие, не поинтересовавшись мнением его или Спайсера относительно кастанедовской рукописи. «Кое-кто из моих коллег проявил наивность, — произнес Билз, — не догадавшись настоять на том, чтобы лично увидеть исходные данные, прежде чем присуждать ему степень доктора философии». «Да, ученые советы факультетов допускают ошибки, — признал Билз. — Помнится, как-то в разговоре с коллегой я пожаловался на то, что один человек неоправданно получил степень доктора философии. В ответ собеседник холодно взглянул на меня и произнес: «А вы представляете себе, какая буча поднялась бы, если бы я отказался присудить эту степень?» И я согласился с тем, что не представляю, да и не хочу представлять». Было неясно, говорит ли Билз в данном случае о Кастанеде или о другом кандидате. «Да, мой факультет совершил ошибку, — подытожил он. — Мне очень жаль и я приношу собравшимся свои извинения».

Большинство из выкладок Билза были повторением того, о чем он писал в своих статьях, опубликованных в прошлом году; однако то, что он высказал это на съезде антропологов, где

присутствовали его «наивные» или «легкомысленные» коллеги (по крайней мере, их дух), придало живому слову силу, которой не было в слове печатном. Хотя ранее мне доводилось несколько раз беседовать с Билзом и обмениваться с ним посланиями, я понял, что до сих пор не знаю этого человека. Тем не менее я ощутил, насколько болезненно для него критиковать тех, с кем он работал долгие годы плечо к плечу, — особенно если учесть, что один из его коллег был другом юности. Думаю, что Билз почувствовал необходимость прийти на съезд и сказать все это именно потому, что он понимал: другие могут либо не явиться, либо промолчать. Присутствие там было для Билза неприятной обязанностью, которую он выполнил со всей решимостью. Я также не был уверен в том, что в вопросе с присуждением незаслуженного звания доктора философии Билзу удалось бы избежать возмущения; но я думаю, что он воспринял бы это возмущение с той же решительной смелостью, как и свое выступление на съезде.

Лонг предложил, чтобы диссертации по антропологии, которые будут признаны недействительными, были бы переаттестованы в художественную литературу комитетом, который ранее подтвердил их защиту; информация о переаттестации должна была распространяться среди научной общественности. Затем он представил Стэна Уилка, который поведал о собственном вкладе в выпуск книги Кастанеды и назвал работы последнего необходимым дополнением к научной антропологии, мистическим исследованием в науке, призванным завершить научное изучение мифа.

Лонг предложил аудитории задавать вопросы докладчикам. Одним из первых прозвучал вопрос о том, видел ли кто-нибудь в действительности, как Кастанеда проявляет свои магические силы. Я описал изучение экстрасенсорных возможностей, проведенное антропологом-психологом Калифорнийского университета Дугласом Прайсом-Уильямсом: в процессе эксперимента была определена вероятность влияния Кастанеды на сновидения участников исследования. Я сообщил, что настоящих доказательств его магических способностей не существует, поскольку источником паранормальной активности мог с равным успехом стать сам экспериментатор. Присутствовавший на

съезде Прайс-Уильямс счел мои слова инсинуацией и нечестным представлением фактов, однако на следующий день недоумение было разрешено. Д. Скотт Рого, парапсихолог, попросил слова и объяснил присутствующим, что наиболее вероятными источниками паранормальности могли оказаться те, кто испытывал *сновидения* в процессе эксперимента, а не испытуемый или экспериментатор.

Кто-то поинтересовался, сколько денег мне удалось заработать на очернении имени гения? В ответ я сообщил присутствующим: вы не поверите, но речь идет о многих сотнях долларов. Обычно такие вопросы задают те, кто отвергает возможность критики своего кумира и к тому же ничего не знает о разнице в авторских гонорах, выплачиваемых создателю бестселлера и его научным (литературным) критикам. Поскольку этот вопрос относился к числу весьма популярных, я присел, чтобы подсчитать сравнительную почасовую стоимость трудов моих и Кастанеды. Нед Браун заявил, что тираж «Путешествия в Икстлан», изданный в мягкой обложке, в принципе должен сделать его клиента миллионером. Даже предположив, что литературный агент несколько преувеличивает, а также учитывая период времени, в течение которого книги издаются (и то, что издательство «Саймон энд Шустер» сообщило об уровне продаж книг Кастанеды, равном четырем миллионам долларов), мы можем вполне логично предположить, что за свои труды Кастанеда получил один миллион долларов. Пренебрегая временем, которое он затратил на свои академические исследования, работу водителем такси и прочие занятия, которые были необходимым источником средств к существованию до появления авторских вознаграждений, мы можем назвать писательство основным видом деятельности Кастанеды; давайте также предположим с запасом, что он работал по 2 тысячи часов ежегодно, то есть за 20 лет его писательский стаж составил 40 тысяч часов. При такой калькуляции мы заранее принижаем его почасовые расценки, приняв их за \$25. Я проработал, по крайней мере, два года, что составило около 4 тысяч часов. За это время я написал и занимался рекламой моей книги «Путешествие Кастанеды», за которую мне заплатили 10 тысяч долларов; стало быть, почасовая оценка моей работы составила \$2,5. Те читатели, которые не

являются фанатиками-хуанистами, подобно задавшему вопрос, согласятся с тем, что общественную значимость работ Кастанеды в полной мере можно осознать лишь при условии соответствующей критичности и что любой обеспечивающий эту необходимую критику должен получать за это соответствующую компенсацию. Если же необходимая критика компенсируется в размере одной десятой от расценок Кастанеды и таким образом не доходит даже до минимального уровня заработной платы — значит, это нельзя назвать корыстным паразитированием на спине великого человека, как пытался мне втолковать один из членов комитета по защите диссертации. Что касается меня, то я вполне удовлетворен моим вознаграждением за работу и предполагаю, что и Кастанеда вполне доволен тем, что получает он. Человек, основной интерес которого заключается в том, чтобы заработать деньги, никогда не станет писателем — разве что его явно дезинформируют относительно перспектив этого занятия. Большинство независимых писателей, как хороших, так и плохих, получают до смешного мало. Кастанеда же принадлежит к тонкой прослойке тех, кому повезло. Остальные делают это лишь из любви к своему занятию; делают, поскольку, подобно ему, они буквально одержимы Каллиопой, Полигимнией, Мескалитом или каким-нибудь другим союзником. Как и Кастанеда, они мечтают однажды проснуться в богатстве и славе — впрочем, никак не рассчитывая на это. Большинство людей (не исключая писателей) не знают одной простой вещи, которая заключается в том, что плохие писатели, литераторы от коммерции и всякие литературные проститутки работают так же неистово и тяжело, верят в то, что они делают, наравне с самыми лучшими и талантливыми представителями писательского мира. Разница обнаруживается при чтении произведения, но не при его написании. Кастанеда оказался на своем нынешнем месте благодаря тому, что он с *нессгибаемым намерением* сфокусировал свой более чем скромный писательский талант на модной теме. Он пошел тем же путем, который уже принес успех многим другим писателям. И если бы не его привычка с самого детства рассказывать басни, которым верят, он вполне мог бы стать преуспевающим профессором антропологии, и в этом

случае человек, задавший мне вопрос, вряд ли когда-нибудь услышал о нем.

Тут поднялась женщина; она гневно заявила, что еще никому не пришлось в голову попросить для изучения ее полевые заметки (мой ответ-постскриптум она может прочесть в п. 8 в главе 6). Изумленный такой постановкой вопроса, Марчелло Труцци объявил, что в принципе профессора и не обязаны просить кого-либо представить свои полевые заметки. Затем он обратился к аудитории со страстной просьбой наконец-то вынести сор из избы антропологии. Я могу восстановить его слова по своим записям:

«Меня весьма беспокоит, что результат этой сессии говорит не столько о Кастанеде, сколько об антропологии. То, что я здесь слышу, утверждает меня в моем предположении, что я являюсь свидетелем совершенно невероятной неразберихи среди ученых. Антропологи с готовностью соглашались критиковать таких пришедших извне еретиков, как фон Денникен; когда же доходит дело до еретиков, обитающих внутри (паршивых овец), то здесь мы сталкиваемся с огромным нежеланием говорить. Большинство критики прозвучало не со стороны антропологов [Труцци по профессии социолог], но если слово берут антропологи, они начинают бормотать нечто невразумительное. К примеру, наш председательствующий называет книги Кастанеды плохой парапсихологией. Бхарати считает их дешевым мистицизмом. Меня же интересует конкретный ответ на вопрос, к какой именно области антропологии они принадлежат? Студенты находят книги Кастанеды среди рекомендованной литературы для вступительного ознакомления, считая при этом, что это этнографические труды о типичном шамане. Неужели вы перейдете к определенным действиям лишь тогда, когда обстоятельства не оставят вам путей к отступлению? В науке общепринято, что бремя доказательств лежит на плечах того, кто их требует. Если вы возложите этот груз на научное сообщество, то как вы будете поступать со всеми субъективными и подложными диссертациями — станете утверждать, что они прекрасны и символически правдивы? Что происходит с канонами

науки? Куда подевались в современной антропологии организованный скептицизм, эмпирическая проверка достоверности, логическая последовательность? Или, может быть, вы уже не помните, что такое антропология?»

Последовали аплодисменты. Потом, в ответ на реплику Труцци, выступил Уилк. Он сказал, что шаманам известно ровно столько же, сколько и антропологам. Думаю, что если бы Труцци не сошел с трибуны, он несомненно возразил бы, что каждый знает столько же, сколько любой другой человек, — но не об одном и том же. Шаманы, будь они реальными или вымышленными, могут посещать иной мир, но при этом они не знают антропологии, которую, во всяком случае, должны знать сами антропологи.

Кто-то спросил меня, значит ли сегодняшняя сессия, что с этого года самые лучшие и смелые исследователи будут подвергаться подобной инквизиции в дальнейшем. Я ответил, что, по моему мнению, это — последний раз. Лонг, имевший свои соображения по этому поводу, добавил, что это действительно (и вероятно) последний раз, хотя гораздо важнее, что это одновременно был и *первый* раз, необходимость которого была очевидной уже несколько лет кряду. Затем он спросил собравшихся, есть ли еще вопросы. Один из присутствующих поднялся и сообщил, что собирается сделать заявление. Я не узнал этого человека, но Лонг сказал: «Ради Бога, профессор Голдшмидт! Пожалуйста, подойдите к микрофону» — или что-то в этом духе. В зале наступила полная тишина. Голдшмидт резво посеменил к возвышению, сжимая в руке заранее подготовленное заявление.

Здесь я мысленно вернулся в 1975 год, когда я написал Голдшмидту письмо с просьбой от имени моих читателей дать «обоснованные пояснения относительно самой интригующей литературно-академической загадки десятилетия». Письмо было составлено мной вежливо и справедливо, хотя приятным его назвать было нельзя. В частности, в нем я выразил свое подозрение, что Голдшмидт авторитетно назвал «Учение дона Хуана» достоверным отчетом именно в тот момент, когда у него самого возникли сомнения, действительно ли Кастанеда провел опи-

санную им исследовательскую работу. Мое подозрение основывалось на двух моментах: первый заключался в том, что Голдшмидт, по словам нашего общего с ним знакомого, сообщил лично ему о наличии такого сомнения. Второе соображение касалось весьма странного описания Голдшмидтом «Учения дона Хуана» как «одновременно этнографии и аллегии». В письме я спрашивал профессора, правильно ли передал наш общий друг его слова о сомнении и как можно понимать сочетание в одной книге черт этнографии и аллегии. Я написал также, что его «Предисловие» выглядит шуткой над коллегами и читателями. Я просил профессора прояснить этот вопрос и указать на любые возможные ошибки в моей аргументации.

Голдшмидту мое письмо не понравилось; более того, он нашел его «совершенно неприятным». Вместо ответа мне он написал в Комитет по вопросам научной и профессиональной этики и поведения при Американской Психологической Ассоциации. В своем обращении к Комитету он жаловался, что я-де пытаюсь заниматься «интеллектуальным шантажом», сообщая ему, что если он не ответит на мои вопросы, то я по-своему опишу события в Калифорнийском университете, расценив его молчание как согласие на это. Голдшмидт был безусловно прав в том смысле, что, не получив его ответа, я был бы вынужден двигаться вперед без него, как, впрочем, и в том, что кое-кто мог бы истолковать его молчание как предположение, что сотрудники факультета, связанные с историей Кастанеды, не могут найти разумного ответа на мои обвинения и (может быть) даже находят эти обвинения оправданными. В таком случае самым естественным было бы прямо ответить «обидчику», вместо того чтобы жаловаться некоему пантеону умудренных старцев.

Очевидно, Комитет по вопросам этики не проводил заседаний длительное время, ибо через три месяца я все же получил письмо от Голдшмидта. Он сообщил мне о предпринятых им шагах и высказал предположение, что, судя по отсутствию реакции Комитета, я пока что не допустил ничего неэтичного. Тем не менее профессор предупредил меня, что если я расцениваю его молчание как знак согласия, то лично он и Комитет будут склонны считать это неэтичным поступком. В ответ я сообщил Голдшмидту, что не имею ни малейшего намерения прямо или

косвенно добиваться его одобрения моей собственной теории о деятельности Кастанеды (разве что сам профессор придет к выводу, что мои выкладки правильны); вместе с тем я не находил ничего предосудительного в строках моего первого письма. «Моим единственным намерением, — писал ему я, — является стремление дать первое подходящее объяснение столь выдающейся и всеобъемлющей аномалии в мире академической науки». Далее я указал, что решение Голдшмидта не отвечать на мое письмо не должно, да и не может отвлечь меня от моей задачи, заключающейся в том, чтобы оправдать социальные науки с сугубо потребительской точки зрения. В этом смысле, писал я, термин «шантаж» вряд ли можно считать удачным, поскольку это значило бы, что я угрожаю профессору обнародовать порочащую его личную информацию, если он откажется со мной сотрудничать. У меня не было и не могло быть никаких порочащих сведений частного характера о Голдшмидте, к каковым нельзя было причислить даже его письмо, пришедшее с запозданием. Возможно, писал я далее, профессор подразумевал вымогательство или угрозу неприятных и неэтичных действий при отказе жертвы выполнить поставленные условия. И в этом случае название не подходило, ибо то, что я собирался сделать, каким бы неприятным ни казалось это профессору, было совершенно этичным и не менее необходимым. Я собирался выполнить намеченное независимо от того, получу я объяснения профессора или нет. В заключение я объяснил, что мое предложение Голдшмидту поместить свои объяснения в моей книге является не более чем проявлением вежливости, которое можно лишь оценить, но не осудить.

Ответа я так и не получил. За три месяца до неожиданного появления Голдшмидта в зале, где проходила специальная сессия, я написал ему письмо в примирительном тоне, подытожив наш не слишком сердечный прошлый опыт переписки; я объяснил профессору, что практика журналистского расследования предусматривает тактическую необходимость слегка погладить против шерсти; я объяснил, что не имею никакой личной неприязни к нему, и предложил ему по обоюдному согласию перейти на более высокий уровень профессионального сотрудничества. Я сообщил, что более не подозреваю профессора в

нечестной игре, так как теперь считаю, что он просто неправильно воспринял «Учение дона Хуана». Кроме того, я высказал свою уверенность в том, что независимо от степени привлекательности кастанедовского труда, кто-то должен был взять ответственность за обычный, естественный скептический разбор — причем наиболее очевидным кандидатом на эту роль мне представлялся Голдшмидт, который был не только деканом факультета, но и авторитетным антропологом в Комитете по публикациям. Я также потребовал, чтобы профессор приехал на съезд и просто согласился с тем, что ошибся, признав книгу достоверным отчетом. Я написал, что подобное признание немедленно вызвало бы благодарность и восхищение коллег и положило бы конец бесконечным слухам и обвинениям. Теперь, на сессии, сидя совсем недалеко от Голдшмидта и слушая его обращение к собранию сторонников и противников Кастанеды, я с нетерпением ждал ответа профессора на мои вопросы.

Голдшмидт сообщил, что будет говорить не от имени университета или факультета антропологии, но только от имени отдельных представителей факультета, связанных с деятельностью Кастанеды. Из речи стало ясно, что этими людьми являются сам Голдшмидт и шесть преподавателей, входивших в состав Комитета по защите диссертации Кастанеды, причем в этот список входили лишь те члены комитета, которые продолжали благосклонно считать деятельность Кастанеды оправданной. Для краткости я буду называть эту группу покровителями Кастанеды.

Начало заявления было выдержано в юмористическом духе: профессор вспомнил, как поклонники Кастанеды наводнили факультет требованиями предоставить технологию и ноу-хау магического искусства, а также продемонстрировать его на практике. Затем Голдшмидт обратил внимание на то, что после прозвучали многие потенциально вредные заявления, обвинения в подлоге и обмане. Эти и другие обвинения, сказал Голдшмидт, не делались публично, в основном потому, что без надлежащих доказательств они звучали голословно. Я с испугом услышал слова об обвинениях, брошенных втуне, меня смутило, кто же осмелился на такое, так сказать, за моей спиной. За прошедшие десять лет прозвучало немало и публичных пре-

тензий, перечень которых послужил основой для защиты покровителей; эту защиту проводил Голдшмидт. В основном она свелась к утомительным перечислениям исторических фактов, подтверждающих самые безобидные черты научной карьеры Кастанеды. Сюда же оказались подмешаны и явно посторонние комментарии. Ральф Билз в своем выступлении сказал, что кандидатская подготовка Кастанеды была недостаточной, а его курсовые работы представляли жалкое зрелище. На этот аргумент покровители ответили, что кандидата допустили к занятиям в аспирантуре на основе экзаменов, что для ликвидации пробелов в знаниях он посещал дополнительные курсы обучения, что его курсовые работы были вполне удовлетворительны и, наконец, что он прошел всеобъемлющее тестирование перед защитой своей докторской диссертации. Я невольно восхитился столь аргументированному и резкому ответу.

Юджин Андерсон заявил: «Крайне мало факультетов антропологии согласились бы принять «Путешествие в Икстлан» в качестве кандидатской диссертации, и я сомневаюсь, чтобы этот номер сегодня прошел даже в Калифорнийском университете». Далее «в порядке благотворительности» Андерсон сообщил, что проблемы факультета антропологии Калифорнийского университета во многом исчезли «при появлении лучшего руководства факультета». На это покровители возразили, что Комитет единогласно одобрил диссертацию Кастанеды (хотя в состав Комитета входили трое антропологов, причем лишь двое из них работали на факультете антропологии).

Спайсер говорил, что «Учение дона Хуана» не содержит социального контекста, индейских терминов, а также специальных названий для важных концепций, составлявших основу учения дона Хуана. В свое время я интересовался, где находятся действительные полевые заметки Карлоса, с фотографиями, магнитными пленками и образцами собранных растений. Голдшмидт приподнял завесу таинственности, сообщив, что в самом начале своих исследований, когда Кастанеда изучал шаманизм под руководством археолога Клемента Мейгана, он начал коллекционировать... плетеные корзинки, «настолько оригинальные, что они могли быть сделаны только индейцами, так как в обычных магазинах такого не купишь». Предполагалось, что эти

заочно описанные корзинки соединяли Кастанеду с индейцами, поднимая его выше уровня обычного среднего человека; но поскольку в книгах о доне Хуане нет ни единого упоминания о каких-либо корзинах, это вряд ли можно считать достаточным доказательством. Даже наоборот, это скорее играло на руку противникам Кастанеды, ибо несколько ничего не значащих корзинок неизвестного происхождения вряд ли могут служить доказательством десятилетних исследований. Думается, что покровители, безусловно, нашли бы более подходящее доказательство, если бы смогли его обнаружить. Если же единственным доказательством являются корзины, тогда почему же они ни разу не задались вопросом о достоверности происходящего? С другой стороны: если произвольный набор очевидно недостаточных доказательств считается достойным упоминания, тогда почему недостойно упоминать о полном отсутствии необходимых и достаточных доказательств? Честное слово, покровители поступили бы мудрее, не упоминая эти корзины все.

Голдшмидт далее сообщил, что в 1962 году факультет выдал Кастанеде небольшой денежный грант, чтобы поддержать его полевые исследования с индейским «врачевателем». Я обратил внимание на это сообщение по двум причинам: наименее существенным было то, что в свое время Кастанеда сообщил Брюсу Куку: «В моих исследованиях мне никто не помогал. Я не получал никаких вознаграждений». Более важным является то, что дон Хуан нигде не был описан в роле врачевателя; в книгах о нем знахари вообще не упоминаются. Несомненно, что покровители крайне неточно представляли себе, чем занимается их протеже, выдавая ему незначительную сумму, о которой он впоследствии даже не вспомнил.

Корреспондентке журнала «Тайм» Сандре Бертон Кастанеда некогда сказал, что при подготовке диссертации его научным руководителем был Гарольд Гарфинкель, по поводу чего Арнольд Минделл сделал некоторые обрывочные выводы (так же, как это было сделано и в книге «Путешествие Кастанеды»). Мэри Дуглас считала, что профессора, работавшие с Кастанедой, привнесли в «Учение дона Хуана» этнометодологический анализ. Голдшмидт заявил, что в исследовательской работе Кастанеды участвовали несколько преподавателей факультета, самой зна-

чительной фигурой из которых был Клемент Мейган. Мне было трудно понять: каким образом археологу удалось подвинуть Кастанеду на опус, для описания этнометодологического значения которого мне пришлось подготовить целую главу, а Дэвиду Сильвермэну — даже написать полноценную книгу? Правда, не исключено, что Мейган обладал тайными феноменологическими способностями.

Двое коллег Голдшмидта по факультету антропологии в свое время опубликовали статьи в журнале «Америкэн Антрополоджист», указывая в них на научные недостатки полевых заметок Кастанеды. Жак Маке обвинял Кастанеду в «пренебрежении методологией», а Ральф Билз утверждал, что диссертант нарушил принципы составления научного отчета. На это Голдшмидт сообщил, что работа Кастанеды безусловно оригинальна и написана в традициях феноменологии аномальных явлений, где личные впечатления человека оказываются вполне достаточными для доказательного изучения. Меня заинтересовало: следует ли это понимать как то, что феноменология аномальных явлений допускает появления отчетов, полностью взятых с потолка? Как-то Клемент Мейган сказал Дону Стрэчену: «Многих оскорбляет, что он [Кастанеда] пишет о том, что будто бы можно на самом деле превратиться в лягушку и скакать по болоту». Возможно, что так и есть; но больше всего научных критиков Кастанеды поражает то, что он сообщает о встрече со старым индейцем на автобусной остановке или о десяти годах исследований в полевых условиях так, как будто это действительно происходило. Я написал Мейгану, спрашивая его, должен ли Комитет по научным исследованиям в антропологии принимать *полностью* выдуманный отчет? Другими словами: можно ли считать собственные мечтания достоверной информацией? Является ли фантазия отчетом о полевых исследованиях? Мейган ничего не ответил мне на это.

Эмпирическая проверка достоверности и логическая последовательность были названы наиболее общими нормами научного познания. Говоря по простому, это означает, что человек должен проверить возникшую теорию собственными наблюдениями, а затем другой человек должен произвести наблюдения на основе проведенных ранее — так, чтобы выводы о

теории и результатах наблюдения совпадали. В антропологии периодически возникают проблемы с эмпирическим удостоверением результатов, поскольку далеко не всегда возможно повторить исследования в полевых условиях; это обстоятельство лишь повышает значимость внутренней последовательности полевых наблюдений при их оценке. Наиболее эффективной научной критикой книг о доне Хуане стал сравнительный анализ внутренних противоречий в этих книгах, помещенный в «Путешествии Кастанеды». К ноябрю 1978 года это стало известно многим антропологам, которые прочли статью в «Америкэн Антрополоджист». Сей факт не скрылся от внимания покровителей, некоторые из них в частных беседах возмущались статьей. И тем не менее Голдшмидт заявил: «Мы не располагаем информацией, которая подтверждала бы выдвинутые обвинения [в обмане и подлоге]». Доказательства и аргументы, названные одним рецензентом-антропологом «самой серьезной на сегодняшний момент критикой из уст представителя общественных наук» были просто отмечены. Покровители не собирались признавать доказательства такого рода, но при этом оставалось неясным, какие именно доказательства они готовы будут признать.

Джозеф Лонг однажды написал, что если бы не доверие, высказанное Голдшмидтом в предисловии к «Учению дона Хуана», писания Кастанеды навсегда остались бы не более чем психоделическим бредом. Этим летом журналист Пол Прейс взял у Голдшмидта интервью, из которого стало ясно, что в свое время Голдшмидт был просто «очарован» рукописью Кастанеды и поэтому представил ее другим членам Комитета по публикациям, зачитал им раздел о четырех врагах человека знания, «по собственному желанию» написал «Предисловие», «чтобы представить Кастанеду как человека, достойного стать аспирантом-соискателем степени в Калифорнийском университете». Голдшмидт напомнил аудитории, что четверо его коллег написали письма-рецензии на книгу «Учение дона Хуана». «Получив эти одинаково положительные отзывы, — сказал Голдшмидт, — и прочтя саму рукопись, я рекомендовал ее публикацию. Комитет по публикациям одобрил это решение с условием, что будет подготовлено соответствующее предисловие, в

котором будут указаны достоинства автора, позволяющие ему быть аспирантом антропологии. Я написал такое предисловие к книге «Учение дона Хуана». И я нисколько не считаю себя виноватым!»

Наконец-то я услышал ответ на свой вопрос. Не было никакой ошибки в том, что «Учение» было опубликовано под видом достоверного отчета как научный труд «по этнографии» и подзаголовок — «Путь знания индейцев яки» — был правильным. Логические несоответствия между «Учением дона Хуана» и «Путешествием в Икстлан» не имели никакого значения. Критика со стороны Маке, Билза и других ученых оказалась даже недостойной упоминания. Билз извинился перед присутствующими от имени факультета; покровители не сочли нужным извиниться от себя лично, признать хотя бы отчасти свои ошибки (или возможность таковых) и не собирались обсуждать вопросы как научной ценности, так и достоверности изложенного.

«Мы не считаем настоящее место и время подходящими для оценки работ Карлоса Кастанеды, — заявили они. — Мы не можем ни подтвердить наличие обмана, ни отрицать это».

Именно этот вопрос и волновал аудиторию: являются ли работы Кастанеды обманом или нет? То, что покровители не признались бы в обмане, не удивляло никого; но их отказ отрицать наличие обмана поразил буквально каждого. Голдшмидт вернулся на свое место.

К микрофону подошел Лонг. Он поблагодарил оратора и сказал, что «удовлетворен» услышанным. Тогда я не мог понять причину его удовлетворения: ведь покровители отказались обсуждать именно те вопросы, ради которых и была созвана эта сессия. Теперь же я понимаю, что его «удовлетворение» объяснялось чувством облегчения от того, что в конце зачитанного заявления крыша зала не обрушилась на присутствующих. Тут поднялся Бхарати, собираясь высказать свое несогласие с отдельными заявлениями; но Голдшмидт тут же вернулся к микрофону и высказал надежду, что книги Кастанеды Бхарати читал более внимательно, чем слушал заявления. Биофизик Ален Ансеви, не поднимаясь с места, отметил отсутствие ясности в заявлении покровителей и сказал, что профессия антрополога

включает в себя обязанность служить людям, в частности отвечая на те вопросы, которые покровители сочли для себя неприемлемыми.

Единственный вопрос, на который *был* получен ответ, относился к тому, действительно ли «Путешествие в Икстлан» было издано коммерческим тиражом прежде, чем появиться под другим названием в качестве диссертации. Вначале Голдшмидт сказал, что это неправда; позже он заявил, что, насколько он помнит, этого не было. Наконец он сообщил, что это «совершенно несущественный вопрос» (заметим, что «Путешествие в Икстлан» было издано как книга 23 октября 1972 г.; Кастанеда защитил ее под видом диссертации с названием «Магия» в январе 1973 г.). «Насколько я понимаю, — сказал Голдшмидт, — университету принадлежит безусловное право считать уже опубликованную работу пригодной к защите докторской диссертации». Большинство ученых, пожалуй, согласятся с этим. Меня же интересовал вопрос: если вы собираетесь присуждать докторскую степень за «уже опубликованную научную работу», то к чему изменять ее название, стремясь представить ее как нечто совершенно иное?

Сессия близилась к завершению. Люди начали потихоньку подниматься со своих мест. Молодой человек, записывающий ход обсуждения на магнитофон, подошел ко мне и спросил, как правильно пишется мое имя. Затем он узнал то же самое об именах Кастанеды, Голдшмидта и других выступавших. Мой почтовый адрес он так и не спросил.

На следующий день в рамках научной программы съезда прошел симпозиум под названием «До эры Карлоса К.: Практическая антропология и измененные состояния». Ни в одном из опубликованных материалов симпозиума имя Кастанеды не упоминалось, хотя большинство его участников делали это. Джоан Косс сказала, что книги Кастанеды дали антропологам возможность открыто заявить об измененных состояниях своего сознания, о чем они ранее умалчивали, опасаясь непонимания и нежелательного влияния на свою карьеру. Лола Романуччи-Росс сообщила, что рассматривает дону Хуана в качестве практического задания для студента-аспиранта, такой метафорой в духе Гарфина-Келлинга, а не проводника на пути знания

(действительном или воображаемом). Уоррен д'Асеведо вспоминал, как в начале своих исследований наделял своих первых информаторов по шаманизму такими же фантастическими и героическими чертами, какие присутствуют у дона Хуана; в то время он, подобно Кастанеде, сознательно играл роль смиренного искателя истины. Филип Стэнифорд отдал должное Кастанеде за то, что тот привнес в нашу цивилизацию мудрость других культур. Джон Мессенджер признался, что долгие годы его преследует явление полтергейста, отметив при этом, что все равно не верит ни в дона Хуана, ни в Карлоса. Лоуэлл Бин рассказал о том, как под руководством индейцев он мыл куриные яйца, из которых вместо цыплят появлялись жуткие создания. Он описал и свои психические впечатления, испытанные у индейцев кауилья. Бин также заявил, что наша склонность сомневаться в Карлосе Кастанеде — «утонченном, мягком и добром молодом человеке» — вызвана нашей завистью к его способностям. «Проблема не в Карлосе Кастанеде, а в нас самих», — подытожил Бин. Я тут же почувствовал, что если и существует человек, который убедит меня в том, что я ошибаюсь по поводу Кастанеды, — им должен быть Лоуэлл Бин, который полностью разделяет добросердечие, целеустремленность и психическую силу легендарного Карлоса.

На следующий день я обратился к организованному Джо-зефом Лонгом симпозиуму по антропологии и паранормальным явлениям: я заявил, что обман с доном Хуаном может помочь в определении трех основных требований антропологии аномальных явлений. Эти требования заключаются в необходимости отличать аномалии (действительно паранормальные события) от суеверий (иллюзорных верований в сверхъестественное); обязанность полевого исследователя критически оценивать собственный подход к паранормальным событиям, дабы избежать как скептицизма, так и необоснованного согласия; наконец, необходимость разграничить ценность и достоверность исследований. Юджин Андерсон писал: «На самом деле Комитет по предварительной защите диссертаций не в состоянии проверить результаты исследований студентов». Это утверждение я назвал научным травести и оскорблением бесчисленной армии исследователей, которые составляли свои от-

четы, искренне веря в достоверность проделанной работы. В завершение я добавил, что жалкий путь обмана нельзя признать ни достойным, ни необходимым в науке.

Утверждение Андерсона во многом основывалось на том, что антропологи крайне редко прибегают к полевым исследованиям для проверки чьих-либо результатов или ради развенчания сомнений в достоверности. Но эта известная слабость полевых исследований еще не значит, что нет *никакой* возможности обнаружить сфабрикованный отчет. Логическую непоследовательность можно обнаружить; избавляться же от нее обязательно. В некоторых случаях неверные отчеты можно просто подкорректировать; в других вариантах необходимо раскрыть обман. Члены Комитета по защите диссертации Кастанеды несли ответственность за распознавание несоответствий между «Учением дона Хуана» и «Путешествием в Икстлан» (оно же — диссертация «Магия»). Не сумев ни распознать, ни признать несоответствия, покровители были тем более обязаны сделать это после того, как другие указали им на эти недостатки.

В тот же день у меня состоялась приятная беседа с Джеймсом Г. Кларком — директором издательства Калифорнийского университета, — который унаследовал все противоречия Кастанеды от своего преемника. «Лос-Анжелес Таймс» поместила интервью с Кларком, в котором тот благодарил Бога за коммерчески выгодные книги наподобие «Иши» и «Учения дона Хуана», благодаря которым «наши редакторы могут позволить себе роскошь тратить много времени на подготовку академических серий, которые все равно не будут продаваться». Во время беседы, как и в письме, написанном до этого, я спросил Кларка, действительно ли он ставит книгу Кастанеды на одну ступеньку с «Иши», которую ученые восприняли очень хорошо. Кларк ответил, что не собирается вступать в спор по поводу научных достоинств «Учения дона Хуана» и что он просто говорил о коммерчески выгодных изданиях вообще, приведя в качестве примера две указанные книги. На это я указал, что во время рассмотрения вопроса о целесообразности публикации «Учения дона Хуана» университетское издательство узнало мнение нескольких антропологов, отказавшись от консультаций со Спайсером или Билзом, которые оба были авторитетами по

культуре индейцев яки, причем один из них, будучи учителем и научным руководителем Кастанеды, давал последнему рекомендации в начальной стадии исследований и возражал против того, чтобы дона Хуана считали индейцем яки. И при этом он удосуужился лишь телефонного звонка из студенческого городка от представителя издательства. Кларк ответил, что его издательство «выполнило все необходимые процедуры, поручив проверку рукописи трем профессиональным антропологам, которые одобрили идею публикации, основываясь на своих тогдашних суждениях о научной ценности работы. Комитет по публикациям при Научном совете Калифорнийского университета рассмотрел три представленные рецензии и рекомендацию члена Комитета, который прочитал рукопись. После этого Комитет по публикациям также рекомендовал издать работу Кастанеды». Воистину, воин не жалеет о прошлых битвах.

Роберт Закари работает редактором в лос-анжелесском офисе Издательства Калифорнийского университета; он был одним из «редакторов-спонсоров» при прошлом директоре. «Редакторы-спонсоры, — объяснил Закари, — отвечают за выполнение программы публикаций от начала до конца. Мы находим рукопись, оцениваем ее, определяем стоимость публикации, выполняем макетирование и печать, определяем стоимость и вид рекламы, а также сотрудничаем с книготорговцами». «Именно мы открыли Кастанеду, — продолжает он, — но мы не были уверены, что именно мы открыли. Он послал нам свою рукопись в конце 1967 года... Тогда я подумал, что это больше напоминает роман. Два других редактора, которые читали рукопись, согласились со мной. Но ведь она не могла миновать отбор на факультете антропологии? Когда мы показали там рукопись, сотрудники факультета отозвались о ней положительно. Нам ее рекомендовали и другие антропологи».

«Издательство Калифорнийского университета подняло шумную рекламную кампанию вокруг книги Кастанеды, чтобы стимулировать продажу. Редакция книги осуществлялась с этой же целью», — писал Юджин Андерсон. Не знаю, каким образом Андерсон узнал о «цели», которую преследовали Закари и его сотрудники, но рекламное объявление издательства, помещенное на обложке журнала «Америкен Антрополоджист» за июнь

1968 года, называло «Учение дона Хуана» «не менее чем откровением, беспрецедентным... живым документом духа». Это звучит скорее как пропаганда новой религии, а не реклама научной или исследовательской работы. Десять лет спустя издательство все так же превозносило «Учение» как победителя 1968 года; новый директор все так же благодарил Бога за эту и подобные книги. Но теперь у редактора-спонсора Закари появились новые суждения на эту тему. «Издательство Калифорнийского университета не заинтересовано в бестселлерах, — сообщил он Герберту Митгангу. — Наличие бестселлеров в списке публикаций создает несправедливые условия для других книг и отвлекает внимание от научной работы». Мистер Кларк! Позвольте вам представить мистера Закари.

Обычно нам говорят, что при предыдущем директоре университетское издательство «выросло в большое, современное и конкурентоспособное». Но соревнование за место под солнцем в мире печатного слова требует издания популярных книг; университетское издательство должно выполнять заказы, связанные с публикацией научных трудов; оба подхода объединяются крайне редко и чисто случайно. Когда это происходит, редакторы-энтузиасты вместе с симпатизирующими им профессорами-консультантами очертя голову бросаются к новым горизонтам. Когда же впоследствии их призовут к ответу, большинство предпочтет скрыться, два-три человека пробормочут что-то невнятное по этому поводу, но никто не признает собственных ошибок, а появившиеся в числе сотрудников новички предпочтут видеть лишь светлые стороны научно-просветительской полиграфии.

Факультеты академической науки также соревнуются между собой за большее признание в научном мире. В частности, они улучшают свое положение, привлекая к сотрудничеству талантливых людей и демонстрируя самые лучшие свои достижения. Как правило, они не стремятся к всенародной известности — некоторым ученым это не нравится. Периодически их амбициозность искушают средства массовой информации. Сложно отказаться от такого лакомого куса, как книга, обещающая стать бестселлером академической науки. Некоторые члены факультета полагали, что «Учение дона Хуана» будет доста-

точно респектабельным изданием, чтобы поднять репутацию факультета в частности и всего университета вообще. Не вышло.

Хотя Роберт Закари называл реакцию сотрудников факультета на рукопись Кастанеды «положительной», я могу назвать лишь четверых, кто действительно отреагировал именно так, причем одновременно могу назвать по крайней мере двоих, кто был против. Опрос, проведенный среди сотрудников факультета, безусловно показал бы, что большинство против публикации «Учения» в качестве полевых заметок (правда, сама книга могла бы проскочить под видом аллегии). Билза огорчало, что по этому поводу факультет вынужден выдерживать нападки критики. Теперь же, когда покровители самолично явились миру, пора прекратить обвинения, огульно посылаемые на головы сотрудников факультета и Калифорнийского университета. Не уверен, что университет когда-нибудь смое с себя пятно Кастанеды, но таковы правила хорошего тона.

В своей книге «Путешествие Кастанеды» я высказал догадку, что Кастанеда соблазнил одного или нескольких сотрудников факультета опубликовать «Учение дона Хуана» под видом этнографического исследования, и лишь потом другие попытались прикрыть обман, приняв «Путешествие в Икстлан» в качестве диссертации. Дон Хуан — шутка, вырвавшаяся из-под контроля, — сочетает в себе юмор и драматизм: то, что профессора совершали ошибки, а после отказывались признаться в этом, может вызвать лишь огорчение. «Среди живых сотрудников факультета нет ни одного, который согласится подтвердить необоснованность поступка своего коллеги», — сказал как-то Клемент Мейган. «Отлично, — откликнулся я, — но как насчет того, чтобы сотрудники факультета признавали каждый свой необдуманый шаг?»

В начале 1977 года Дон Стрэчен писал для «Лос-Анжелес Таймс» рецензию на книгу «Путешествие Кастанеды». Профессор факультета антропологии Калифорнийского университета, пожелавший остаться неизвестным, рассказал Стрэчену, что «Учение», безусловно, не могло быть принято в качестве диссертации, ибо к тому времени оно уже вышло в качестве книги коммерческим тиражом. Нетрудно вспомнить, что этот разговор происходил через четыре года после того, как «Путешествие

в Икстлан», уже вышедшее отдельным томом, было одобрено к защите как диссертация. Это лишь доказывает нам, насколько готов быть правдивым анонимный профессор. Далее профессор рассказал, что «основным борцом за докторское звание Кастанеды (полученное им в январе 1973 г.) был Теодор Грейвз, который в декабре 1971 покинул страну, два года проработав в комитете по защите диссертации Кастанеды. Грейвза, сообщил информатор, возмущало, что этот парень носился под самым носом у руководства факультета, но никто так и не удосужился разобраться в нем. Грейвз пристыдил их, а потом назначил трех-четырех человек в поддержку Кастанеды, и вскоре они дали ему степень за *Икстлан*.

Смысл приведенного абзаца не в том, что сегодня Грейвз изменил бы свое мнение о «Путешествии в Икстлан», — напротив, он всегда восхищался Кастанедой. Все дело в том, что Стрэчену назвали единственным профессора, который к тому же находился в десяти тысячах миль отсюда, тогда как диссертацию читали, оценивали и подписывали пятеро других, безымянных, которые на момент беседы все еще работали в университете. Можно лишь теряться в догадках, чего же хотел добиться неизвестный профессор, называя лишь человека, которого нет в стране. Наиболее очевидный ответ заключается в том, что неизвестный профессор надеялся укрыть остальных от ответственности, отделив имя родного учреждения от совершенного деяния. Сдругой стороны, Грейвз не стал бы возражать против очередного упоминания своего имени в связи с Кастанедой; так что отправляя журналистских ищеек по ложному следу, безвестный профессор не рисковал нарваться на месть новоиспеченного козла отпущения.

Нечто подобное произошло годом ранее, правда, цена происшествия оказалась несколько выше. Льюис Яблонски — криминалист, профессор социологии в Университете штата Калифорния в Нортридже — писал рецензию для «Лос-Анжелес Таймс» на книгу Дэниэла Ноэля «Созерцающая Кастанеду». Несмотря на то что Яблонски принял «этнографическое исследование» Кастанеды за чистую монету, он все же признал, что многие представители общественных наук не согласны с этим. «Наиболее важным вопросом настоящей рецензии, — писал он, —

является сомнение в достоверности работы Кастанеды. Я чувствую обязанность лично разобраться в этом вопросе». Особенно заинтересовало Яблонски выдвинутое журналом «Тайм» и воспроизведенное в книге Ноэля (справедливое) обвинение, что диссертация Кастанеды оказалась (всего лишь) его собственной книгой «Путешествие в Икстлан». На месте Яблонски я бы просто потратил полчаса езды на автомобиле (университет в Нортридже находится по другую сторону горного массива Санта-Моника от Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе), чтобы самому исследовать диссертацию в библиотеке Калифорнийского университета или заказать ее копию по межбиблиотечному абонементу. Однако Яблонски, в свое время преподававший в Калифорнийском университете Лос-Анжелеса, избрал более удобный для себя путь. В 1961—1962 гг. будучи профессором-почасовиком, он однажды имел недолгую беседу с Кастанедой, а также «близко познакомился с несколькими из его профессоров антропологии». Проверив «факты относительно диссертации в нескольких надежных источниках Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе», Яблонски уверился, что «вопреки общепринятому мнению, сформулированному несколькими критиками в книге Дэниэла Ноэля «Видение Кастанеды», диссертация Кастанеды не была «Путешествием в Икстлан». Его докторская диссертация, принятая к защите 23 марта 1973 года, носила название «Магия: описание мира». «Несомненно, — продолжал Яблонски, — что Карлос Кастанеда является способным антропологом, достигшим в своей области уникального совершенства».

В уникальности Кастанеды я не сомневаюсь. Но что можно подумать о группе университетских профессоров, которые со всей очевидностью обманывают своего бывшего коллегу в вопросе, относительно которого они несут ответственность и который их коллега собирается включить в публикуемую статью? Я уверовал в то, что Яблонски имеет либо свое особое отношение к случившемуся, либо совершенно нестандартное объяснение этого; тогда 5 марта 1977 года я написал ему, спрашивая, не задумывался ли он о том, что его коллеги по Калифорнийскому университету в Лос-Анжелесе могли обмануть его. В письме я также упомянул, что Яблонски приглашали в качестве содок-

ладчика на однодневный семинар по Кастанеде, который проходил в Калифорнийском университете Лос-Анжелеса 22 января 1977 года, но, по слухам, он не присутствовал на семинаре. Я заинтересовался причиной его отсутствия (поскольку незадолго до этого события была опубликована моя книга, я решил, что Яблонски, должно быть, прочел в ней, что диссертация Кастанеды, несомненно, была копией его книги «Путешествие в Икстлан», и это повлияло на решение профессора отказаться от участия в семинаре). 26 апреля 1978 года я вновь написал ему, напоминая, что не получил ответа на свое письмо от 5 марта 1977 года. 23 октября 1978 года он прислал мне следующую записку:

«Уважаемый г-н де Милль!

Я собирался написать вам гораздо раньше, но, к сожалению, никак не мог отыскать ваше письмо. Кастанеда не вызывает у меня особенного интереса. Я занимался им лишь потому, что меня попросили написать рецензию для «Л. А. Таймс». Я написал рецензию к книге, приложив к этому максимум усилий. Это все, что я знаю (или должен сообщить) о предмете разговора. Надеюсь, что мой ответ окажется хоть в чем-то вам полезным.

С наилучшими пожеланиями, Лью Яблонски».

Вот вам образчик ученого, который писал, что Кастанеда «внес весомый вклад в антропологию», который проводил публичные лекции по книгам Кастанеды, а теперь не имеет «особенного интереса» к предмету своих лекций; ученого, которого сбили с толку несколько его бывших коллег и который ничего не может сообщить по этому поводу; ученого, который, очевидно, являясь добрым, отлично контролирующим себя человеком, надеется, что его ответ хоть как-то пригодится мне! На его месте я бы сказал пару колкостей об этих самых «надежных источниках» (наверное, именно поэтому я нахожусь на своем месте, а он — на своем). И все же, Лью Яблонски, позвольте вам пожелать удачи в общении с новыми знакомыми из мира академической науки, да и вообще всего самого лучшего.

Съезд антропологов продолжался до субботы. Периодически в кулуарах съезда или за обеденным столом вспыхивали

короткие разговоры, в которых мелькало изумление никсоновскими нотками в заявлении покровителей, принявших на себя всю ответственность, но избежавших объяснений и отказавшихся от обвинений. Ни слова не было сказано о трех членах президиума, которые нашли недостатки в ученой степени Кастанеды и его работах, хотя один из трех сидел рядом с председательствующим и уже высказался о замеченных им недостатках. Наиболее серьезное возражение, касающееся достоверности работ Кастанеды, было просто отмечено и даже не упоминалось, хотя автор обвинения также находился в президиуме и говорил об этом с трибуны. Многочисленные опубликованные требования прямых и правдивых объяснений этой загадочной ситуации были тут же названы кампанией бездоказательного очернительства. Вопрос об обмане, присутствующий в самом названии сессии, умышленно не отрицался, но и не подлежал утверждению.

В политике подобное поведение получило бы ярлык неприкрытого лицемерия. Не знаю, как это должно называться в научном сообществе, но мне пришли в голову умные слова, сказанные Уолтером Голдшмидтом, когда он еще был президентом ААА: «Совершенно необходимо отличать морализацию, выраженную словами, от морализации, выраженной в поведении». Кое-кто из нас (несомненно, наивно) надеялся на заявление совершенно иного рода. Как я и предлагал Голдшмидту, искреннее, с добрым юмором составленное признание хотя бы незначительных ошибок произвело бы неожиданный эффект прояснения и всеобщего примирения.

* * *

Летом 1978 года Пол Прейс сделал интервью с несколькими покровителями Кастанеды, выделив те фразы, которые могли быть полезны в составлении скудного отчета для общественности о том, кто, что, когда и зачем делал. Одновременно Прейс предложил свой собственный вариант защиты в деле Кастанеды. Его аргументы настолько нетрадиционны, что невольно привлекают и заслуживают быть приведенными здесь. Поскольку сама презентация была несколько нечеткой, предназначенной для узкого круга, я позволю себе привести возражения Прейса в следующем порядке:

1. Де Милль не должен был обвинять покровителей Кастанеды в участии в обмане до тех пор, пока он не уверен в доказательстве своих обвинений.

Ответ: Прейс смешивает научную норму организованного скептицизма с уголовным обвинением. Покровители не находились перед судом, и не было прокурора, ответственного за доказательства их вины. В начале бремя доказательств лежало на Кастанеде, который предъявлял совершенно поразительные претензии, отказываясь снабдить их необходимыми доказательствами. Когда же требование представить доказательства отвергли и покровители, их заподозрили в соучастии в подлоге. Попытка де Милля была направлена на получение пояснений от тех, кто знал подноготную истории, но хранил эту тайну много лет (здесь подразумеваются покровители). Избранная тактика действовала медленно, но принесла полезные результаты. Сравнивая нежелание покровителей отвечать с вежливыми вопросами остальных, можно даже сказать, что тактика была выбрана верная и, очевидно, единственно возможная. В более тяжелом случае Питеру Б. Мидавору пришлось обвинить себя в отсутствии моральной смелости из-за того, что он не смог своевременно выразить Уильяму Саммерлину свои подозрения относительно того, что эксперименты последнего являются блефом. Подлог в онкологических исследованиях обходится гораздо дороже, чем обман в антропологии, — но это не значит, что ученые должны молчать, заподозрив антропологический обман, или укрывать от критики отдельных коллег. Как метко заявила Гарриэт Цукерман, «каждый в науке является отличной мишенью для стрел критики, и любой ученый в душе потенциальный детектив».

2. Де Милль прочел «Учение дона Хуана» и «Путешествие в Икстлан» практически одно за другим. Покровители же читали их с интервалом в пять лет — следовательно, де Миллю было гораздо проще обнаружить противоречия.

Ответ: Противоречия обнаружили многие читатели, просто оказалось, что де Милль стал первым, кто написал об этом. «Подобное сопоставление должно было быть сделано комитетом, перед которым Кастанеда защищал свою степень доктора философии», — писал Стивен Мюррей.

3. Де Милль — это литературный детектив, в распоряжении которого много свободного времени; покровители — профессора, обремененные множеством других обязанностей, и у них нет времени решать головоломки.

Ответ: У де Милля обязанностей меньше, чем времени, но у покровителей больше обязанностей, чем у де Милля. Будучи человеком со стороны, де Милль мог рассмотреть дело как можно лучше; будучи официальными стражами науки, покровители нуждались лишь в обоснованных подозрениях. Бремя доказательств лежало на Кастанеде.

4. Де Милль не верит, что можно отыскать неграмотного шамана, цитирующего Сепира и Виттгенштейна; у покровителей нет такой предубежденности.

Ответ: А почему, собственно?

5. Никто не обвинял учителей Чарльза Доусона в соучастии при создании пилтдаунской подделки.

Ответ: Напротив, несмотря на то, что Доусон был самоучкой, в соучастии в его обмане обвинили нескольких известных ученых. Поймать мошенника за руку — еще не значит исчерпать инцидент.

6. Броновски утверждает, что информационный обмен между человеческими существами возможен лишь при обоюдной терпимости друг к другу.

Ответ: У Броновски терпимость относится непосредственно к человеческим существам, но не к их ошибкам и неверным поступкам. Прежде чем помогать оступившимся и прощать мошенников, мы должны научиться распознавать проступки и подлог. Если мы не хотим и дальше с максимальной терпимостью обмениваться неверной информацией, нам нужно научиться называть вещи своими именами.

Настойчивое упорство покровителей стало очевидным уже после первого ответа, полученного мной в 1975 году от Клемента Мейгана: «Все вопросы о Карлосе Кастанеде я переадресовываю ему самому». Представляете, если директор Института Слоана-Кеттеринга упрямо твердил бы: «Все вопросы относительно Уильяма Саммерлина задавайте ему самому»? Да Питер Мидавор до сих пор бы еще пытался сотворить поддельную мышь! Цена различная, но принцип остается неизменным.

В девять часов вечера в среду, сразу после окончания специальной сессии, уходящий в отставку президент ассоциации Франсис Л. К. Сью обратился к своим коллегам с речью о проблемах антропологии. Я как раз разбирался в заявлении покровителей, так что не слышал его выступления; однако помню, что три года назад я посылал ему вопросник, где, в частности, было сказано:

«Говорят, что даже если бы полевых заметок Кастанеды в действительности не было, даже если бы читатели и ученые на время оказались жертвами обмана, сам обман был бы оправдан его результатом, который заключается в том, что Кастанеда стал ценным катализатором процесса пересмотра... отношения исследователя к аборигену-информатору».

К этому Сью приписал свой комментарий:

«Не считаю, что в научной работе есть место обману любого рода. Исходя из реального положения вещей, наши полевые исследования не всегда оказываются научными, какими бы ни были изначальные намерения».

Тогда, из уст будущего президента Ассоциации, этот ответ звучал убедительно, хотя и несколько прямолинейно (с моей точки зрения). Я думаю, что в научной работе всегда найдется немного места, чтобы одурачить кого-нибудь; но я думаю также, что те, кто стремится одурачить, как и те, кого дурачат, должны вовремя открыть друг другу карты — в противном случае шутки превращаются в настоящий обман, а ученые — в комиков.

«Если человек хочет совершить что-либо, — говаривал дон Хуан, — он должен следовать избранным путем, никуда не сворачивая, но одновременно он должен брать на себя ответственность за свои дела». Покровители решили, что они занимаются наукой; думаю, что им следовало бы идти по избранному пути, никуда не сворачивая. Если бы поддельная мышка оказалась взаправдашной, это имело бы огромное значение для медицины. Если бы полевые исследования Карлоса оказались достоверными, их значение для антропологии было бы огромным. Его исследования имеют определенную значимость даже в виде аллегории, однако покровители принизили свою компетентность в науке, никогда не задаваясь вопросом, являются ли эти

исследования достоверными... и отказываясь взять на себя ответственность в признании их недостоверности.

8 декабря 1978 года я отправил Джозефу Лонгу письмо, в котором спрашивал, когда же мне пришлют стенограмму записи той памятной специальной сессии. Лонг ответил мне, что он ни с кем не договаривался на эту тему и что молодой человек, записывавший ход сессии, сообщил ему лишь то, что эта запись делается для Ассоциации. Тогда я потребовал, чтобы Лонг обнаружил следы этой таинственной записи, а также определил возможность получить стенограмму. 10 марта 1979 года Лонг послал мне письмо Эдварда Дж. Лемана, исполнительного директора ААА. Леман с удивлением сообщал, что не знает ни о каком молодом человеке, поскольку о записи хода сессии ни с кем не договаривались и никого не уполномочивали заниматься этим. «Боюсь, что вы стали жертвой обмана, — написал мне он, — когда поверили в слова этого молодого человека».

Сейчас уже август, а пленки с записью «Сонорагейта» все еще не появились. Таким образом, мой отчет о его ходе выглядит не так авторитетно, как хотелось бы, хотя в процессе заседания я делал записи, а мой друг любезно предоставил стенограмму со своей любительской пленки.

* * *

Клер Фоссе-Иде считает, что это могут быть проделки покровителей Кастанеды, не пожелавших увековечить обвинение их в бесчестности. Однако исследователь фольклора Сесар Араньюэла Бурлон сказал иначе: «Кому эта пленка нужна больше всего? Тому, чье имя на сессии упоминалось чаще других, человеку, который редко появляется на людях, но желает знать, что о нем говорят. Пока мы упражнялись в болтовне, он упражнялся в *сталкинге*!»

Что ж, гипотеза весьма глубокая. В следующем разделе этой книги вы вознесетесь к заоблачным вершинам и погрузитесь в пугающий мрак искусства говорить о Кастанеде, которое напоминает попытки взволнованных ученых и наивных краснобаев обвинять друг друга в ошибках, пользуясь при этом методом терпимости а-ля Броновски.

Часть II
ОСКОРБЛЕНИЕ И СПОР

Комментарий де Милля

Каждый из авторов трех статей этой части попытался подойти к центру человеческого опыта со своей собственной позиции. Родившийся в Вене и выросший в католическом окружении, Леопольд Фишер влюбился в Индию, еще ребенком изучил санскрит, затем был призван на службу в гитлеровскую армию, добился перевода в Индийский Легион, решил стать индийским монахом, стал учеником, носил желтое одеяние, босиком пересек всю Индию, принял имя Агехананда Бхарати и сейчас является профессором антропологии в Сиракузском университете. Однажды в заброшенном храме он увидел перед собой Великую Богиню.

Филип Стэнифорд, профессор антропологии Калифорнийского Государственного университета в Сан-Диего, вырос в Нью-Джерси, воевал в Корее, закончил службу в Японии, учился в Мексике, на Гавайях и в Лондоне. Источником его вдохновения является трансперсональная антропология. Однажды он открыл половые органы у гор.

Стэн Уилк, профессор антропологии в колледже Ликаминга, приобрел известность среди своих коллег после того, как начал регулярно упрекать их в недооценке работ Карлоса Кастанеды. Уилк специализируется в гуманитарной антропологии, связанной с восстановлением и развитием личности путем изучения культуры. Он утверждает, что часто беседует с Лао-цзы.

Бхарати говорит, что *Американской Антропологии* не следовало предлагать Уилку писать что-либо о Кастанеде. Стэнифорд и Бхарати, которые чрезвычайно уважительно относятся к вспышкам божественного откровения, которые испытал каждый из них, тем не менее довольно часто обмениваются эпитетами типа «дилетант от мистики» или «неотесанный фигляр». Мне было довольно сложно удержать их в креслах, когда я попросил их высказаться по этому поводу.

14

Агехананга Бхарати Кастанеда и его апологеты: Двойная Мистическая Фантазия

Когда Стэн Уилк поздравлял Кастанеду как спасителя антропологии — со страниц и при содействии нашего центрального журнала, — я подумал, что это чрезвычайно неприятно, но теперь в ответ на этот радостный восторг антропологи наконец начали определять Кастанеду как блеф. Я не нашел какой-либо серьезной критики Кастанеды вне нашей научной области. Достаточно образованные обозреватели вначале бездумно восторгались им, а затем презрительно отбрасывали. Представители крупнейших теологических направлений либо вообще не слышали, либо не желают слышать, что он говорит. А ученым сравнительной религии, которые, подобно Элиаде, Джозефу Кэмпбеллу и юнгианцам, убеждены в существовании секретных, привилегированных знаний, понравилось, что он говорит о том, о чем они никогда не решались сказать.

«Я подозреваю, что многие антропологи не принимают Кастанеду всерьез, — сказал Ральф Билз. — И не оттого, что он неоригинален, но просто потому, что он до такой степени старомоден». Это справедливо, однако он легко привлек на свою сторону не-антропологов и наивных антропологов. Чем меньше человек знает об этнографии, тем более великим кажется ему

Кастанеда. Если бы он появился не в 60-е, в период поисков духа и истины, то мог бы вообще никогда не возникнуть.

В 1973 году, прочитав лишь первые три его книги, Мэри Дуглас сказала, что Кастанеда не смог вызвать в ней искреннего почтения к учению дона Хуана из-за безнадежности его попыток охватить сразу два направления — примирить учение дона Хуана с академической антропологией Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Мне хочется думать, что Дуглас была просто вежливой, а не наивной. Я бы на ее месте написал, что Кастанеда утверждал, что *якобы* оказался «меж двумя реальностями» (это заголовок эссе Дуглас), что он *якобы* попытался примирить две школы. Ричард де Милль охарактеризовал эту борьбу как постоянное единоборство между двумя легендарными фигурами, Карлосом-Эмическим, учеником дона Хуана, и Карлосом-Этическим, выпускником Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Но Дуглас писала о нем в своем эссе так, как будто существует лишь один Карлос и как будто эта личность идентична писателю Кастанеде.

В защиту — к счастью, не в поддержку — Кастанеды, Дуглас сказала: «Тем не менее попробуйте выполнить эти уроки, пройдите по этому учению, и вы увидите, как перед вами возникает достаточно много *совершенно неожиданного, нового и соблазнительного*» [курсив автора]. Трудно спорить с тем, что это направление действительно «соблазнительно», однако вряд ли в нем есть нечто новое или неожиданное. На самом деле *все* в нем вполне узнаваемо, если только вы знакомы либо с древними трактатами и комментариями на санскрите и тибетском языке и огромным количеством менее значительных комментариев на древних языках, все большее число переводов которых становится доступным на европейских языках; либо с обильными эклектическими, нео-мистическими текстами, которые были описаны мной в «Свете из центра». В мистицизме Кастанеды нет ничего такого, чего нельзя было бы найти, нередко описанное в тех же выражениях, в индуистском и буддистском тантризме или в классической йоге Патанджали, которые совершенно экзотеричны и вполне доступны пониманию людей запада.

«У меня нет никаких причин подозревать Кастанеду в мистификации, — утверждает К. Скотт Литтлтон. — Я слишком

давно и хорошо его знаю, чтобы сомневаться в его профессиональной порядочности». Сказанные после появления «Сказок о силе», эти слова звучат очень трогательно, тем не менее ложные идеи всегда гораздо убедительнее, когда преподносятся на основе серьезной профессиональной подготовки, чем когда демонстрируют научное невежество. Единственно важным является тот своеобразный подход, при котором любой успешный фальсификатор полагается на заслуживающих доверия коллег не больше, чем на слепых поклонников.

Для меня самым ярким признаком недостоверности учения дона Хуана является его межконтинентальный эклектизм. Несколько лет назад, в магазинчике Сэма Гуди в Нью-Йорке я увидел музыкальную пластинку под названием «Алоха, Амиго»*. Этот отвратительный маленький гибрид несет в себе ту же болезнь молодежной культуры 60-х, летальный исход которой постиг Кастанеду. Смешайте вместе немного Блаватской, кусочки Дэвид-Ноэль, несколько капель Гурджиева, крохи Успенского, обрывки Говинды, пару спутанных клубков американского фольклора, набор свидетельств о путешествиях с помощью ЛСД — и вы получите снадобье дона Карлоса. И это совсем не будет новым открытием традиции американо-индейского мистицизма.

Мое личное неприятие книг Кастанеды основано не столько на их очевидных антропологических несуразностях, сколько на их мистической претенциозности, которая возмущает меня не как антрополога, а как индийского монаха, посвященного ордену Дашанами Санньяси, одного из самых элитарных и авторитетных в мире институтов мистических техник, основанных Шанкарачарьей в восьмом веке. Как искренний мистик, я обязан придерживаться совершенно не связанного с антропологией мнения, согласно которому все американо-индейские мистические и экстатические знания — северных, центральных и южных областей этой страны — при сравнении с индуистско-буддистскими традициями представляются настолько же примитивными, как сельский хор по сравнению с «Мессой ре-ми-

* «Алоха» — приветствие в языках Океании; «амиго» — (исп.) «друг».

Прим. перев.

нор». Даже если допустить обратное (то есть что дон Хуан существует во плоти и что индейцы племени яки обладали мистическим путем знания) и даже если существует некая пан-американская шаманистическая традиция (что вполне возможно), то все это было бы всего лишь детской игрой по меркам Индии и Тибета. Конечно, я имею в виду не дутые и бессвязные построения типа Блаватской и не романтические заметки а-ля Дэвид-Ноэль, но стандарты, установленные Нагарджуной, Шанкарой и другими авторитетами. Поскольку учение дона Хуана во многом сходно с этими традициями, то оно *следует* из них и потому никак не могло зародиться в западном полушарии.

Задолго до того, как «*Malleus Maleficarum*»* де Милля опустился на эклектический череп дона Хуана, я публично отверг проявляющуюся в книгах Кастанеды мешанину этнографии, мистицизма и ЛСД-путешествий, выхваченных из различных источников и свидетельств опыта других людей. Через много лет после длительной, суровой традиционной медитативной практики в монастырских стенах ордена Дашанами я сам принимал ЛСД в разных дозах и в разношерстных компаниях около ста раз в течение пяти лет. Примерно два года спустя на литературном рынке всплыло «Учение дона Хуана», и я до сих пор помню ту мгновенную вспышку гнева, которую испытал, читая о так называемом пути яки и обнаружив в нем значительную психоделическую основу. Очень легко приобрести нужный объем опыта с помощью ЛСД и усилить силу его эффекта путем приведения в порядок воспоминаний о них в медитативной практике или регулярным чтением литературы, посвященной любой теологической традиции. ЛСД подтвердит *любое* утверждение *любой* доктрины, *любое* теологическое обещание, как достоверное, так и изобретенное сообразительным писателем. Самому автору при этом совсем не обязательно принимать ЛСД. Кастанеда мог это делать, мог и не делать; по крайней мере, он наверняка прочел множество живых описаний, составленных теми, кто имел психоделический опыт.

---

* «Молот Ведьм». — Прим. перев.

Восторженные поклонники Кастанеды, типа Литтлтона, ошибочно считают книги о доне Хуане «эпическим свидетельством высочайшего уровня», потому что очень немногие западные антропологи достаточно подготовлены в области азиатской мистической традиции. По моей оценке, на данный момент лишь пять европейских и американских антропологов знают санскрит или тибетский язык. Остальные наши коллеги, упоминая индусские религиозные идеи и мистические практики, опираются прежде всего на переводы «Бхагавад-Гиты». Хуже того, они могут вполне серьезно воспринимать заявления различных свами из Миссии Рамакришны. Несколько лет назад я посетовал на неточное использование американскими антропологами понятий «мистического» и «мистичного», но на это откликнулось лишь несколько человек. Не имея ясных представлений о подобных предметах, большинство антропологов с достаточным аппетитом поглощают мистическо-экстатическо-шаманистское варево, приготовляемое такими дилетантами, как Кастанеда. Но ни мистики из разряда «алоха, амиго» (восторгающиеся шаманами, брухо, магами — кстати, произвольное использование таких именовании делает все это еще более возбуждающим), ни терпимые антропологи даже не догадываются, что трансцендентальных сил, о которых они так любят говорить, нельзя добиться без полного погружения в единственную и четко определенную традицию. Учение дон Хуана такой традиции, увы, не составляет.

Я подозреваю, что Кастанеда является шустримым, восприимчивым и чрезвычайно практичным человеком, перечитавшим множество текстов, относящихся к мистическим традициям, в основном, переводных. Достаточно данных для того, что написать его романы, можно найти в «Упанишадах» и пяти-шести других переведенных восточных канонических текстах, или же в выжимках из «Тибетской тевтоники» Герберта Гюнтера, моей «Тантрической традиции», или в книгах «Основы» и «Путь белых облаков» Анагарики Говинды. Много полезного можно было извлечь из работ Блаватской, Успенского, Гурджиева и Дэвид-Ноэль. Я убежден, что гений Кастанеды заключается в преобразовании этих материалов в псевдо-мексикан-

ские псевдо-мистические приключенческие повести, ориентированные на наивных читателей.

Судя по всему, Кастанеда вырос в испаноязычной семье, среди индейцев и метисов, говорящих на языке квехуа (Quechua), и в целом неплохо разбирается в тонкостях культуры метисов и латиноамериканских индейцев. Он двуязычен на практике, а не по лингвистическим канонам — в той степени, которая редко достигается американскими антропологами, многие из которых постоянно сражаются с языками, отличными от английского. Большую симпатию к Кастанеде и восхищение им могут вызывать разве что его предполагаемые непринужденные беседы с доном Хуаном на испанском языке, чему может позавидовать любой антрополог, — если, конечно, он этому поверит. И разумеется, как указывает Ричард де Милль, любая беседа протекает более гладко и складывается эмично, когда разговор протекает между собеседниками, обитающими в одной и той же голове.

RdeM

«Гуру» исследует некоторые различия между дискурсивным знанием, полученным в результате разумного диалога равного с равным, и вдохновляющими путями, по которым доминирующий мастер ведет своих учеников в направлении отдельной реальности, закрытой для разума, но открытой для откровения. Это великолепное эссе прокладывает свой путь от «Записок дона Хуана» сквозь избранные труды Кастанеды к книге «Читая Кастанеду» для того, чтобы проиллюстрировать оккультистские интересы современного общества, а также идеи релятивистской социологии, показывающей каждую оккультистскую тенденцию, к которой она обращается.

Кеннет Миноут (Kenneth Minogue) (рифмуется с thin-ROGUE*) родился в Новой Зеландии в 1930 году, закончил школу в Австралии и обучался в сиднейском университете и лондонской Школе Экономики. «Большую часть своей жизни» он преподавал политологию в лондонском университете. Он является автором произведений «Либеральный разум» (1963), «Национализм» (1967) и «Концепция университета» (1971). Совместно с Энтони де Креспини он был редактором книги «Современные политические философы» (1976).

Миноут относится к тому разряду ученых, которые выявляют все лучшее в трудах своих интеллектуальных противников, нанося им крепкие, умелые удары. Пока они, задыхаясь, отлеживаются на матах, он хладнокровно замечает, что подобное поражение совсем «не дискредитирует их», потому что релятивистская социология и оккультизм обращаются к чему-то очень важному для нашей культуры, что пренебрегается безопасными дисциплинами из-за боязни скатиться к абсурду.

---

* Англ. тонкий обманщик, плутишка.

21

Кеннет Миноуг Гуру

Только ли нагота отличает человека от остальных обезьян? Аристотель полагал, что это отличие определяется разумом и языком. Способность смеяться и склонность глотать лекарства — еще две типичные черты из обширного количества предлагаемых отличительных свойств вида. Однако любой, кто способен трезво взглянуть на современное человечество, не сможет не согласиться с мыслью, что человек — животное, ищущее совет. «Что мне делать?» — вернее — «Что бы мне сделать?» — вот архетипический вопрос человека. С тех самых пор, когда христианская церковь начала сбрасывать с человечества бремя свободы, стала развиваться комплексная и специализированная индустрия, служащая этим целям. И мисс Лонлихартс *, и Зигмунд Фрейд, по своей сути, — плаксивые душеспасители. Нынешний человек, окруженный разношерстными советчиками, оказывается в таком же плачевном состоянии, в каком находился его средневековый предок, лишенный поводыря.

Восточные советчики — гуру, чья популярность продолжает возрастать на Западе, обычно заняты не только распространением знания, но и преобразованием жизни. Они требуют от своих последователей полного подчинения, но не учению, а Пути. Любое критическое замечание истолковывается как неперерожденный элемент механистической личности. Последо-

---

* Lonelyhearts — Одинокое сердце. —Прим. перев.

вать за гуру — означает пуститься в путешествие, в котором единственным компасом будет сам мастер.

Следы увлечения гуру можно, без сомнения, отыскать в XVIII веке, в самом начале зарождения на Западе отвращения человека к самому себе. Однако наиболее известные гуру стали появляться в наших краях ближе к концу XIX века. Если касаться только рассматриваемой нами диффузии, то родиной гуру была Индия. Наиболее романтическим свидетельством того, что для вас может сделать гуру, явился роман Сомерсета Мозма «Лезвие бритвы». Из современных гуру самым модным, пожалуй, является индеец, появившийся в книгах Карлоса Кастанеды.

В принципе, в истории о доне Хуане Карлос выступает даже не как последователь, а как ученик гуру. Поэтому в свидетельствах Кастанеды Карлос действует с критических и рациональных позиций. Однако на это не стоит обращать особого внимания, отчасти потому, что существуют некоторые сомнения о реальности персонажа дона Хуана, отчасти — из-за стремления всего произведения отрекомендовать верования и практики дона Хуана как нечто способное дать доступ к закрытой от нас реальности. Многие западные наблюдатели считают верования дона Хуана примитивной магией. Карлос как антрополог относится к ним абсолютно серьезно как к феномену культуры. А Кастанеда, как создатель бестселлеров, снова делает нечто иное.

Каждый термин, используемый в его произведении, нуждается в осторожном осмыслении. Разговаривая о знании «яки» (Yaqui) мы можем рассуждать об истинности или ложности этого верования. Вполне может быть, что индейцы знают многое, особенно из области трав, что не известно западной науке. Однако, когда мы говорим о «пути знания», дело принимает совсем другой оборот. Пути, дороги и все остальные понятия, присущие направлению, входят в арсенал самых очевидных аксессуаров среднего гуру, с подобным вооружением можно совершать изумительные вещи. Так Перегрин Уорсторн отметил недавно свое удивление, когда во время последней поездки в Китай услышал, как партийный чиновник, предложив тост за Свободную Прессу, прокомментировал его тем, что у Британии и Китая различные «пути» для свободной прессы.

Гуру обучают не знанию, а пути. Само слово «знание» неверно. То, что предлагают гуру, — это не истины, а скорее новые восприятия, трактовки и ощущения.

Рассмотрим для примера типичную доктрину гуру, предложенную одним из самых интересных практиков искусства, П. Д. Успенским:

«Мы всегда думаем и действуем так, словно знаем истину. Это ложь... Впервые мы лжем себе, когда говорим «я». Это ложь, потому что, говоря «я», мы претендуем на определенное единство и силу... Окруженные этой ложью, рожденные и воспитанные во лжи, мы не можем быть иными, чем есть. Мы просто результат, продукт этой лжи».

Через несколько лет, после ознакомления с этой доктриной, один из наиболее выдающихся последователей Успенского выступил против концепции Дэвида Хьюма, высказанной в «Трактате» и утверждавшей, что человеческое «я» — это «лишь связка разнообразных ощущений, которые сменяют друг друга с невероятной быстротой и находятся в постоянном движении». Доктор Кеннет Уокер счел, что Хьюм переформулировал идею, почерпнутую у Успенского, но в основном оказался неправ. Гуру не похожи на философов, и отчасти агрессивная манера формулировки Успенского оказалась чуждой для заключения Хьюма. Успенский пытался использовать эту относительно общую идею в качестве откровения, способного потрясти его учеников и преобразовать их жизни. Способность порождать подобные откровения является основной составляющей того влияния гуру на своих последователей. Конечно, подобное использование доктрин можно встретить во многих областях жизни, в нынешнее время оно больше применяется в идеологизированной политике. Однако в своей чистейшей форме оно встречается в практиках дзэн-мастеров.

Характерной чертой гуру является стремление влиять на всю личность последователя. Он не только обучает его новому, но и перестраивает восприятие и эмоциональные реакции. И для того чтобы достичь необходимой власти, он должен быть непогрешимым. Это значит, что последователи должны принимать все, что он делает. Даже мгновения раздраженности и

человеческой слабости должны выглядеть как звенья непрекращающегося процесса обучения. Ничто не излишне, все интерпретируется в конструктивном смысле. Все, что делает гуру, находится под его контролем, — это аксиома.

Одним из следствий этой общей для всех гуру черты является то, что последователи — обычно переживающие и беспокойные люди, хотя сами гуру, как правило, бурлят веселостью. Вспоминается знаменитое хихиканье, кто-то, возможно, захочет сказать — «трансцендентная веселость», йога Махариши Махеша. Гурджиев, например, был склонен покорять своих учеников разнообразными забавными причудами. Алан Брайен в своем обзоре «Сказок о силе», дошел до того, что составил каталог многочисленных эпизодов, когда дон Хуан заливался ироничным смехом, хлопая себя по бедрам и иным образом выражая свое веселье.

До недавнего времени считалось бесспорным, что, по сути, гуру — иностранный товар. Согласно одному из самых распространенных верований, гуру принадлежит к высшему уровню существования, а все подобные роли в христианской цивилизации были уже убедительно заняты. Тех, кто пытался претендовать на сверхчеловеческие способности, обвиняли в еретизме. Власть священников над своей паствой обычно была заметной, однако священники и духовенство были привязаны к теологии и орденской дисциплине. Психоаналитики могут иногда полностью доминировать над своим пациентом и пытаться преобразовать его жизнь, однако в своих претензиях на научный статус они лишены права собственности на проникновенные тайны (один из обычных способов гуру властвовать над последователями). Философы и остальные академические учителя пытаются объяснить себя ученикам, которые, как полагается, находятся на том же уровне, что и учитель. Таким образом, огромный голод на гуру, который влечет западных людей в духовный Диснейленд, может быть удовлетворен из источников, расположенных, бесспорно, вне нашей цивилизации, даже в том случае, когда опыт послушничества умно упакован для технократически ориентированной публики, как это было с адаптациями оккультизма, выполненными Гурджиевым и Успенским.

Несмотря ни на что, гуру остаются экзотическими чужаками, все используемые ими техники чужды для Запада. Чуждость техники проявляется тогда, когда мы начинаем рассматривать гуру в контексте религии и народной философии. Учителя различных *практических* искусств часто ведут себя так же, как и гуру. Они пытаются принудить учеников делать вещи, подчас неприятные, смысл которых те не в состоянии понять. Некоторые акты послушания служат единственной цели — повышению авторитета самого учителя. Методы гуру сильно напоминают действия военно-морских сержантов, муштрующих отряды новобранцев, которые вскоре окажутся лицом к лицу с войной. Изменчивость, грубость, настойчивые требования не размышлять и немедленно повиноваться позже приносят новичкам много пользы. Из всего этого можно сделать вывод, что гуру скорее практик, чем интеллектуал. Уход от «знания» к «пути знания» — это уход от теории к практике. Некоторые из наших ученых могут вести себя как гуру, но для этого им пришлось бы уйти в отпуск, оставив свои академические обязанности.

Фундаментальное знание, которым обладает гуру, состоит в умении диагностировать и лечить болезнь — существование в облике человека. Общая убежденность современных европейцев состоит в том, что они «духовно искалечены». Их чувственность разобщена, они страдают от отчужденности, они не видят возможности духовной эволюции, механическая рутина современного существования душит любые жизненные искры, зарождающиеся внутри. Нет конца проявлениям этой болезни, и каждое проявление выявляется обычным наблюдением сложного состояния человека. Еще три тысячи лет назад древние евреи считали себя проклятыми и изгнанными из рая, и можно предположить, что жалость к самому себе способна была трансформироваться в представление о том, что *современный* человек обязан страдать от этой болезни.

Религия является той областью, где содержатся и культивируются подобные представления. Между тем многие гуманисты и прогрессивные люди, отрицающие христианство, не поддерживают идею существования какой-либо болезни. Человек эволюционирует в сторону морального совершенства. Некоторые, наиболее неустрашимые духом, придерживаются точ-

ки зрения, что религия не лекарство, а сама болезнь. Человек станет целостным, как только отбросит костыли желаемого и станет на собственные ноги.

Култ гуру надо понимать как култ тех, кто отказался от организованной религии, но остался одержим идеей религии. Некоторые утверждают, что болен не человек, а общество, в котором он живет, таким образом революция приобретает свою безошибочно спасительную ауру. Эти люди изобретают идеологии и сильно процветают. Оккультистское решение проблемы отличается от идеологического, и в каком-то смысле оно более радикально. Оно состоит в утверждении, что обычный мир, в котором мы живем, мир рациональных и постоянных связей между физическими телами — лишь реакция *части* реальности на *часть* самих нас. Именно поэтому мы кажемся духовно искалеченными и ограниченными. За пределами того, что мы умеем видеть, находится мир феноменов, проблески которых становятся доступными при особом настрое. Техники подобной настройки позволяют нам, человеческим фрагментам (или, скорее, некоторым из нас), воспринять, по крайней мере, свою целостную сущность.

Обычно идеологические проекты освобождения человека от его цепей порождают огромное количество противоречащих друг другу сект, то же происходит и в оккультизме. Разнообразные варианты каждого верования обязательно соревнуются за одну и ту же часть аудитории. Идеологические секты сохраняют большую часть своего презрения друг для друга, а не для лживой буржуазии (термин «буржуазия» имеет технический смысл во всех идеологиях и означает непримиримого врага). Оккультизм также наполнен учителями и группами, склонными предавать анафеме своих соперников, называя их мошенниками, которые замутняют чистое течение истины своей суеверной болтовней.

Внутри подобного общего обрамления, первоисточники оккультизма необычайно разнообразны. Обычно центральной темой выступает мечта о магической силе. Так поиски этой силы в общении с мертвыми создают спиритизм и контакты с духами, иногда все это подкрепляется теориями об астральном и других странных типах «тела». Одержимость желанием узнать будущее становится причиной появления предсказаний судьбы. Это бы-

ло хорошим подспорьем для возникновения предсказателей, авгуров и оракулов, которые доминировали в классической религии. Алхимия имеет долгую и респектабельную историю попытки обрести власть над веществом, она очень хорошо иллюстрирует комбинацию извращений и предрассудков, присущую оккультизму. Потому что и преобразование души, и трансформация грубой материи сводились к стремлению стать богаче и могущественнее. Волшебство и магию можно описать и как попытки навредить кому-либо (вспоминаются таинственные смерти врагов), и как стремление к самоочищению. Существует два уровня оккультизма, которые можно назвать грубым и возвышенным. Эти уровни различаются целями: приобретением власти над миром и преобразованием собственной личности для лучшего понимания самого себя. Все это означает, что оккультизм, в разных проявлениях, — конкурент науки и религии.

В XVII веке развитие разнородного и сложного мышления, которое мы называем «наукой» (не стоит путать это понятие с той меньшей ее частью, с которой имеют дело философы, изучая логику науки), начало основываться на твердой неприязни к любым формам оккультизма. Эта неприязнь стала взаимной. Как ни парадоксально, но современная наука иногда способна на подвиги, которые могли бы сделать легендарными любого из магов Возрождения. Чудеса волшебства, несмотря на всю романтику, мало что значат в сравнении с современными технологическими преобразованиями. Однако все эти преобразования затрагивают лишь низший уровень оккультизма — власть над *природой*. Они никак не влияют на сердце человека. Надежда на то, что духовный прогресс сможет составить пару прогрессу технологическому, продолжала упорно культивироваться. Однако неудачи, преследовавшие человечество на этом пути, позволили оккультизму существовать в качестве интеллектуального андеграунда и сделали возможным возрождение его идей, которое мы сегодня наблюдаем.

Однако если взглянуть внимательно, то парадокс, часто отмечаемый историей и состоящий в том, что наука добилась триумфа без мечтаний о волшебстве, покажется не таким уж парадоксальным. С одной стороны, девиз XVII века — «знание

— сила» — настойчиво провозглашал, что наука отбрасывает методы волшебства, но не его результаты. С другой стороны, думалось, что прогресс связан с процессом очищения сознания от осколков прошлого знания, процессом, который сам по себе имеет оккультный характер. Эти соображения подкреплялись тесным переплетением науки и оккультных идей в период Возрождения. В различной степени это переплетение проявлялось в жизни Кеплера и Бэкона.

Христианство, наоборот, всегда отрицало мечты о могуществе как форму гордыни. Таким образом, оно было склонно к нападкам как на науку, так и на оккультизм. Казалось, что и наука, и оккультизм отрицают униженное положение человека и отвлекают внимание от единственного лекарства, признаваемого церковью, — веры в Бога. Однако это было лишь теологически respectable версией оккультных переживаний, принявшей в христианской жизни форму религиозного мистицизма. Условием такой respectableности было то, что преобразование души идентифицировалось с деятельностью Бога. Иногда такая идентификация проваливалась, и многие еретики, преследовавшиеся церковью, оказывались мистиками, чьи духовные путешествия приводили к богохульственным заявлениям. Казнь суфийского мистика Аль Халладжа в Багдаде в 922 году свидетельствует о существовании похожей ситуации и в исламе.

Современный оккультизм явился результатом разрушения бывшей всегда непрочной связи между оккультистскими идеями и религиозной ортодоксией. Он состоит из обширного количества идей, которые циркулировали в обществе многие тысячелетия. Иногда научная фантастика придавала этим идеям легкий налет экзотики (чего, например, стоит гипотеза об Иисусе — космическом пришельце), и в большинстве версий технические подробности покрывались современным шпоном. Но можно с уверенностью сказать, что фундаментально они мало изменились.

Карлос Кастанеда придумал собственную версию этих идей. Его невероятная популярность объясняется еще и некоторыми новинками представления. Одна из них состоит в том, что сам Кастанеда предстает перед нами загадочной фигурой, редко

дающей интервью и снабжающей прессу ложной информацией о своем прошлом. Гуру (даже тот гуру, который называет себя подмастерьем) лучше всех знает, что между теми, кто пишет книги, и теми, кто анализирует и критикует их, идет война. Писатель пытается подчеркнуть свою уникальность, критик стремится подвести книгу под какую-нибудь категорию. (Данная статья — еще одна схватка в этой войне.)

Кроме того, Кастанеда провозглашает законность популярного в наши дни использования психоделиков как средства возможного побега из тюрьмы, которую мы зовем жизнью. Его подход к важности психоделиков для формирования человека знания сильно перекликается с современной модой на наркотики в западном мире. «Учение дона Хуана» появилось во время пика культа наркотиков и связывало галлюциногенные переживания с глубоким постижением реальности. Возможно, это случайность, но во время появления «Сказок о силе», когда наркотики вышли из моды, Карлос открывает, что:

«Необычайный эффект, который произвели на меня психотропные растения, склонил меня к мысли, что их использование является ключевой чертой учения. Я долго придерживался этого убеждения, пока через много лет своего ученичества не осознал, что все значительные преобразования и находки маги совершают только в состояниях трезвого сознания».

Наркотики по своей сути являются лишь механическими стимуляторами. Если бы Кастанеда продолжил увлекаться ими, это превратило бы его в менее интересного представителя оккультизма. Действительно, утомительность ранних этапов учения отчасти объяснялась излишней индивидуальностью описаний психоделических переживаний.

Кастанеда представил нам относительно новый взгляд на оккультные идеи, их источником на этот раз становится магическая практика группы незатейливых мексиканских индейцев. В течение нашего века вся западная мода на оккультизм диктовалась Востоком: буддистами, индуистами, исламскими мастерами. Величественные цивилизации, в которых зарождались эти религии, придавали необходимое величие всему, что

перенималось от них. Согласно одному распространенному оккультному верованию, человек — механическое животное, не способное к творчеству, а цивилизация и религия — лишь обрывочные знания, полученные им от гуру-сверхлюдей в далеком прошлом. Подобное верование сегодня обычно считается чистой доктриной оккультизма, из которой произрастает все остальное. Не так уж редко сами гуру считают себя представителями компании сверхлюдей. Кастанеда не следует этому мнению (хотя во многих местах его произведений встречаются намеки на то, что оно, вполне возможно, может оказаться истинным). Он обнаруживает возможность существования среди людей высших существ, которых можно воспринимать как благородных дикарей, незапятнанных мышиною возней урбанизированного общества. Мы узнаем, что дон Хуан выглядит чрезвычайно просто, даже в костюме.

Ученичество Карлоса длилось десять лет и описано в четырех книгах. Лучше всего его можно пересказать, указав, от каких переживаний Карлос должен был отказываться, а какие учиться принимать.

Карлос должен был отказаться от привычки все объяснять. Потому что объяснение мира зависит от того, насколько убедительно мы его себе *описываем*: это мир жестких связей и твердых материальных тел. Подобное описание ребенок приобретает в самом начале жизни, и это обретение отмечает его вхождение в человеческое общество.

«С точки зрения дона Хуана, — говорит Кастанеда в «Путешествии в Икстлан», — реальность повседневной жизни состоит из бесконечного потока чувственных интерпретаций. Являясь членами группы лиц, использующих одно и то же описание мира, мы просто научились одинаково интерпретировать явления».

Подобный процесс обучения провоцирует нас на использование некоторых органов чувств для подавления явлений, которые мы могли бы «видеть», он постоянно подкрепляется непрекращающимся внутренним диалогом с собой. Кастанеда полностью придерживается оккультистской традиции в ис-

пользовании словаря восприятия для технических целей. Большая часть «Отдельной реальности» посвящена «задаче видения». По словам дона Хуана, маг постигает мир не только обычным путем, но и «с помощью своего носа, языка и воли, особенно с помощью своей воли». В результате мы получаем нечто отличающееся от наших представлений о реальности:

«когда мы воспринимаем мир с помощью *воли*, мы узнаем, что он не настолько «внешний» или «реальный», как нам кажется».

Смысл большинства оккультистских медитаций в очищении разума от обломков, оставленных там нашим привычным восприятием, и в достижении пассивности, позволяющей «видеть», что находится за пределами нашего коллективного описания мира. В Дзэн существует хорошо известное высказывание, очень емко выражающее ту же идею: «Избавься от мыслей, и все появится». Карлос должен был научиться не исследовать ограниченный мир с помощью привычных вопросов, на начальной стадии его чувственные изыскания форсировались психоделиками. Кроме того, дон Хуан пользовался техническими приспособлениями, чтобы помешать осознанию соскользнуть обратно в реальность, которую мы считаем очевидной: «надень черную шапочку, примеряй вначале свой левый ботинок, обвяжись своим ремнем справа налево». Ментальная жизнь Карлоса должна была быть полностью трансформирована, невероятные ранее вещи должны были стать возможными. Секрет всего этого в направлении *внимания* человека. По словам дона Хуана:

«Все это существует только благодаря нашему вниманию. Скала, на которой мы сидим, является скалой только потому, что мы принуждаем наше внимание относиться к ней как к скале».

И только в последнем томе становится очевидным смысл многих вещей из раннего ученичества Карлоса. Все дело в разрушении ловушки, которую мы установили для себя:

«Мы — восприятие. Мы — осознание, мы не объекты, мы лишены постоянства. Мы — безграничны. Мир объектов и постоянство — это лишь способ сделать наше пребывание на земле удобным. Описание было создано нам в помощь. Наш разум забыл, что описание — это лишь описание, и мы с головой погружаемся в порочный круг, из которого редко вырываемся в течение жизни».

Разум ограничивает. Это центральная идея ученичества Карлоса, именно эта часть вызывает нервный интерес современных образованных людей. Однако одно сомнение вскоре огорчает любого образованного читателя: действительно ли Кастанеда, при всей своей квалификации антрополога, точно знает, что такое разум и логика. Однажды, во время кульминации своего обучения, Карлос пытается истолковать внезапное появление перед собой своего «бенефактора» Хенаро и приходит к выводу, что оно было устроено доном Хуаном в качестве фокуса. Эта попытка объяснения описывается в быстрой последовательности как «моя логическая схема объяснений», «моя логическая схема» и «моя рациональная структура». Логика здесь ясна: для того чтобы было легче дискредитировать рациональность, Кастанеда идентифицирует ее с одной-единственной гипотезой и сводит на нет предпринятое им объяснение.

Вместе с большинством оккультистов читатель оказывается вынужден мириться с недоработками в определении рационального, которое, как полагается, закрепощает нас. Кастанеда пытается сказать (эта ситуация типична для всех книг), что Карлос безуспешно пытался придать натуралистичный смысл своим переживаниям. Возможно, что всему существовало естественное объяснение, но ему не удалось его отыскать. Вполне возможно также, что все явления, с которыми столкнулся Карлос, имели «сверхъестественное» объяснение. Невозможно дискредитировать рассудок, ссылаясь на его конкретное использование. И Карлос, и дон Хуан представляют нам лишь рациональные аргументы и стройные свидетельства. Что действительно имеет смысл, так это, по выражению Карлоса, «моя навязчивая привычка оценивать... какая-то бесконечная бухгалтерия». По-

ка такие привычки не будут искоренены, мы никогда не познаем *нагваль*!

Нагваль? Это один из компонентов, составляющих основную цель учения дона Хуана. Его нужно отделять от нашего рационального отношения к миру, которое называется *тоналем* (термин, которым индейцы называют духа-защитника). Как объясняет дон Хуан, дилемма нашей жизни состоит в том, что защитник, терпимый и понимающий, превратился в неусыпного и строгого охранника.

«*Тональ* — это все, чем мы являемся... Назови это! Все, для чего у нас есть слово, — это *тональ*... *Тональ* создает мир только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и тем не менее он творит мир, потому что его функция — судить, оценивать и свидетельствовать... *тональ* создает законы, по которым он воспринимает мир, значит, в каком-то смысле, он творит мир».

Мы живем на «острове *тональ*», и мы не можем жить вне этого острова. Это ограничивает нас, и мы способны разрушить все пределы, только придя к пониманию *нагваля*. Первоначальное значение этого термина (превращение ведьмы в животное) было расширено, теперь он описывает форму неопределимой творческой силы, которая окружает и творит наш мир.

«*Нагваль* — это не опыт, не интуиция и не сознание. Эти термины и все остальное, что бы ты ни назвал, являются только предметами острова *тоналя*. С другой стороны, *нагваль* — это только эффект. *Тональ* начинается с рождением и кончается со смертью, но *нагваль* не кончается никогда... Можно сказать, что *нагваль* ответствен за творчество».

Тональ, наоборот, ничего не создает; и все же он творит законы, по которым постигает мир, значит, в каком-то смысле, он творит наш мир. Смысл в том, что мир является способом нашего описания реальности. Своеобразный конфликт, который Кастанеда стремится раскрыть, проявляется в следующем диалоге с доном Хуаном (в котором вопросы Карлоса мало

похожи на вопросы опытного ученика и становятся суррогатом для снятия возможных возражений читателя):

— Если *тональ* — это все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, то что же такое *нагваль*?

— *Нагваль* — это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

— Прости, я не понял.

— *Нагваль* — это та часть нас, для которой нет никакого описания — ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний.

— Но это противоречие, дон Хуан. Мне кажется, если это нельзя почувствовать, описать или назвать, то оно просто не существует.

Несомненно, можно было возразить, что «*нагваль*» — это еще и имя, и мир описаний не может быть трансцендирован с помощью описаний. Дон Хуан ответил, что *нагваль* можно только воспринять; и все книги, написанные Кастанедой, были посвящены встречам Карлоса с *нагвалем*.

Здесь мы имеем дело с глубоко антифилософским взглядом на жизнь, который стремится очистить мир от биологии, зоологии, минералогии, психологии и наполнить его знамениями, предсказаниями, чудесами, привидениями и другими намеками окружающих духов, которых наука и технология отмела как суеверия. Нельзя сказать, что магия дона Хуана иррациональна, он часто требует от Карлоса доверия к собственным чувствам и разуму. Он делает это потому, что охранники *тоналя* противостоят непредсказуемостям *нагваля*. Это противостояние настолько тревожно, что бедный Карлос большую часть своего ученичества проводит в состоянии непонятного ужаса, в то время как его учителя посмеиваются где-то на заднем плане. «Безупречный воин» должен идти к *нагвалю*, приготовившись к смерти. Он должен открыться, и в тот момент, когда он начнет ощущать смерть, он должен приостановить свое переживание, призывая *тональ*. Внезапные передвижения сквозь пространство, отсутствие гравитации — простые проявления *нагваля*, снизошедшие на Карлоса, — это не те приключения, в которые

можно погружаться со спокойным сердцем. Это вообще трудно назвать добровольным путешествием, хотя оккультизм Кастанеды лишен теологии, он все же оперирует понятием «силы», которая руководит действиями мага и ученика и может быть названа провидением. Провидение, тем не менее, также гарантирует, что без соответствующих моральных изменений в человеке невозможно добиться заметного прогресса в обретении могущества.

Поразительной чертой оккультизма является общее отсутствие интереса к моральным вопросам. Оккультизм утверждает, что человек с головой погряз в глупости, из которой его не сможет вытащить ничто, кроме просветления:

«...Человек, который *видит* [говорит дон Хуан Карлосу], может контролировать свою глупость, тогда как его товарищи не могут этого. Человек, который *видит*, теряет интерес к своим друзьям. Видение уже оторвало его от всего, что он знал ранее».

Во время поездки в Икстлан, которая стала метафорой путешествия к духовному открытию, дон Хенаро обнаруживает только «фантомных путников». Непросветленные стали для него нереальными.

«Сказки о силе», подобно остальным книгам канона, является искусно выполненной литературной работой в жанре, который считался более респектабельным во времена ее создания. Эта работа продолжает привлекать интерес человеческих существ. Отчасти популярность книги объясняется множеством ответов, которые могут получить читатели. Неопределенности, накопленные во время всего цикла о доне Хуане, не были рассеяны тяжелой доктриной последнего тома. Я пытался придать этому циклу вид оккультистского учения, однако Уолтер Голдшмидт (написавший предисловие к «Учению дона Хуана») интерпретировал этот материал в более определенном антропологическом смысле:

«Основное значение путешествий в миры, отличные от нашего, — а таким образом, и всей антропологии, — состоит в том, что подобные переживания приводят нас к пониманию того, что и наш мир — культурное построение.

Исследуя иные реальности, мы понимаем, чем является наш мир, и, хоть на мгновение, становимся способными увидеть, на что похож мир реальный, расположенный где-то между нашим миром и иными культурными построениями».

Для этого аргумента существует очевидное возражение. Если наш мир действительно является культурным построением, то логически мы не способны на мгновения свободы. С другой стороны, если такие мгновения все же возможны, тогда наш мир не может быть просто культурным построением. Одно из утверждений этой дилеммы должно быть ложным. Однако большинство приверженцев подобной релятивистской доктрины настаивают на верности обоих утверждений.

В этом сложность, в которой Кастанеда не собирается разбираться, его рассказ о *тонале* и *нагвале* является лишь объясняющей теорией (а вовсе не практическим верованием, позволяющем нам преобразовать свое восприятие), которая возникла для объяснения множества разнообразных проблем, вызванных попытками описать то, что, по определению, не поддается описанию. Если есть физик, способный дать два совершенно различных объяснения креслу, на котором я сижу, то никаких проблем с релятивизмом не возникает. Кажется странным, что Голдшмидт интерпретировал Кастанеду в культурном и социологическом смысле и тем самым наделил его излишней интеллектуальной жизнеспособностью. И все же, то же самое было сделано во время недавнего обсуждения творчества Кастанеды. Оно называлось «Читая Кастанеду», и это название отражало уважение и к Кастанеде, и к Луису Алтуссеру. Это воображаемое соседство делается еще поразительней, когда мы узнаем, что все это должно было быть представлено студентам-социологам.

Описание ученичества магическим верованиям или шаманству не всегда относится к тем вещам, в которых можно сразу распознать подходящий текст. Однако в том, что лекции, положившие основу этой книги, первоначально читались в Калифорнии, можно усмотреть попытку извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Студенты были уже знакомы с Кастанедой, почему бы не использовать их интерес и не увести дальше, к

широким потокам мысли? Возможно, эта тактика не полностью подходит для университетского образования, где обычно разум студента должен встречаться с мыслями преподавателя, однако смелость подобной попытки способна поразить многих. Хотя в подобной книге многое может быть признано неудовлетворительным, она все-таки может быть отрекомендована как дискуссия, отражающая искреннее волнение, способное возникнуть у читателя Кастанеды.

Основной тезис Дэвида Сильвермэна состоит в том, что (словами Голдшмидта) «наш мир — культурное построение», большая часть книги посвящена разработке способа, с помощью которого научные вопросы Карлоса выходили бы за рамки нашей одержимой методами культуры. Он обсуждает длинный пассаж, в котором Карлос спрашивает дону Хуана, действительно ли он летал во время галлюциногенного переживания.

Дон Хуан отказывается отвечать на этот вопрос. «А как ты сам думаешь? — спрашивает он. — То, что ты чувствуешь, и есть реальность».

Согласно Сильвермэну, вопрос Карлоса характеризует все западное общество, способное серьезно относиться лишь к тому, что признано публично. Ответ дона Хуана демонстрирует уважение к достоинствам всех переживаний личности. Однако вопрос Карлоса вызван обыкновенным стремлением к разделению реальности и сна, и публичное признание имеет лишь периферийное значение, а именно, как способ подтверждения подобного разделения. Мне кажется, что Сильвермэн был на верном пути, когда писал (в связи с трудностями Карлоса, вызванными поиском того, что дон Хуан назвал его «пятном»):

Итак, проблема [Карлоса] больше, чем просто «как сделать это» — проблема, с которой мы постоянно сталкиваемся в повседневной жизни и которую по традиции пытаемся разрешить, изучая и применяя *техники*. Его проблема в том, что он не видит никакой проблемы там, где ее видит другой.

Под словом «традиция», как становится ясно впоследствии, Сильвермэн понимает все то, что считает неверным в западном мире или (позднее он дает развернутую формулировку) в «за-

мороженой буржуазной реальности». И все же подобная ситуация, в которой человека убеждают в том, что у него проблемы, а он не видит сути этих проблем, отражает не уважение к индивидуальному переживанию, а просто типичную тактику гуру в отношениях с последователями.

Эту тактику можно рассматривать просто как способ встряски устоявшихся взглядов ученика на жизнь, необходимой для повышения восприимчивости. Доктор Сильвермэн полагает, что в этом есть нечто большее. Он считает, что дон Хуан прибегает к подобным уловкам для того, чтобы выразить нечто, не выражающееся в привычных для нас терминах. Он воспринимает это как отрицание некоторых западных методов построения рассуждения. Один из них утверждает, что событие, засвидетельствованное публично, имеет более высокий статус, чем то, что было лишь почувствовано или увидено. Другой заключается в путаном разделении между (субъективным) переживанием и (объективным) фактом. (Я говорю «путаном», потому что понятие «субъективный» порождает множество вопросов об истине и собственном «я».) Сильвермэн воспринимает Карлоса как человека, находящегося в сомнениях о статусе своего переживания, пока не докажет его «обоснованность» в терминах физических явлений, которые могут быть засвидетельствованы публично. Однако Карлос совершенно не сомневается в том, что он пережил. Он лишь ищет дополнительную информацию — действительно ли его тело летало, — которая прояснит статус пережитого. Отказ дона Хуана дать ответ мог бы оправдать то значение, которое ему приписал Сильвермэн, если бы дон Хуан был до конца последовательным и не стал бы разделять сон и реальность, но другие диалоги показывают нам, что это не так.

Благотворный характер отказа дона Хуана, обнаруженный Сильвермэном, основывается на двусмысленности, которую я уже отмечал, между необходимостью быть узником культуры и способностью вырваться из этой тюрьмы. Сильвермэн явно избегает утверждать, что язык — это тюрьма, однако, читая его, часто можно прийти к выводу, что это действительно так. Речь не может подтвердить наше членство в обществе, которому мы принадлежим. Сильвермэн подтверждает парадокс, согласно

которому критика является признанием, отмечая, что критик принимает тот язык, которым критикует. И все же, если я критикую учреждение (например, муниципалитет), то я критикую, а не принимаю *это* учреждение. Действительно, некоторые вещи критика должна принимать как данность. Но подобные общие места лучше всего разяснять с помощью прозрачной прозы, например «Мено» Платона, не прибегая к претенциозным и раздутым творениям философской социологии, которое Сильвермэн представляет своим читателям.

Из книги Сильвермэна можно сделать следующий вывод: подлинное значение Карлоса и дона Хуана состоит в том, что они являются проводниками, отстаивающими важность одного из западных видов переживаний — свободно парящего воображения — в ряду с уродливо доминирующими видами — наукой и технологией.

Создается впечатление, что для дона Хуана [пишет Сильвермэн] уникальность личного переживания драгоценна («Каждый человек своеобразен»). Обучиться технике, позволяющей осознавать «невообразимые вещи», — значит отказаться от уникального «видения», с помощью которого каждый человек выражает себя. Техника (методы, правила, как бы мы себе это ни представляли), определяя конкретные пути к знанию, закрывает другие пути и отвлекает наше внимание от тех переживаний, которые из-за своей кажущейся обоснованности создают впечатление превосходства над техникой.

Здесь можно придаться ко многому (как, впрочем, и в любом другом параграфе). Например, можно ли идентифицировать правила и технику? Многие правила — например, правила игры — вообще не имеют отношения к технике. Не совсем ясно, что значит «обоснованность» в отношении личного переживания. Действительно, в западной культуре существует довольно сильная тенденция уважения личного переживания, и по одной из ее форм Сильвермэн судит о всей тенденции. Однако оставим придирки (иногда, следуя манере изложения, бывает трудно в них не погрязнуть), легко проникнуться симпатией к некоторым аспектам позиции, критикующей аб-

сурдный рационализм западной жизни и подтверждающей ценность непосредственного человеческого переживания.

Однако симпатия начинает рушиться, когда аргументы становятся мелодраматическими. Доктор Сильвермэн прекрасно осознает, что никакой метод не может состоять из одних лишь правил, так как правила не могут определить собственного использования. Это означает, что практика любого метода должна содержать неизменно-личностный, не методический элемент. Доктор Сильвермэн рассматривает технику как корсет, мешающий нам исследовать обширные и ценные области наших переживаний. И все же распространенность техник объясняется тем, что они открывают (а не закрывают) ранее не существовавшие возможности. Они дают нам доступ «к тем переживаниям, которые кажутся нам обоснованными». Но с точки зрения доктора Сильвермэна, техники бюрократизируют нашу жизнь.

Быть «истинным» демократом, так же как и «истинным» ученым, — значит демонстрировать человеку зависимость от «фактов» и верных методов оценки этих фактов... Его действия [т. е. действия ученого или бюрократа] никогда не выглядят как собственные, он всегда придерживается «официальности» и следует правилам. Он выглядит инструментальным приложением к своду правил. Он претендует на непререкаемую власть: «Мне может это не нравиться, но я выполняю свою работу...»

Озадаченный читатель может удивиться, каким образом «претензия на власть» вообще может являться аргументом? Ученые не «претендуют на власть», они спорят и предоставляют доказательства. Власть бюрократов обусловлена не методом, а властью законов, на которые они работают: демократических, монархических и т. д. Безошибочная уничижительная тенденция всего этого проявляется, когда внезапно в споре появляется Адольф Эйхманн. Каким-то образом чтение Кастанеды привело Сильвермэна к заключению, что

писать (действовать) в соответствии с методами (правилами) — значит отнести себя к группе тех, чьи поступки противоречат гуманности, кто, подобно Эйхманну, скрывает себя за методами и правилами.

Ученые, должно быть, во многом развязали себе руки, начав в последнее время разговор о себе, однако ассоциация с Эйхман-ном заходит несколько дальше.

Это лишь часть того, что Сильвермэн почерпнул из Кастанеды. Однако любой читатель, опытный в прохождении подобных лабиринтов, не станет рыться в библиографиях, чтобы понять, что большинство этих материалов является *Habermas garny*. Этот факт хорошо иллюстрирует утверждение Сильвермэна о невозможности вырваться из нашего культурного окружения. Действительно, чем дальше Сильвермэн читает Кастанеду, тем чаще он вспоминает странные и причудливые взгляды современных западных писателей. У Роланда Бартеса есть прелестная бессмыслица, в которой приверженность раннего голландского общества марксистским традициям выводится из эстетических особенностей некоторых голландских художников. Жан-Поль Сартр убеждает: «В действительности, он [т. е. читатель] не обладает мгновенным сознанием и безвременной уверенностью в свободе, он не парит над историей, он погружен в нее». То, что студенты из Калифорнии поймут в подобном пассаже, зависит от того, многие ли из них считают, что человек «обладает мгновенным сознанием, безвременной уверенностью в свободе... и т. д.», а поэтому нуждаются в помощи господина Сартра и господина Сильвермэна для определения ошибок своего пути.

В контексте изобилия подобных материалов, связанных с Кастанедой лишь тонкой нитью ассоциаций, огромное значение приобретают педагогические вопросы. Если вы пытаетесь познакомить студентов с социальной наукой, то тактически полезно связать ваши аргументы с тем, что уже интересует аудиторию. Однако, кроме того, необходимо прояснить и реальный характер проблемы, в отношении которой люди могут придерживаться расхожих взглядов. Как они воспримут следующий пассаж (цитата из Кокельманса)?

Истинно человеческое мышление обязательно основывается на исторической ситуации. Любое мышление, отрицающее этот факт, не может считаться по-настоящему человеческим, такое мышление не в состоянии понять само себя.

Как и многие другие писатели, которых с одобрением цитирует доктор Сильвермэн, Джозеф Кокельманс обладает воспитательной смелостью в определении того, что является истинно человеческим (он, несомненно, знает, что доктор Сильвермэн понимает под «отрицанием гуманности»). Следует отметить, что взгляд на мысль как на пространственно-временное событие, вовсе не влечет за собой утверждения о том, что «мышление основывается на исторической ситуации» (что бы это выражение ни значило). У математической мысли, например, есть история, но сама она исторична только в тривиальном смысле. По отношению к такому слишком пустому догматизму, человек может испытать лишь уместное изумление, представив себе, что бы ответили Галилей, Паскаль или Эйнштейн Кокельмансу, суесящемуся вокруг них и повторяющему: «Истинно человеческое мышление... и т. д.».

Однако студенты наверняка не увидят истинного смысла, скорее всего, они проглотят эти помпезности, считая, что в них кроется мудрость. Многие даже не смогут понять, как кто-то осмеливается оспаривать приведенные рассуждения. Р. Г. Коллингвуд писал в своей «Автобиографии», что, услышав, как некоторые учителя философии критикуют различных классиков, он пошел в библиотеку, прочел классиков и обнаружил, что они вовсе не придерживались тех идей, которые были с энтузиазмом разгромлены с лекторской кафедры. Таким образом, Коллингвуд в безопасности, он никогда не обманется такими высокомерными выражениями, как «ненастоящее человеческое мышление». Однако большая часть студентов далеко не Коллингвуды.

Далее Сильвермэн приводит бесславную череду менее блестящих цитат современных интеллектуалов, и все это затуманивает смысл аргумента, который, как кажется Сильвермэну, он подчерпнул у Кастанеды. Этот аргумент характеризуется чрезвычайным культурным релятивизмом. «Говорить — значит обнаруживать себя на пути знания». Таким образом, не может быть «нейтрального» ответа на вопрос, летал ли Карлос, приняв траву дьявола. «Ведь тот, кто не видит, что человек летает с помощью травы дьявола, тот не видит пути яки». Это заключение, доведенное до крайности, поддерживается, но не уза-

конивается большим количеством похожих споров о конструктивных элементах описания и некоторыми материалами о языковых играх, описанных Виттгенштейном. Доктор Сильвермэн вообще презрительно относится к идее нейтральности, и это слово редко появляется в его тексте без кавычек (иногда, для большего уничижения, он выделяет его курсивом).

Одной из идей, которую нам предлагают подчеркнуть у Кастанеды, является то, что «факты и истины существуют только внутри и для общин». Только для общин? Можно лишь догадываться, что произойдет с той общиной, которая станет отрицать, что пули убивают, что поганки ядовиты или что человек набьет «шишек», если упадет с высокой скалы. В наши дни мы все болезненно чувствительны к интеллектуальным грехам этноцентризма, однако не стоит напоминать, что все это касается только практики. Наука — это наука, и не имеет значения, принадлежит ли она яки или Европе. Каким образом «путь знания яки» сможет узаконить все? Бывают, правда, случаи, когда кажется, что доктор Сильвермэн понимает, что связность его повествования вылетает в трубу противоречивого релятивизма. «Заметьте, я не настаиваю, что мир такой, каким бы мы хотели его видеть», — замечает он на странице 23. В следующий раз похожая мысль осеняет его на 93 стр., и он говорит, что вовсе не отрицает возможного смысла в привязанности к фактам. Однако все остальное время, в настроении *eparte les etudiants*, он дает волю релятивизму.

Несомненно, что именно счастливый воображаемый субъективизм позволяет доктору Сильвермэну утверждать, что для его аргументов не важно, *существовал ли дон Хуан на самом деле* или был лишь *вымыслом* Кастанеды. В действительности этот вопрос решающий, по крайней мере для той манеры, в которой Сильвермэн относится к Кастанеде. Потому что если дон Хуан реально существовал и если он верно сообщил нам о тонкостях магии другой культуры, тогда те ее вариации, которые разделяли бы предположения магии и наши представления, могли бы стать причиной возникновения *настоящей* культурной и социологической проблемы. Однако если дон Хуан является лишь изображением Кастанеды, тогда весь цикл книг превращается в переработку оккультистских традиций и может быть понят *только*

с учетом этого. Именно двусмысленность творений Кастанеды объясняет то, что в разное время он дал право на существование обоим интерпретациям. Это может означать либо то, что он передумал (как это было по отношению к наркотикам), либо то, что все это — часть плана о привнесении намеренной двусмысленности в книгу, предлагающую ответы на множество вопросов.

Если труд Кастанеды является частью оккультистской доктрины (что я и пытался показать), то книга Сильвермэна раскрывает не столько социальный характер оккультизма, сколько оккультистский характер традиций релятивистской социологии, которой он так сильно обязан.

Оба автора флиртуют с невыразимыми интеллектуальными приключениями, неуверенно балансирующими на лезвии внутренней противоречивости. Однако это не дискредитирует их. В отличие от разработки безопасных дисциплин, релятивистская социология и оккультизм являются приглашением в крайность и нередко опрокидываются в обыкновенный абсурд. Однако они обращаются к тому, что, независимо от статуса, обладает неоспоримой значимостью для нашей культуры. Вопрос об оккультизме ужасно сложен и поэтому предстает перед нами в различных интерпретациях: отчасти в работах по истории идей Гегеля и Маркса, отчасти в исследованиях оккультизма Возрождения, проведенных Фрэнсисом Йетсом, отчасти в недавней попытке Виттгенштейна вынести на суд читателей мистические предположения. На пути потока подобных материалов стоит не «Наука», не «Разум» и даже не повседневный общепринятый взгляд на реальность, а своеобразный Просвещенный воинствующий позитивизм. Дело не только в том, что ответы оккультизма были сосланы в подземелья предрассудков, но и в том, что к вопросам, поднимаемым оккультизмом, перестали относиться серьезно. Однако медленное брожение идей, кажется, вскоре откроет их снова.

RdeM

Пять лет следования за доном Хуаном по дюнам сновидений многому меня научили. Конечно, мне бы не удалось сдать экзамен по началам этнографии, но я вполне мог бы претендовать на звание мастера кастанедологии и доктора антрофоллии*. Меня все еще поражает холодность, с которой встречают дилетантов, интересующихся академическими аномалиями, особенно розыгрышем с доном Хуаном. Хотя правительство содержит науку на средства общества и налогоплательщиков, профессора предпочитают отчитываться только друг перед другом. Эту досадную несправедливость попытается сейчас объяснить, но не оправдать, ученый-социолог.

Статья Стивена О. Мюррэя «Групповые образования в социологии» представляет социальную историю применения «теории групп» в лингвистике и антропологии, включая «этнику». В настоящее время он редактирует сборник критических статей по работе Маргарет Мид, выражающей академическое неодобрение ученым, пытающимся «просветить» народ. Статья «Невидимость ученой насмешки» врывается в башню из слоновой кости, чтобы впустить редкие проблески «системы неформальных оценок», с помощью которых ученые оценивали книги дона Хуана, никогда не упоминая о них публично.

---

* Anthrofolly: anthro — часть от anthropology (антропология); folly — глупость. — *Прим. перев.*

22

Стивен О. Мюррей Невидимость ученой усмешки

*Шарлатан — это тот, кого любят пациенты,
и ненавидят коллеги.*

Эверет Ньюгс

Почему, — спрашивает де Милль в «Путешествии Кастанеды», — ни один антрополог не пожаловался публично на то, что произошло в UCLA?» Ответ намного проще тех, что он предлагает. Никто вне UCLA не знал определенно, что же произошло. Ученые скептически относятся к работам на соискание ученой степени и могут свободно критиковать эти работы, но они никогда не оспаривают права другого университета присуждать степень тому, кому он считает нужным. Предположение, что любое уважаемое учреждение следит за правильностью документации, привело антропологов к выводу, что диссертация Кастанеды была подвергнута критической проверке и удовлетворила комитет компетентных профессионалов. Так как Кастанеда снабдил свою диссертацию академическими абстракциями и иным названием, а так же препятствовал ее циркуляции за пределами UCLA, то далеко не очевидно, что это было «Путешествие в Икстлан». Кастанеда искусно проманипулировал системой доверия.

Более фундаментальным вопросом является то, почему так мало критикуются опубликованные работы Кастанеды. Ответ покоится в фундаменте структуры науки — в ее невидимости. Организованный скептицизм, действующий в науке, в основном не виден чужакам. Формально, манускрипты прочитываются референтами, и те, что выживают, анализируются в книжных обзорах и журнальных комментариях (видимых для людей, которые знают, где их искать). Одновременно суждения просачиваются по неформальным каналам. Важные работы цитируются, пересказываются в литературных обзорах и, наконец, воспроизводятся в учебниках. Высоко оцененные работы обсуждаются публично, в то время как враждебно встреченные работы исчезают из поля зрения. Как замечает С. Б. Барнс: «Научные сообщества редко выставляют на показ тех, кого считают некомпетентными; неформальные сведения обычно подтверждают, что работы таких ученых приняты [другими учеными] как предположения, а то и вовсе не приняты». Нет никакого смысла в том, чтобы пригвоздить к позорному столбу подобные работы. Эти работы не цитируются, не развиваются, не рассматриваются в литературных обзорах и не вносятся в учебники как авторитетное знание. Из-за большого потока публикаций ученые избегают останавливаться на том, что они считают предположениями, и концентрируются на поддержке того, что считают значительным.

Система неформальной оценки эффективно работает на ученых, и, без сомнения, защищает создателей негативно воспринимаемых работ — они чувствуют себя проигнорированными, но не осужденными. Новые идеи могут быть поспешно отброшены, однако многие ученые уверены, что лучшие работы самопроизвольно всплывут на поверхность.

Более жесткие ограничения включаются, когда не-ученый проявляет интерес к ряду научных работ. Полунедельное излечение от рака, о котором возвестил *National Enquirer*, является крайним, но типичным примером искажения научных находок писателями в угоду читателям, невнимательным к научным предупреждениям и невежественным в вопросах статистической логики. Издатели и авторы *National Enquirer* обращаются не к авторитетам, признанным в исследовательской области, они

ищут тех, кто, обладая сомнительным научным удостоверением или членством, согласен сделать сенсационное заявление. Нередко авторы обнаруждают свои собственные заключения, выдавая их за научные.

Обычная публика воспринимает простое удостоверение с преувеличенным и неадекватным уважением. Все «эксперты» рассматриваются как равные: доктор — это доктор. Авторитеты, высоко ценимые в исследовательских кругах, никак не выделяются среди тех, кто просто считается компетентным или даже некомпетентным. Пол Райсман представил в *New York Times* обзор работ Кастанеды с такой авторитетностью, которой мог бы позавидовать Уэстон ла Барр. Непосвященный человек мог посчитать Стэна Уилка общепризнанным авторитетом в вопросах творчества Кастанеды, чьи доводы должны предпочитаться аргументам Ральфа Билза. В среде антропологов ла Барр и Билз являются признанными авторитетами кастанедовской тематики, в то время как ни Райсман, ни Уилк не имеют подобного статуса. Однако все они — профессиональные антропологи, и это может показаться достаточным для среднего читателя.

Если в среде «экспертов» есть разногласия, то публика слышит лишь то, что хочет слышать, не взвешивая доказательства, не сравнивая квалификации спорящих «экспертов». Такую путаницу можно поощрить. «Разрушение единодушия научных доводов — это намеренная тактика некоторых групп давления», — заключает Барнс, изучив огромный отклик, вызванный обсуждением несколькими шарлатанами (вопреки подавляющему единодушию ученых) связи между курением и раком и эффективности фторизации.

Сенсационные утверждения привлекают редакторов и читателей не только *National Enquirer*. Пресса вознаграждает ученого вниманием и деньгами за обращения к широкой аудитории, лишённые деталей, документальных подтверждений и мелких подробностей. Между тем подобная популяризация низко ценится среди коллег-профессионалов, которые относятся к ней очень подозрительно. Отношение людей своего круга очень важно, поэтому человеку, приверженному профессиональной карьере, нелегко решиться на популяризацию. В вы-

шей школе, где зарождается приверженность к профессиональной карьере, будущие ученые учатся ставить доброе отношение своих коллег выше грубых наград невежд, таких, как гонорары и истории на обложках *Time*. Внутри научных дисциплин действует иерархический статус, основанный на важности вклада в проводимые исследования. Ученый, стремящийся рассказать кому-нибудь, кроме коллег, больше, чем уже известно, имеет меньше времени на расширение фронта исследований, а поэтому уменьшает свои шансы на достижение уважения в своей среде.

Борьба с иллюзиями тех, кто был увлечен эклектическим мистицизмом Кастанеды, не способствовала ни научным достижениям, ни повышению профессионального статуса. Поэтому антропологи, расценившие работу Кастанеды как некомпетентную и ненаучную, не заботились о том, чтобы обнародовать свои контраргументы. Они считали, что коллеги разделяют их мнение и, таким образом, нашли оправдания для продолжения своей собственной работы. Если Кастанеда пишет научную фантастику или вдохновляющие произведения, думали они, то какие обязательства заставляют их критиковать его? Открытое обличение могло бы быть интерпретировано как зависть к успеху Кастанеды.

Приняв во внимание утверждение Томаса Куна, что новые направления в науке не всегда понятны, приверженцы антропологии поделились с Кастанедой некоторыми сомнениями, не осудив новой парадигмы. В отличие от большинства социологов, антропологи были поражены, вернее, смущены этнометодологией, с которой, как они слышали, Кастанеда был как-то связан. Таким образом, не будучи уверенными в своих мотивах, они воздержались от выражения скептицизма по поводу отчетов Кастанеды.

Еще одной причиной молчания являлось отсутствие установленных средств борьбы с научным беззаконием. Ученых не лишают степеней. Если бы Кастанеда представил свою работу в научном журнале, она бы вызвала критические отклики, однако он не сделал этого, отказавшись предоставлять информацию, необходимую для оценки принадлежности его работы к этнографии. Его популярные произведения не удовлетворяли «при-

нятым канонам антропологических отчетов», сообщает Билз. «Он отказывается следовать элементарным правилам антропологической игры». Отказавшись от поисков академической должности, не представляя свою работу для научной публикации, не соглашаясь на критический обзор, Кастанеда ставит себя вне антропологии. Антропологи, в свою очередь, согласились оставить его наедине со своими фантазиями и читателями, хотя многие читатели ошибочно считают его труды антропологическими.

Я утверждаю, что игнорирование всего, что воспринимается как ненаучное, является стандартной процедурой для всех научных дисциплин. Только тогда, когда рассматриваемая работа не увильивает от научных рассуждений, когда она воспринимается серьезно некоторыми учеными, становится видимой ученая насмешка. Когда профессиональный антрополог похвалит работу Кастанеды на страницах официального издания, только тогда те, кто прежде игнорировал Кастанеду, решатся публично обнародовать свои суждения. Когда неформально организованный скептицизм не сможет похоронить работу внутри дисциплины, тогда публичная дискуссия станет необходимой.

Социологи проявляют заметный интерес к диффузии новых идей и методов, к тому, что из признанного важным передается по неформальным сетям. Мы уделяем больше внимания выпечке хлеба из высококачественной пшеницы, чем процессу отсеивания научной мякины. Однако в то время как профессиональная социализация Кастанеды провалилась по всем статьям, научное *приятие* его трудов приспособилось к стандартной социологической модели, которой оперирует наука. Изучение случая с Кастанедой раскрывает трудности, возникающие из-за того, что научные идеи просачиваются за пределы академического уединения и обсуждаются непрофессионалами.

Научные учреждения слабо экипированы для того, чтобы выступить единым фронтом против общественного непонимания или незаинтересованности в существовании внутри дисциплины принятых границ компетентности. Над известными учеными, высоко ценящими признание коллег, осуществляется заметный общественный контроль — над теми, кто оторвался

от науки, контроль меньше, а непрофессиональная пресса вообще остается бесконтрольной.

Ученые обычно *не* заинтересованы в объяснении собственных исследований и оценке ошибок своих коллег. Обычно они понимают, что общественность не нуждается в точных руководствах, а те, кому они нужны, получают их по своим каналам. Даже те ученые, кто не ослеплен элитностью своего положения, всегда остаются в стороне от единодушия экспертов (так президент отвергает находки президентской комиссии) и возлагают работу по популяризации трудов на менее ответственных представителей своей дисциплины. Кроме того, я полагаю, что недоброкачественные исследования могут ввести в заблуждение тех, кто не подготовлен для их чтения. Ученые искренне верят, что любой здравомыслящий человек, желающий изучить конкретный труд, всегда может это сделать.

Существует двойная ошибка воображения. Представители широкой публики наделены низкой терпимостью к двусмысленности и не заботятся о научных методах и статистической логике. Они требуют ясных, определенных ответов, однако наука не в состоянии их предоставить. Творцы науки не могут понять, что публика проявляет серьезный, хотя и наивный интерес к науке. Это одна из причин, по которым ученые нетерпимы к своим коллегам, пытающимся просветить общество. Для того чтобы разорвать этот порочный круг, требуется много энергии. Эту энергию не согласны тратить ни ученые, ни общество, потому что никого не заботят ни чужие, ни свои заблуждения.

Часть III

УВЛЕЧЕННЫЕ СОЮЗНИКОМ

RdeM

«Вращение с твоим союзником, — сказал дон Хуан — изменит твою идею мира». Карлос хотел точно знать, что представляет собой союзник. Дон Хуан заметил, что не существует способа для точного описания того, кем является союзник. Способ понимания союзника определяется индивидуально. Тем не менее было ясно, что союзник был «целью познания», фактором, «способным переносить человека за границы его сущности», духом, которого нужно было побороть, прижать к земле и сжимать до тех пор, пока он не отдаст свою энергию. Человек, который не имел «прочного основания», мог быть побежден союзником. Человек, который пытался, но не смог овладеть союзником, мог быть «унесен в неизвестное место», обратный путь откуда очень долг, путешествие, из которого человек никогда не вернется к прежнему «я».

Для многих своих читателей Кастанеда был союзником, который появлялся в различных обликах. Для антрополога Пола Райсмана он был профессиональным коллегой, который как никто другой приблизился к достижению идеала в своей работе. Для парапсихолога Ричарда Рейхбарта он был одним из двоих преданных науке исследователей, которые желали причислить самих себя к пси-талантливым членам долитературных культур. Для сокурсника по колледжу Нейла Эриксона он был достаточно глупым хроникером изумительной реальной магической жизни в ином мире, о котором другие только мечтают.

Каждый из этих людей был захвачен союзником. Каждый был унесен прочь ветрами вдохновения, только для того, чтобы найти себя в месте, где вещи не являлись чем-то обычным и ожидаемым. У каждого было длинное возвращение, но они

обладали силой для совершения путешествия и отвагой рассказать об этом.

Это повествование не было легким. Путешественник должен был следить за тем, чтобы не быть захваченным ложными обещаниями, должен был осознавать чувство огорчения, злости, не цепляться ностальгически за уже нарушенные обещания, должен был рисковать, отвергая и скептиков, и читателей. После похвалы первых трех книг Кастанеды в журнале «*Нью-Йорк Тамс Бук Ревью*» как «наилучших среди книг, выпущенных в области научной антропологии», Райсман сейчас должен сказать, что они вообще не были научными, хотя все еще представляют собой ценный материал для исследователей. Глубоко тронутый четырьмя книгами о доне Хуане, Рейхбарт сейчас говорит, что он был раздражен пятой книгой и опечален трагическим концом такого многообещающего начала. После проведения семи лет в отдельной реальности в поисках дона Хуана, Эриксон сейчас столкнулся с тем фактом, что этот предположительно глупый хроникер выдумал изумительный магический мир и похитил у исследователя целых семь лет.

Каждый из этих людей честно пишет о своей борьбе с союзником и рассказывает о том, как далеко он ушел в своем собственном путешествии. Африканист Пол Райсман, который пишет здесь как философ, является профессором антропологии в Карлтонском колледже. Ричард Рейхбарт хотя только претендует на звание доктора наук в области клинической психологии в Городском университете Нью-Йорка, является также юристом, который специализируется по правовым проблемам американских индейцев. Он распространяет журналы по парапсихологии — области, которую он смело относит к антропологии, — вне споров о Кастанеде. Нейл Эриксон, рассказывая свою автобиографическую историю, доказывает свою подготовленность как графика, прекрасно ее проиллюстрировав.

23

Пол Райсман **Фантастика искусства и науки или существует ли на самом деле дон Хуан?**

Чем дальше Карлос Кастанеда пишет, тем больше он пишет о страхе. Семь лет назад, когда я просматривал его первые три книги, мне не приходило в голову сомневаться, что Кастанеда пытался представить как можно более правдоподобную на его взгляд информацию о его ученичестве у дона Хуана, мага из племени индейцев яки. На мой взгляд, это был обоснованный и достойный похвалы этнографический подход — подход, где писатель не просто представляет свои выводы об обществе или ситуации, которую он изучал, а дает наиболее полное представление об опыте и ситуациях, на которых эти выводы основываются. Но действительно ли Кастанеда делает это? Джойс Кэрол Оутс, возможно впервые, выразила в печати мысль о том, что кастанедовские книги могут быть фантастикой, а не антропологией. Некоторые антропологи, в частности Уэстон ла Барр, критиковали Кастанеду за скудность этнографического материала; Оутс, однако, не выражала критических замечаний, но говорила, что книги выглядели как создающие «характеры» и оригинальный жанр о посвящении молодого человека, который мы можем найти у Гессе в «Сидхардхе». Оутс говорила, что книги кажутся слишком хорошими, чтобы быть фактическим описанием, каковым они были представлены. В то время как антро-

положи могли лучше судить об их научной ценности, по ее мнению, книги были ближе к фантастике.

После окончания *«Путешествия в Икстлан»* я почувствовал, что это, должно быть, последняя книга в серии. Карлос внезапно прервал свое ученичество в третий раз, и у читателей сложилось впечатление, что он сказал так много, как только допустимо о секретах магов. Я не воспринимал вопросы Оутс слишком серьезно в то время, но когда вышли *«Сказки о силе»*, я был удивлен и озадачен. Приблизительно в то же время, будучи в Африке, я получил письмо от Ричарда де Милля, который писал *«Путешествия Кастанеды»*. Его письмо, а вскоре и книга, вызвали у меня серьезные сомнения о цели книг Кастанеды и о достоверности источника. С того времени, честно говоря, я был в замешательстве; я просто не знал, что думать о Кастанеде. Прочтение его пятой книги *«Второе кольцо силы»* озадачило меня еще больше. Некоторые описания в этой книге выглядели вымышленными или притянутыми за уши. Эта книга не так увлекла меня, как предыдущие четыре. В то же время я чувствовал полное отсутствие опыта в изучении шаманизма или каких-либо форм расщепления личности, вызванные наркотиками или другими средствами; таким образом, у меня не было четкого представления, которое помогло бы мне «триангулировать» мою позицию относительно Кастанеды. Но если я не был компетентен, зачем писать о Кастанеде и какое я имел на это право? Причина в том, что я был под его влиянием и чувствовал необходимость разрешить спорные вопросы наилучшим образом. Я предлагаю принимать мои высказывания не как слова специалиста, а просто как попытку прояснить мои собственные мысли.

Двумя главными вопросами, которые я хочу обсудить, являются: 1) что говорят нам книги дон Хуана о мире, и 2) имеют ли они значение, если они всего лишь фантастика?

Если книги являются честной попыткой показать читателям, что значит оказаться в мире магов, тогда мы, как ученые, обязаны найти какой-то способ придания смысла кастанедовским нередко причудливым опытам. Что эти опыты говорят нам о мире и отношении к нему человека? Многие из фило-

софских затруднений прекрасно разрешаются самим доном Хуаном и могут быть обобщены таким образом:

Когда мы, человеческие существа, смотрим на мир, образы, которые мы получаем, не соответствуют тому, что есть «действительно там», а являются на самом деле продуктом постоянного внутреннего диалога, который мы обычно ведем сами с собой и который говорит нам, что именно мы видим в любой момент. Наш способ видения мира является не единственным подходом к реальности, а всего лишь одним из возможных «истолкований» чего-либо находящегося там. Маги могут познавать мир способом, который радикально отличается от нашего обычного, западного способа, и их способ дает силу нам самим и нашей природе, которую мы не осознаем.

Слабым местом в книгах Кастанеды, с точки зрения этнографии, является то, что существует только одно противопоставление — между миром дона Хуана или других учителей и мировоззрением наивного ученика. Противопоставление замечают неспециалисты западной культуры, поскольку его приводят скептики книг Кастанеды, принимая как фундаментальное положение о физической сущности вещей. Они полагают, что мир является миром вещей; они думают, что феномены энергии, развития и жизни самой по себе проявляются, когда меняются пространственные взаимоотношения между этими вещами. Для магов, однако, мир представляет собой мир силы и энергии (одной из разновидностей которых является «союзник»), которые не имеют определенной формы, но принимают форму только тогда, когда мы смотрим на них.

Что Кастанеда упустил здесь, — так это то, что многие незападные люди, включая, возможно, индейцев яки, обычно думают таким образом. Различие магов от не-магов заключается в том, что в то время как не-маг работает со своими учениками для того, чтобы поддержать их хрупкое соглашение о форме мира, маг открывается и ищет встречи с этими ужасающими силами, чтобы подчинить их себе.

Но одна вещь звучит правдоподобно для меня у Кастанеды в отношении магов — это жестокий, эгоцентрический поиск силы всеми персонажами его книг. Этот поиск особенно ясно прослеживается в книге «Второе кольцо силы», где тема самоу-

довлетворения проходит через все, приводит героев к тому, что они могут убить друг друга или пожертвовать своими собственными детьми для того, чтобы стать «полными» и таким образом получить возможность уйти в необычайно красивые миры, которые невозможно посетить при обычном восприятии. Маги не видят людей как людей. В конце книги «Путешествие в Икстлан» дон Хенаро говорит, что обычные люди больше не кажутся ему настоящими после того, как он стал *видеть* как маг. Эти антисоциальные моменты хорошо согласуются с отношением неспециалистов и широко описаны в антропологической литературе, в частности, в широко распространенных поверьях о том, что маги и ведьмы убивают или едят людей, причем часто своих собственных детей или близких родственников. Все мы знаем это ощущение чего-то сверхестественного, которое часто доходит до паники, когда человек, с которым мы общаемся, — особенно если он сильнее нас — не хочет рассматривать нас как реальность. Но согласно дону Хуану, ни мировоззрение мага, ни обычное мировоззрение не являются реальностью. То, что собственно происходит там, может не быть осознано, потому что осознать — значит создать образ, значение которого мы получили, когда росли как социальные существа. Отдельная реальность существует. В нее можно попасть, когда мы останавливаемся, осознавая мир. Она существует тогда, когда мы полностью остановили мир и говорим себе, что мы видим. Задача человеческих существ не только найти ее, но и осознать, что это не умственное расстройство и что на самом деле реальность мира является результатом нашей умственной деятельности. Но они также обнаружат, что «остановить мир» почти невозможно, поскольку нужно остановить постоянный поток мыслей, которые делают реальными кажущиеся осознания. Даже не все маги могут делать это. Но маги обладают преимуществом того, что живут в двух мирах, как говорил дон Хуан, и поэтому имеют возможность проскальзывать в «щель между мирами».

Излагаемая таким абстрактным образом, эта философия реальности приблизительно соответствует тому, во что я сам верю. Но что можно сказать об описанных Кастанедой опытах, которые при всех их прелестях и ужасах часто кажутся несовместимыми с нашим обычным взглядом на людей и природу?

Если Кастанеда действительно думает, что с ним происходили эти опыты, он — сумасшедший, или на самом деле нечто удивительное существует, и большинство из нас это просто игнорирует? Что заставляет нас верить в подобные чудеса? Может, скука, страстное желание убежать от однообразия повседневной жизни? Или, как утверждает Марвин Харрис, это незаметно подкрадывающаяся мечта нашего среднего класса о протесте, чтобы удержать привилегированную позицию в мире, провозглашая, что реальности, как и расовое угнетение, колониализм или милитаризм, уйдут прочь, если мы перестанем о них думать? Посмотрим ли мы смело на положение людей, вещей и дел, получив такую возможность, если придем к выводу, что существует другая правдивая и необъяснимая реальность?

Я нахожу доказательства для всех этих трех факторов в моем собственном отношении к Кастанеде. В этом эссе, однако, я не хотел бы отвечать прямо на эти вопросы. Каждый из этих вопросов затрагивает наше отношение ко второму важному спорному вопросу, который поднимается по поводу книг Кастанеды: за счет чего можно отнести его книги к фантастике или к реальности? Некоторые писатели касались этого вопроса только для того, чтобы прекратить его обсуждение. Дэвид Сильвермэн, например, чувствует, что он может использовать *Учения* как вид парадигмы для решения проблем социологического исследования несмотря на то, является ли эта книга действительностью или вымыслом. Это правильно: многие учителя находят, что рассказы содержат социологическую или психологическую «правду» в более ясной или читабельной форме, чем они обычно преподают при формальном обучении. Для некоторых дидактических целей, следовательно, не важно, является ли работа действительным фактом или вымыслом; но имеет ли значение все это на самом деле? Да, некоторое имеет. Первое, что приходит на ум, заключается в том, чтобы использовать дона Хуана для утверждения собственных представлений о вещах.

Ранее я говорил, что многие идеи, высказанные доном Хуаном, совпадают с моей собственной философией. Когда я впервые прочитал *Учения*, я был очень взволнован не только кастанедовскими очевидно правдивыми сообщениями о его «поле-

вых исследованиях», но также и тем, что мои идеи совпадали с идеями дона Хуана. Я видел человека, который развил философию, основанную на долгом опыте и традициях, которые практически не испытали влияние западного мира. Кроме того, то, что он говорил, было сформулировано четко и ясно, и воспринималось мной только через опыт или изначально. Да, Вирджиния, это Санта Клаус. Глубоко веря, как мы делаем это в социальной науке, что верования и идеи не являются ни внутренним, ни прямым переложением на язык действительных свойств явлений, но являются преимущественно продуктами нашей социализации и «культурных влияний», когда мы получаем подтверждения наших идей от кого-то в таких разных подачах, как у дон Хуана, мы усиливаем наше ощущение реальности, потому что мы чувствуем, что совпадение его идей с нашими происходит от соответствия этих идей природе вещей. Такой же способ мышления лежит в основе важности, которую мы придаем повторяемости и воспроизводимости экспериментов в науке.

Если книги Кастанеды являются фантастикой, тогда у нас не будет уверенности в том, что все события в них происходят в рамках человеческих возможностей. Тогда мы не сможем принять взгляд на мир, описанный в них, как результат незападного опыта. Наука помогает нам повысить наше понимание мира с помощью «фактов» для познания сути вещей, что не позволяет четко вникнуть в само явление, каким бы ни было наше настоящее объяснение его. Если дон Хуан и его компаньоны в действительности делали то, о чем говорит Кастанеда, и если это привело Кастанеду к приобретению опыта, о котором он рассказывает, тогда, как мы уже сказали, антропология обязана была бы включить эти данные в свой теоретический арсенал. Антропологи могут сильно проиграть на этом, однако в этом случае материалы Кастанеды могли бы стать «аномалией» — по мнению Куниана — и бельмом на глазу антропологии, пока не сформируется новая парадигма, которая объяснила бы их (или пока они постепенно не исчезли бы из памяти). С другой стороны, если эти книги являются плодом воображения, нам нечего волноваться о возможном несоответствии с антропологией. Как и в случае с пилтдаунским человеком, как мы уже

объясняли, то, что мы видим, является шуткой или результатом стремления к славе или богатству, что делает излишним и неуместным объяснение его в терминах законов природы.

Подождите минутку. Может, мы и можем уйти от антропологии, но можем ли мы уйти от себя? Основным принципом кастанедовских книг является то, что опыт не есть что-то такое, что просто случается с нами, а то, что мы сами в большой степени создаем, хотя мы обычно не осознаем свою роль как создателей. Даже если дон Хуан не «существовал в действительности», его не-существование не означает, что это положение можно полностью отвергнуть. С одной стороны, если это положение правдиво, главный вопрос о существовании дона Хуана становится менее важным, потому что, каким бы способом он не появился в книгах Кастанеды, это артефакт чьего-то восприятия. Восприятия не только Кастанеды, но и наших читателей тоже. В конце концов, даже более процветающая литературная критика полагает, что чтение также является творческим процессом, видом сотрудничества между читателем и автором. Таким образом, процесс чтения является опытом, который отличается, иногда очень сильно, от того, что хотел сказать автор. Сложность здесь заключается в том, что каждый читатель должен решить сам для себя, о чем говорят книги Кастанеды или любые другие книги.

Но наука — это коллективное предприятие. Даже если научная работа выполнена отдельными лицами, которые работали одни, мнение как о значении, так и о ценности работы выносится «научным сообществом». Мы даже используем такую метафору как вес, говоря, что общий вес научного мнения склоняет чашу весов в пользу одобрения той или иной теории. Как в сообществе появляется идея или мнение? Какова природа весов, на которых общество взвешивает работу? Процесс не может быть ограничен индивидуальным опытом или восприятием. Действительно, процесс достижения научного консенсуса является противоположностью личностного опыта, потому что главной сущностью почти всех научных методологий является попытка перенести собственный вклад личности в ее восприятие. Наука и искусство, таким образом, идут в противоположных направлениях, по крайней мере в этом случае. Ху-

дожник пытается передать то, что является личным, не осознавая при этом, как много раз он это делает. В то время как ученый — включая основную массу социологов — пытается передать что-то, не обращая внимания на свое восприятие, записывая и анализируя. Ни ученый, ни художник не могут полностью уйти от воссоздания качества восприятия — действия, при котором мы делаем то, что видим. Например, наиболее важные достижения в ядерной физике произошли с помощью огромного ускорителя частиц, который человек построил с целью не только записать, но и воспроизвести события, которые иначе почти никогда не происходят на Земле. Мы называем это экспериментом, а не работой искусства. Почему? И снова, потому, что целью всего процесса является максимальное ограничение индивидуального влияния на информацию из Вселенной.

Способ поведения, наблюдаемый с помощью антропологии, кажется, выражает обычные идеи, важные для научного сообщества: 1) человеческое сознание и Вселенная являются двумя совершенно разными вещами; 2) главная функция человеческого сознания заключается в представлении Вселенной, но оно делает это несовершенно из-за ограничений, присущих нашим воспринимающим системам; 3) если мы хотим понять Вселенную — и мы ее понимаем, — мы должны прежде всего свести к минимуму допускаемые человеком ошибки и индивидуальную интерпретацию для того, чтобы как можно ближе подойти к пониманию окончательной структуры реальности, не искаженной механизмами восприятия или познания.

Тогда правда будет «находиться вовне», а не в нас самих. Любая идея реальности, возникающая вследствие использования методов, которые не исключают — или исключают лишь в некоторой степени — индивидуальное участие в творении этой реальности, является ненаучной и, следовательно, не может быть названа действительной. Давайте шире расшифруем эти идеи и их социальные взаимоотношения. В первую очередь заметьте, что идея индивидуального человека как участника процесса образования мира или пересматривается, или отвергается. Это не противоречит тому факту, что наше общество высоко ценит индивидуальные достижения, делая это, конечно, с оговоркой о типе достижения. Та степень, которую люди

чувствуют, ценится обществом, она считается действительным достижением, не похожим на процесс творения реальности всеми участниками. Мы все понимаем, что наше общество нуждается в умных, одаренных творческими способностями, чутких людях, и некоторые из нас имеют счастье чувствовать, что наилучшее в нас действительно впереди или будет оценено при его появлении. Различные попытки «гуманизировать» работу безоговорочно открыто признают такую ситуацию: организация большей части работы в нашей структуре заключается в том, что индивидуальный человек получает свою собственную способность для формирования реальности, чтобы изменить и прервать спокойный поток действий. Возможно, из-за того, что наши жизни так очевидно зависят от успеха нашей замкнутой структуры, это восприятие обществом нашей ценности обобщается в целую общественную и политическую систему.

Во-вторых, идея о том, что правда находится «вовне» и наша задача заключается в ее поиске, похожа на религиозную идею и напоминает мне тезис Дюркгейма о том, что общество создает бога, который является «коллективным образом» общества, и что в поклонении богу общество в действительности вновь подтверждает свое собственное существование. Рассматривая науку, этот способ помогает нам увидеть, почему мы в нашем обществе обращаемся за руководством или к законам природы, или к Богу, как это принято в протестантизме, а также почему мы не хотим, чтобы руководство фальсифицировалось «интерпретациями». Ученый, протестант, даос, а также дон Хуан — все хотят прямо противостоять Богу или Природе. Цели «отлучения чьего либо участия в образовании реальности» и «остановки мира» являются в основе своей одинаковыми. Но в то время как даос видит себя как составную часть и выражение природы, протестант или ученый видит себя чем-то другим: он чувствует крайнюю неполноценность и чрезмерное тщеславие одновременно, неполноценность перед Богом или Космосом и высокомерное отношение к материальному миру. Первичный источник этого противоречия чувств, широко распространенных в нашей культуре со времен Перикла, заключается в ежедневном противопоставлении нашей принадлежности к чрезмерно мощному доминирующему над природой обществу, в

котором наше участие сегодня выглядит неэффективным, саморазрушительным или вредным для кого-то.

Ученые, подобно магам, часто считают себя отличными и стоящими выше обычных людей, потому что видят вещи, которых не видят обычные люди, и манипулируют силами, о которых обычные люди ничего не знают. Подобно магам, они отмечают, что обычным языком нельзя описать мир, в котором они действуют. Как ученые, так и маги по крайней мере косвенно различают абсолютные отличия первичной реальности, чем бы она ни была. Но дон Хуан, подобно мистикам в целом, чувствует, что это отличие не может быть увидено, его нельзя описать отдельно, когда мы находимся в обычном состоянии ума, потому что, как мы уже сказали, видеть обычно — означает творить реальность в соответствии с тем, что нам уже известно. Говорить о мире в целом означает вносить в него некоторые элементы нашей собственной субъективности. Несомненно, существуют ученые, которые чувствуют таким же способом (но противоположный распространенный взгляд науки заключается в том, что чем больше мы исследуем, тем ближе мы подходим к пониманию реальности), который подразумевает, что такое понимание может быть принято, как и любые другие факты.

Эта широко поддерживаемая идея является ложной, что будет показано далее. Для одной вещи существует единственная правдивая реальность, принимаемая всеми людьми, и не может быть, чтобы она пряталась за бесчисленными версиями реальности, которые выражают бесчисленные взгляды на мир. Причиной этого является то, что реальность, которая выглядит наиболее истинной для любого человека, является тем, что служит в качестве рамок для направления нашей жизни. В то время как многие ученые будут отрицать, что они знают истину или даже ищут ее, многие жители Запада, как мы видим, обращаются к науке как к авторитету при возникновении сложных проблем для их решения. Я считаю, что поиск понимания заключается в том, чтобы различать несоответствия нашего настоящего знания и нашего настоящего языка, и различать необходимое стремление изолировать нас друг от друга. Ученые, таким образом, изолированы не только друг от друга из-за различных дисциплин, которые они изучают, но также от соседей и сограж-

дан — своим отрицанием общих способов понимания и объяснения вещей. Итак, не является ли противоречием и химерой надежда, что мы в один прекрасный день *полностью обречем* понимание того, как устроен мир?

Мир является таинственным, потому что мы обладаем способностью быть мистифицированными им. Это вежливый способ сказать, что мы действительно не так умны и что нет отдельной ниши в мире, к которой мы принадлежим. Наше игнорирование плана природы, если он существует, позволяет нам полностью изменять лицо Земли и пользоваться формами энергии, которые, будучи освобожденными, могут прекратить видимый эволюционный эксперимент, частью которого являются все живые существа. Если эволюция является случайным, слепым процессом, тогда мы, человеческие существа, тоже слепы в том смысле, что мы никогда не можем быть уверенными ни в том, к чему мы стремимся, ни в том, что, как мы предполагаем, мы делаем здесь, не зная, какими будут последствия наших действий. Тому, что мы предполагаем и что мы знаем о жизни, мы обучаемся друг у друга и из собственного жизненного опыта в структурах знания и общественной жизни, которую создали наши предшественники. Структура нашего собственного общества, например, является очень сложной. В частности, одним из аспектов этого является самоувековечивание различных этнических групп, высших и низших общественных классов и большого разнообразия занятий. Живя в таком сложном обществе, индустриальном или другом, люди почти неизбежно переживают «детерминизм» и «причинность», потому что для них очевидно, что прошлые события, как и рождения в определенной среде, определяют или являются причиной многих событий в их жизни. По этой причине граждане сложных обществ стараются принять как самоочевидные такие идеи, как «судьба» или «естественный закон». Эти идеи не просто витают в воздухе, чтобы их можно было принять или отбросить; скорее, они должны быть активно поддержаны. Не обращая внимания на то, является ли Вселенная окончательно детерминированной или причинной, люди в сложном обществе должны чувствовать свои места в его структуре, если это общество функционирует. Другими словами, люди должны действовать в таком обществе

и по возможности верить тому, что их поведение скорее детерминированно, а не определено их собственным выбором.

Художники, так же как и ученые, обычно отображают такой взгляд на мир — доказательством этого являются, например, великие греческие трагедии. Но в отличие от ученых, художники всегда расставляют акценты на непредопределенности человеческих действий, идее, что в жизни мы должны и можем выбирать то, что нам делать. С громадным скачком науки в XIX — XX веках свобода воли и выбора, предложенная художниками, стала казаться все более и более фантастической. Обращаясь к себе, столкнувшись с громадным детерминированным миром, в котором живу, я обнаруживаю, что я очень мало доверяю своему собственному воображению и, следовательно, не могу действительно поверить кому-нибудь еще. В этом контексте книги Карлоса Кастанеды являются очень беспокоящими. Их силой является литературность, в чем они значительно утверждают творческую способность человека и его обязанность делать осознанный выбор во всем, что он делает. В то же время эти книги скрываются под маской науки, где цель (с переменным успехом), как мы видели, заключается в сокращении вклада наблюдателя в получаемые данные и получении результата, который полностью детерминирован этими данными. В *Учениях* Кастанеда предстает человеком, преследующим научную цель. Действительно, структурный анализ в конце выглядит упорной, старательной попыткой ограничить опыт записями данных и ничем кроме них. Более того, в *Отдельной реальности* и *Путешествии в Икстлан*, продолжающих использовать записи, почти фанатическая озабоченность Карлоса «записыванием всего» в свою записную книжку заставляет поверить читателя в то, что цель книги является научной. Но после прочтения четвертой и пятой книг, а также после опубликованной критики я думаю, что Кастанеда умышленно стирает грань между наукой и литературой. Он не дает читателю ни материальной, ни риторической основ, которые обычно помогают почувствовать, что читается научное сообщение. В то же время, он никогда не говорит, что он выдумывает характеры или события. Если Кастанеда делает одно или другое, он в действительности говорит, как читать его книги. Воздерживаясь от выполнения одного или

другого, он вводит нас, читателей, в положение, в котором Карлос продолжает оставаться героем. Кастанеда оставляет нам решать, является ли это «реальным» или нет, так же, как дон Хуан предоставляет это Карлосу в известном эпизоде, где Карлос спрашивает, действительно ли он летал. Причина этой параллели, мне кажется, в том, что Кастанеда хочет усилить одну из главных идей в его книгах, в частности то, что мы используем силу намерения и можем стать *видящими*, о чем мы обычно не подозреваем, и что все, что мы считаем реальным, в действительности является частью нашего собственного воображения. Нравится нам это или нет, истина тогда не находится «вовне» независимо от нас; если мы хотим узнать истину, мы должны делать это для самих себя.

Я нахожу ужасным то, что Кастанеда дидактически стирает грань между наукой и вымыслом — это стирание, которое приводит к отождествлению науки с фантастикой. В некотором смысле, конечно, это так. И это не новая идея. Решающим моментом является то, чем отличается научная фантастика от литературной. Мы можем подытожить наши рассуждения, говоря, что литература упорядочивает вымыслы о мире с целью рассказать нам правду об опыте и намерении, в то время как наука фантазирует об опыте и намерении с целью рассказать нам правду о мире. Существование между этими двумя позициями вызывает в нас напряжение, и таким образом мы часто пытаемся позволить одной позиции преобладать над другой. Даже если он описывает действительные события, Кастанеда пишет литературное произведение не по антропологии, и даже не по антропологическим интерпретациям. Это не одно и то же, что делать антропологию искусством. Скорее, это отменяет попытку сделать ее наукой.

Мы не можем отказаться от науки, потому что мы видим сейчас, как важно для жизнедеятельности индустриального общества поддерживать научные направления и научное отношение к миру. Литературно-художественная хитрость Кастанеды наносит удар по главному устою нашего социального общества. Во мне вызывает противоречивые чувства, даже сейчас, вопрос доверия к его работе, поскольку несмотря на мое несогласие со многими чертами нашего общества, я более чем кто-

либо другой в западном мире хотел бы увидеть социальную систему, которая была бы прочно основана на знании устройства Вселенной. Но повсеместно люди полагают, что именно такую социальную систему они и имеют. Антропологи, изучавшие различные культуры, обнаружили, что народные легенды о природе не соответствуют *нашему* представлению о реальности, но только служат для поддержания и узаконивания местной социальной структуры. Книги написаны так, чтобы преобразовать антропологическое исследование в мистическую группу лиц, при этом Кастанеда использует наше глубоко утвердившееся доверие в правдивости науки, чтобы заставить нас не сомневаться, что это правда.

По иронии, мы через антропологический парадокс приходим к лучшему пониманию своего собственного общества: мы начинаем понимать, что для нас, как для «примитивных» людей, истинное возрождение нашего общества зависит от веры в то, что наши легенды о Вселенной, которые, как мы знаем, являются вымыслом, каким-то образом правдивы.

RdeM

Лайонел Абель, профессор английского языка, пишущий в догматически материалистическом «Гуманисте», удивил меня, высказавшись так: «Существуют обширные доказательства того, что что-то есть в том, что называется «пси-действием», и что такие действия проникают во все виды умственной деятельности. Я не думаю, что такую точку зрения можно опровергнуть или отбросить. ...То, что дон Хуан должен был сказать Кастанеде, было очень простым — как проникнуть в мир, в котором возможны *пси-феномены*». Тем не менее Абель нашел Кастанеду «весьма идеологичным», считая, что его нельзя принимать всерьез как человека, описывающего паранормальные явления.

Хотя большинство парапсихологов отвергло его, некоторые восприняли Кастанеду всерьез. Роберт Тулесс приписал ему концентрацию внимания на мистическом видении, скорее как возможной отдельной реальности, чем простой галлюцинации. Стюарт Холройд считает дона Хуана помогающим в объединении парапсихологии, антикультуры и нового сознания. Антропологи Скотт Литтлтон и Мерлин Добкин де Риос почувствовали новый дух парапсихологических исследований, который привнес Кастанеда в антропологию.

Представленный ранее читателям Ричард Рейхбарт был одним из тех парапсихологов, которые восприняли Кастанеду всерьез. «Кастанеда и парапсихология» выражает его более поздние размышления, возникшие при анализе литературы по парапсихологии, касающейся Кастанеды, и приглашает антропологов хорошо подумать, прежде чем опровергать *нагваль*, письменно или устно.

24

Ричард Рейхбарт Кастанеда и парапсихология

Когда я решил исследовать родство между работами Карлоса Кастанеды и парапсихологией, я не ожидал, что моя задача будет такой сложной. Но это произошло по нескольким причинам. Во-первых, два моих знакомых парапсихолога предостерегли меня о том, что противоречия можно найти буквально во всем. Один из них думал, что книги о доне Хуане — вымысел, другой полагал, что это было в действительности, но оба, поднимая этот вопрос, сходились в том, что из них нельзя извлечь никакой пользы для парапсихологии. Откровенно говоря, это являлось искушением оставить все это антропологам, которым ближе эта тема, чем вовлекать парапсихологию (у которой и так много проблем) в этот тяжелый спор. Но в конце концов я пришел к выводу, что как бы ни неудобно это было, я не смогу устоять перед возможностью показать публике, что в их обычных спорах о Кастанеде делается все, чтобы избежать дискуссии по парапсихологии. Во-вторых, я нашел задачу более сложной по причине вполне личной. Было время, когда Кастанеда глубоко тронул меня своими книгами, эмоционально и интеллектуально. Даже сейчас, в те редкие моменты, когда что-то случается в моей жизни, что-то напоминает мне случай или концепцию из книг о доне Хуане. С другой стороны, поскольку я читал книги и исследовал их весьма тщательно, я постепенно

обнаружил отклонения, потерю некоторых деталей и досадные, скучные, похожие на формулы части разговоров и событий. Из-за осознания этих двух различных впечатлений я чувствовал противоречивое отношение к работам Кастанеды, а также тревогу и сожаление, что то, что задело меня так сильно, является таким скучным. Я подозреваю, что это чувство противоречия лежало в основе желчности участников диспутов о Кастанеде, несмотря на их официальную позицию. В действительности, степень успеха, которой Кастанеда достиг в своих работах, в возникновении таких глубоких противоречивых чувств. Важной характеристикой «феномена Кастанеды» является необычное внимание, которое уделили его работам публика и профессионалы. По этой причине я попытаюсь здесь описать мое собственное восприятие книг о доне Хуане как с личной точки зрения, так и с точки зрения специалиста по парапсихологии.

Я прочел первые три книги о доне Хуане в начале 1970 года, только что вернувшись из оплачиваемой правительством поездки в резервацию индейцев племени навахо на юго-западе Соединенных Штатов. Резервация представляла собой обширные суровые пространства, прекрасную полупустыню, в которую вкраплены маленькие индейские поселения, *hogans*, столовые горы и часто посещаемые геологические образования (Огромная Долина, например, находится в центре резервации). Она практически полностью изолирована от современной «американской» жизни.

Там я жил и работал по личной договоренности с индейцами навахо больше года, изучая их верования, касающиеся злых действий и колдовства, и посещая их обряды. Вернувшись к моей собственной культуре, я испытал «обратный» культурный шок, постоянно интересуясь вследствие моего контакта с чувством реальности навахо, почему современная западная культура развила такую концепцию реальности, в которой «ум» не унаследовал причинных свойств и случаю придается большее значение, чем предопределенности, и эта концепция продолжает управлять нашим миром. Таким образом, книги Кастанеды были практически первыми книгами, отражающими мои собственные проблемы в то время. Они противопоставляли явного

представителя примитивной культуры со своими философскими доктринами представителю западной культуры.

Книги поднимают, например, такой вопрос: «Почему учение западной культуры уводит нас так далеко от наших «субъективных» восприятий, что мы больше не считаем их состоятельными? Что в действительности представляют собой галлюцинация, гипнотическое состояние или интуиция? Каково значение западной концепции «случая», когда это касается события в жизни отдельного человека? Подобные вопросы становятся для меня дорожными знаками на пути в личном поиске более удовлетворительного объяснения причинности, в поиске, который позволил бы мне (среди прочих вещей) изучить психические феномены. Но хотя книги Кастанеды являются одним из многих источников, которые стимулировали мои размышления в то время, они не удовлетворяли продолжающимся поискам научных ответов. И после того, как я начал изучать ответы более близкие мне, философское влияние трилогии на меня медленно рассеялось. Я потерял интерес к книгам, и только недавно прочитал четвертую и пятую. Я лишь смутно сознавал возрастающие противоречия, касающиеся достоверности описываемых Кастанедой событий.

С точки зрения парапсихологии, я также обнаружил, что работы Кастанеды иницилирующе интересны. Это происходило не из-за поразительных и очевидных ценностей пси-феноменов, которые они описывали, хотя Кастанеда не раз перечислял события, которые относились к пси-феноменам, сообразные парапсихологами из источников богатой западной культуры. Приведу некоторые примеры. Часто приводятся, иногда эмоционально сдержанные, случаи несомненной *телепатии*; они встречаются, начиная от неожиданных, несомненно пси-детерминированных встреч дон Хуана с Карлосом до случая, когда дон Хуан смог увидеть значительные события из прошлого Кастанеды (такие, как охота Карлоса на белого сокола, окончившаяся отказом от убийства, когда мальчик был на ферме у бабушки; курносый мальчик, которому восьмилетний Карлос сломал руку; блондинка, которая нравилась Кастанеде), до случаев, в которых Кастанеда смог получать телепатическую информацию (например, его видение молодого человека с рюкза-

ком, который украл книги из библиотеки и столкнулся с ним). Можно перечислить целый ряд искусственных *астральных проекций* или *опыта вне тела*, который происходил с Кастанедой или был рассказан доном Хенаро, причем некоторые из них сильно напоминали сообщения из нашей культуры. Наблюдались и другие, которые, казалось, нарушали законы парапсихологии, например, транспортиция физического тела астральной проекцией от места, где начался эксперимент. Приводятся случаи *психокинеза* (случай, когда дон Хуан не дал машине Карлоса завестись), и случаев *совместного видения* (когда Карлос и Паблито одновременно приобрели опыт ужасающего «нагваля»).

К тому же пси-феномены часто происходили в таком психологическом состоянии, которое специалисты в области психологии считают «пси-проводящим». Это состояние способствует появлению психических явлений, включая состояние гипноза, галлюциногенного действия наркотиков и веры с помощью внушения или обмана. Но парапсихологи никогда бы не цитировали отношение Кастанеды к этим феноменам только из-за их доказательной ценности. Со времени массовых исследований Британским Обществом Психических Исследований во второй половине XIX века, парапсихологи собрали сотни, если не тысячи, примеров спонтанно происходящих пси-феноменов — разнообразных по времени и месту, где они происходили, они были сопоставлены с соответствующими событиями, и таким образом для будущего это несравнимо больше, чем фактически обоснованный взгляд на то, что предлагает Кастанеда.

С другой стороны, было бы глупо ожидать от такого типа изучения, что Кастанеда описывает несомненно доказательные факты, которые кто-то нашел в хорошо регистрируемых спонтанных пси-случаях (или хорошо контролируемых пси-экспериментах). Антрополог, который описывает, как быть учеником мага, сталкивается с большим количеством практических проблем. Он должен быть готов встретиться с пси-талантливой индивидуальностью другой культуры на ее собственной основе, подвергнуть себя галлюцинациям, стрессовым ситуациям и гипнотическим состояниям, которые кажутся необходимыми, и

придерживаться ее обычно жестких «правил игры». Ничто из них не может быть само по себе «объективными» данными, чего можно ожидать в случае других обстоятельств.

Ученик мага или «участник-наблюдатель» не ищет воздушно-непроницаемые «объективные» доказательства, с которых нужно начать. То, что он ищет, является ценной феноменологической информацией, которую мы в другом случае упускаем: в чем состоит субъективный опыт ученика мага? Как маг пытается контролировать пси-феномены? Как пси-феномены совпадают с верованиями мага? Как парапсихолог, я очень много интересовался этими феноменологическими аспектами работ Кастанеды. К тому же Кастанеда подчеркивает пси-свойство, которое примитивные культуры охотно усвоили, а западная культура (и западные парапсихологи) стараются замолчать, — то есть то, что пси обладает как злобными, так и великодушными проявлениями; и атрибут животного пси часто появляется в примитивных культурах и очень редко в современной западной культуре. Это наблюдается в основном в случае человеческой субъективной тенденции при приобретении опыта в ощущении «соединения» с животным в процессе явной пси-коммуникации. Позднее в своей работе Кастанеда предположил, что степень, в которой примитивная культура обращается с «галлоциногенными» (как их без понимания происходящего называет западная культура) феноменами или «феноменами видения» как с признанным явлением, и поддерживает развитие этих феноменов в шаманской практике.

Книги Кастанеды делает вдвойне интересными то, что парапсихологи имеют очень небольшое количество феноменологических данных такого рода. В частности, обычно остается совершенно непонимаемым то, что только весьма необычный человек может подвергнуть себя такого рода эксперименту, как быть участником-наблюдателем. Кроме того, антропологи вообще не уделяют внимание субъективным экспериментам. Но наиболее важным является факт, который никогда не переставал удивлять меня: антропологи вообще не имели знаний в области парапсихологии и даже не интересовались ею. Когда они сопоставляли культурные события, в которых имели место явные пси-феномены (такие, как колдовство, шаманизм, рели-

гиозное исцеление, пророчества). Они чаще всего использовали любое множество социальных, психологических, вымышленных, биологических или экономических формулировок, чтобы объяснить культурные события или примитивные теории. Практически они никогда не принимали идею о подлинности психических явлений и не задумывались, что они могут вносить свой вклад в образование культурных институтов.

Ирония этой ситуации состоит в том, что антропологи собрали огромное количество парапсихологических данных без узнавания их как таковых. И эти данные просто ждут предприимчивого или парапсихологически настроенного человека, чтобы рассортировать и обработать их. Примером такого человека может быть Ден Шейлс, который недавно провел кросс-культурное изучение опытов «вне тела». С другой стороны, обычное для антропологов отсутствие парапсихологической подготовки оказывает влияние на их практическую работу. Они потерпят неудачу при серьезном изучении психических положений или психической практической техники людей, которых изучают (замечательное исключение представляет собой Рональд Роуз, изучающий аборигенов Австралии и их «умного человека»). Несмотря на то что в 1974, 1975, 1977 и 1978 годах происходили собрания Американской Антропологической Ассоциации, включая симпозиумы (различного рода) по парапсихологии, антропологи в целом воздерживаются от пси-гипотез.

В этом отношении антропологи не составляют исключения среди западных ученых. Отвергая факт, что изучение пси-феноменов началось значительно ранее XVIII века, с открытия, что явление месмерического состояния иногда сопровождалось телепатией и узнаванием на расстоянии, что среди тех, кто внес свой значительный вклад в парапсихологию, были такие яркие мыслители, как Вильям Джеймс, Зигмунд Фрейд, Чарльз Ричет и Пьер Жане; что в 1969 году Американская ассоциация научного прогресса с опозданием осознала необходимость психической науки, создав профессиональную организацию парапсихологов — Парапсихологическое общество с придачей ему соответствующего статуса. Несмотря на эти факты, нет указания, что современная западная научная общественность может смотреть равнодушно на то, как явления парапсихологии исследу-

ются немногим меньше, чем признанные пси-гипотезы. Конечно (чтобы полностью завершить цикл дискуссии), это непризнание западными учеными данных парапсихологии является основным моментом интеллектуальных столкновений между доном Хуаном и Карлосом.

С другой стороны, немногие современные парапсихологи включают или используют антропологические данные в своей работе (основной недостаток психологов вообще), именно так данные могли бы значительно улучшить наше понимание пси и культурным способом придать форму пси-проявлениям. Парапсихология является после всего чрезвычайно непопулярной сферой деятельности, хотя она всегда популярна: в Парапсихологической ассоциации насчитывается около 300 членов, большинство из которых не посвящает все свое время парапсихологии; фактически, никакие федеральные средства не вкладываются в парапсихологические исследования; и современному исследователю или учителю, которые проявят серьезный интерес к пси-феноменам, может быть дан профессиональный «поцелуй смерти».

Все это означает, что количество и разнообразие современных психических исследований очень ограничено. Кроме того, парапсихологи достаточно изолированы от окружающих: они показывают, в частности в Соединенных Штатах, в основном жестко контролируемые исследования игры в кости, карт Зенера, создают небольшое число генераторов, и по традиции Дж. Б. Рине и его ассистента, работавших в 30-е годы, надеются получить дополнительные «серьезные» доказательства существования пси — поэтому не случайно дополнительное определение парапсихологии как «серьезной» науки. Парапсихологи подозрительны к таким достаточно неэкспериментальным дисциплинам, как антропология. Только небольшая группа современных парапсихологов (например, Ван де Кастил, Эйзенбуд, Стивенсон, Осис и Харалдссон, Тарт, Рейхбарт) делают попытки объединить свою работу с антропологическими данными или теориями. В результате, когда появилась работа Кастанеды, она оказалась почти уникальной в этом роде. Насколько я знаю, есть только одна похожая работа, в которой доказательные факты намного солиднее. Это доклад Адриана Бошера о его ученичес-

тве в племени «сангомас» (sangomas) на юге Африки. С самого начала работа Кастанеды пострадала от того (он с готовностью это признавал), что он взял своего информанта из незнакомой культуры; мы не знаем, какие из взглядов дона Хуана были культурно предопределены (или, вернее, какой культурой). Несмотря на эту этнографическую двусмысленность и отсутствие доказательных данных, мне чрезвычайно понравилась работа Кастанеды в связи с удачным феноменологическим выбором, и я сделал об этом письменный реферат к первой книге.

Однако при подведении соответствующих итогов нас уже не удивит факт, что парапсихологи в основном не ссылаются на Кастанеду. Действительно, его книги никогда не рассматривались в солидных парапсихологических журналах Соединенных Штатов, где они могли бы быть. Несколько парапсихологов упомянули, что книги Кастанеды оказались им полезными. Например, Чарльз Тарт, один из первых, кто сделал это, сделал краткое сообщение и меткие замечания в статье «Действительно ли я летал» по дискуссии об астральных проекциях и по поводу применения доном Хуаном психоделиков с целью вхождения в пси-проводящее измененное состояние во время его ученичества. Роберт Ван де Кастл, один из тех парапсихологов, которые ведут экспериментальное пси-изучение в контексте антропологии и парапсихологии (с индейцами куна), приводил трилогию Кастанеды как пример соединения парапсихологии и антропологии. Стенли Криппнер сделал похожие замечания. Философ-парапсихолог Мишель Гроссо сделал краткое замечание по поводу инцидента очевидной астральной проекции в книгах Кастанеды. Антрополог Джозеф Лонг, настоящий лидер в попытке достичь междисциплинарного обмена, проследил действие «феномена Кастанеды» с точки зрения пси-исследования среди студентов-антропологов. Только Элмер и Алис Грин, биологи, интересующиеся проблемами парапсихологии, показали в своих статьях, что приняли без оговорок пси-феномен и большую часть философии дона Хуана. Кроме того, работа Кастанеды явно разожгла парапсихологический интерес у некоторых людей, формально не связанных с этой областью. Так, Калиш и Рейнольдс считают работы Кастанеды ценными как наивное парапсихологическое исследование уцелевших эт-

нических верований. Психолог антропологической ориентации Дуглас Прайс-Вильямс, в чрезвычайно интересной (но, к сожалению, оставшейся неопубликованной до сегодняшнего дня) работе провел три сновидческих эксперимента, в которых Кастанеда попытался послать телепатическое изображение (в двух экспериментах — природу и форму своего *союзника*), при этом некоторые удивительные аналоги *сновидению* имели место, но только в одном случае из эксперимента, в котором принимали участие восемь человек. Однако я хотя и верил в правдивость этого сообщения, оно очень мало говорило про достоверность самих книг о доне Хуане.

Как я могу оценить правдивость или лояльность субъективного сообщения Кастанеды сейчас, когда из этого сделали проблему? Я прочел большинство профессиональных обзоров и аргументов, многие из которых популярны, в пользу и одного и другого мнения. Я обнаружил, что у меня нет достаточной информации, чтобы прийти к обоснованному выводу. У меня есть два отрицательных замечания в отношении Кастанеды: его недостатком является реагировать на критику с помощью предоставленных данных, которые (без определения идентичности его информанта) могли создать вокруг его работы ненадежную атмосферу; и ужасная низкопробщина его пятой книги. Однако, понимая тенденцию Кастанеды описывать гипнотические или галлюцинирующие эксперименты как базовые (такие, которые сами по себе считаются одними из важных философских положений, касающихся природы реальности), я принимаю его парapsихологические положения по измененному состоянию, экстрасенсорности или *опытам-вне-тела* в первых четырех книгах как полностью положительные — хотя их избыток кажется мне неправдоподобным. Другими словами, хотя кто-то и мог возражать по стилю или путанице в субъективном описании пси-детерминированных событий, он должен был посмотреть куда-нибудь еще — например, на их внутреннюю консистенцию, — чтобы определить, может ли рассказ являться лживым.

Пятая книга, однако, имела для меня некоторые свертонa в ее парapsихологических моментах, как тринадцатый удар часов: психическое претендует здесь на начало «знать без границ», как заметил парapsихолог Карлис Осис по отношению к жен-

щине, танцующей в воздухе, и поднял вопрос о правдивости представленной тетралогии. Не считающаяся ни с чем, моя интуиция — или «действие доверия» — говорила, что был такой человек, как дон Хуан, с которым Кастанеда проводил эксперименты, о чем он первоначально аккуратно писал, но что он постепенно приукрасил, изменил и дофантазировал свой опыт. Как вывод — феноменологическая ценность книг о доне Хуане для парапсихологии была сильно скомпрометирована. Это не значит, что все книги выдуманы, серия внезапно теряет силу, чтобы воодушевить кого-то, или передает понимание, касающееся философских размышлений о положении пси-феномена в чью-нибудь концепцию реальности. Часто вымысел подтверждается в необычном, подтверждая реальность природы, которую рассматривает наука. Например, в «Анне Карениной» Лев Толстой предчувствовал на несколько лет вперед некоторые психоаналитические открытия парапсихологии с помощью включения телепатических и непознанных феноменов при встречах, в снах, гипнотической образности любви Анны и Вронского. Но уникальность книг о доне Хуане состоит в том, что мы обладаем всего несколькими субъективными рассказами о том, может ли человек (получивший западное образование) подвергнуться «примитивному» психическому тренировочному опыту — что должно сделать нас осторожными при отборе антропологических или парапсихологических положений, когда их достоверность ставится под вопрос. Таким образом, для меня интеллектуальная и эмоциональная сила этих книг трагически исказилась.

В конце концов, я смотрю на «феномен Кастанеды» — чрезмерное внимание, которое уделяется его работам публикой и антропологами — с похожим чувством недоверия, как и двое моих коллег. Когда грязь очистится и когда выяснится, являются ли работы правдой или вымыслом или тем и другим одновременно, у меня будет некоторое основание полагать, что парапсихология сильно выиграет от того, что так много внимания уделялось Кастанеде. Так или иначе, антропологи, которые были наиболее шумными при защите продолжений книг Кастанеды, не проявили ни знаний, ни интереса к парапсихологии. Я не могу изменить это, но если они или их коллеги, которые находятся в

оппозиции по этому вопросу, уделят часть времени, истраченного ими на изучение Кастанеды, на изучение основ парапсихологии (даже устаревших понятий), толчок для развития антропологии мог бы быть огромным.

К тому же, интенсивность и степень «феномена Кастанеды» часто производила на меня впечатление «бегства от жизни». Это правда, что пси-феномены производят впечатление более последовательных, когда субъект находится в «пси-проводящем состоянии». Также правдой является то, что примитивные культуры признают пси-феномены с большей готовностью, чем западная культура, и развили общественно-одобренные способы добиться контроля над этими феноменами. Но, конечно, не является правдой то, что эти феномены не существуют в нашей культуре. С одной стороны, противоречивая западная культура имеет своих великих психиков, таких как Круазе или Серио, чьи пси-способности прошли серьезные проверки. С другой стороны, мы постоянно сталкиваемся с менее контролируемыми пси-феноменами в нашей повседневной жизни.

Мы просто с детства были нашей культурой приучены отрицать существование этих феноменов; срывать с них маску и разоблачать их суть; называть их «случайностями», «совпадениями» или «фантазией». Конечно, намного безопасней отнести эти феномены (которые очаровывают и пугают нас одновременно, несмотря на наше отрицание их существования) к другой, отдельной реальности, которую можно достичь только с помощью единственного в своем роде, практически недоступного шамана, мага. Итак, наше общество игнорирует намного более восхитительные и, конечно, более надежные данные парапсихологии и невероятным случаям в этой области предпочитает временные встречи с Карлосом и доном Хуаном в стране, далекой от обычной жизни. Это, как мне кажется, является большой трагедией, которая сопровождает полемику о Кастанеде.

25

Нейл Эриксон Семь лет с доном Хуаном

Мы с моими друзьями играли в недостороенном новом доме, бегая друг за другом по выступающим балкам этажей. Мне было восемь лет. Условие игры требовало, чтобы мы укладывали доски через балки этажей, для того чтобы построить переходы. Осторожно шагая по неустойчивой доске, я, как груз в кошмарном сне, сорвался вниз и сильно ушиб свою левую руку.

Болевое ощущение, которое меня оглушило, было действительно новым для меня. Едва способный плакать, полностью находясь в шоковом состоянии, я понимал, что мне надо добраться домой. В панике я пошел искать лестницу. Подъем был трудным. Каждый раз, когда я задевал мою бессильную левую руку, я вздрагивал от парализующей боли. Снова забравшись на балки, я преодолел шестнадцать из них не рискуя, теперь уже очень осторожно.

Придя домой, я закричал маме и папе, что я «сломал свою руку». Как и следовало ожидать, они засмеялись. Папа сжал мою руку, чтобы раскрыть мой обман. Но когда я упал без сознания, они быстро доставили меня к доктору. Рентген показал, что каждый из нас был частично прав.

Вскоре я бегал как обычно и, падая, использовал мой гипс для смягчения падений. Моя загипсованная рука была удобной

для разбивания комков земли или отражения возможных атак товарищей. Когда гипс сняли, я обнаружил, что кожа на руке серого цвета, а не упругая и загоревшая, как обычно. Я расстроился, но солнце и физическое движение восстановили мою симметрию, и сейчас у меня прекрасное телосложение. Через несколько лет я шел по другой доске и упал в другой подвал, и мне было еще тяжелее выбираться оттуда.

Утрата личной опоры

В семнадцать лет я впервые по-настоящему влюбился. Девушка моего сердца была красивой, шестнадцатилетней, сказочного телосложения. Она смеялась над моими шутками и восхищалась моими талантами. Она говорила, что тоже меня любит. Это было всепоглощающее увлечение.

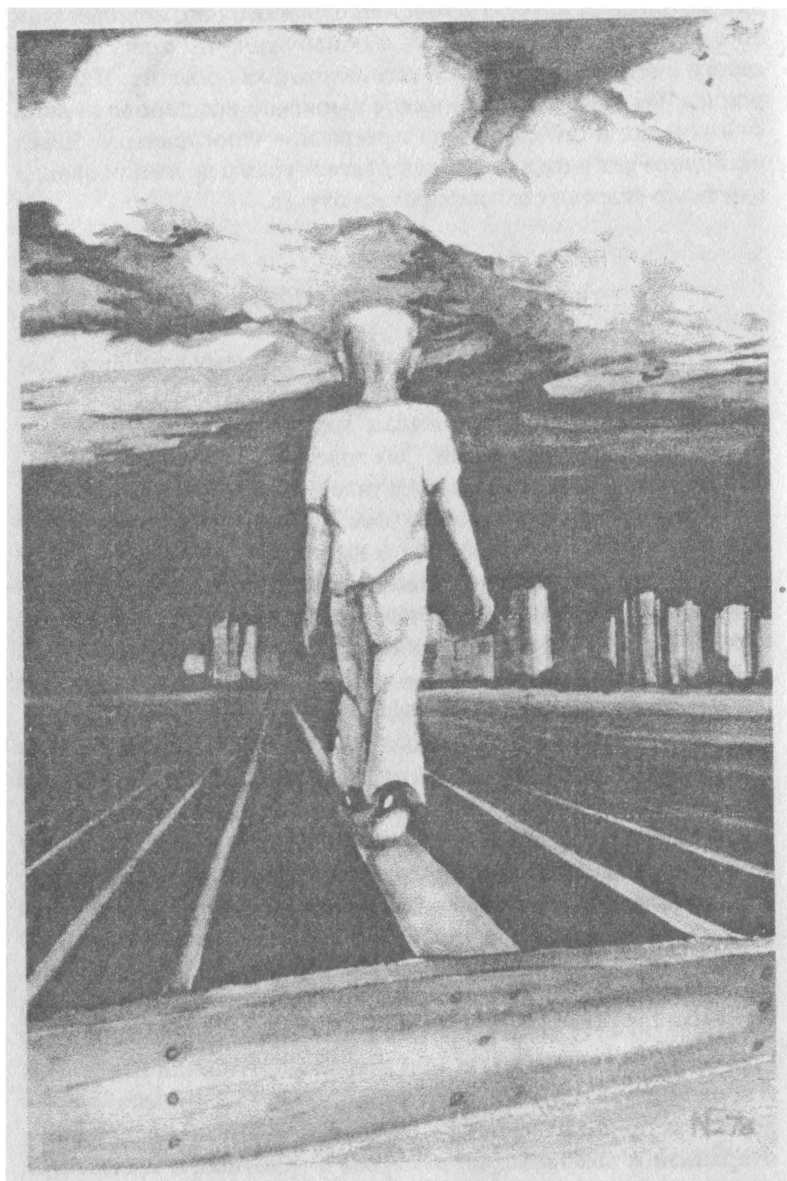
Юность заставляла меня и моих друзей узнавать странные новые миры — безжалостные и жесткие, а также вторжение существ, называемых учителями. Колесо времени катило нас вперед, заставляя нас расти независимо от нашего желания. Основная часть наших энергий направлялась «системой». Нас явно готовили к важным решениям в жизни.

Но некоторых детей интересовало что-то намного большее, чем вступление в светскую жизнь или приобретение богатства. Я был не против этого, имея в кармане доказательства. На мой разум давило чувство, что я должен делать правильно все, чем бы это ни было, получая от ситуации все возможное.

Нетолкая меня в каком-то определенном направлении, мой отец предложил мне выбрать специальность самому. Я подавал надежды в рисовании и мои оценки были подходящими для университета. Единственное, чего у меня не было, — так это уверенности.

Осенью 1971 года я преодолел 760 миль для того, чтобы поступить в университет в Британской Колумбии. Я ненавидел и проклинал каждую минуту, проведенную там. Дирекция университета приглашала профессоров, которые вызывали у меня отвращение, высокомерно выступая с трибуны по пустякам и предоставляя новопривывшим абсолютно непитательную пи-

шу для ума. Я мог бы стать революционером по единственной причине, задевающей меня до глубины души.

После прощания, полного слез, я и моя подруга еженедельно писали друг другу. Но я не мог совладать с ноющей болью, как если бы что-то очень важное исчезло из моей жизни. Вскоре я стал подавленным, стуча в дверь, которая, я знал, была закрыта между нами. Маниакальные письма и глупая ревность заставили ее закрыть дверь с ее стороны. Одним солнечным ноябрьским днем она прислала мне последнее письмо.

В течение этой же недели я бросил университет и начал бесцельно странствовать. Мои родители беспокоились обо мне, но посоветовали мне взять себя в руки и выбрать другой путь.

В январе 1972 года я пошел на курсы инструкторов по лыжам. Я закончил курсы, но не стал работать инструктором. В марте я работал на строительстве. На протяжении 25 дней шел дождь. Так как мечты об успехе, деньгах и любви растаяли, я все мрачнее смотрел на получение конкретного ответа на вопрос о смысле жизни.

Остановка мира

Одним теплым солнечным днем весной 1972 года я встретил дону Хуана. Несмотря на некоторый скептицизм, я отнесся к нему с большим интересом и, направив на него все свое внимание, схватил его всей своей сущностью. В тот вечер я утратил равновесие и попал в новую реальность. Когда я приземлился, мой взгляд на мир разрушился.

Мое тело онемело. Я смотрел на него сзади. Один «я» шел, разговаривал и ел, а другой «я» смотрел за мной, идущим, разговаривающим и поглощающим пищу. В конце концов это раздвоение стало ослепляющим ужасом, недостаточным, чтобы разрушить меня, и слишком большим, чтобы просто отогнать его слезами. Под горячей или холодной водой эти чувства не изменялись. Новую реальность нельзя смыть под душем.

Мой старший брат видел, что я нахожусь в плохом состоянии, но чувствовал, что ничем не может мне помочь. Он был

прав. Я никогда не думал просить о помощи. Где бы я ни был, никто не смог бы прийти на мой призыв о помощи.

Несмотря на то что буря бушевала внутри меня, я оставался внешне невозмутимым. Люди думали, что у меня испортилось настроение или что я сам не свой. Они не могли знать, что я затерялся в незнакомом мире в поисках своей души. Единственным, с кем я говорил, был мой брат.

Поглощенный историей Кастанеды, я полностью в нее поверил. Несмотря на то что я был напуган видом существ другого мира, я изучил способ сотрудничества Кастанеды с союзником. Как и он, я спешил и очень боялся. В отличие от него, у меня не было места для отступления.

Видения под влиянием пейота и стофутовых москитов не спасли меня от ловушки, но когда в *Путешествии в Икстлан* был описан воин, я почувствовал, что наконец нашел спасительную лестницу. Некоторые ступени не выдерживали моего веса, но я мог начать подниматься.

Я отбросил установленный распорядок, утратил собственную важность, приобрел ответственность за поступки, стер личную историю и выбрал смерть своим советником. Никто не знал, что я делал. Даже я. Но чтобы это ни было, я пытался делать это правильно, делать это безупречно.

Подобно Карлосу, я остановил мир и увидел новую реальность. В отличие от Карлоса, я никогда не видел светящегося койота и никогда не встречался с доном Хуаном для бесед. Я мог только дежурить в книжном магазине в ожидании новой книги в надежде, что она сможет вернуть меня обратно к трещине между мирами.

Для обычного мира я шел косолапо, спотыкаясь на каждом шагу. За семь лет я выполнил следующее: на протяжении дождливого месяца я работал на стройке, один месяц работал на лесоповале, девять месяцев в школе искусств, восемь месяцев работал в автосервисе, около месяца — случайные работы и пять месяцев на отцовской ферме. Четыре года куда-то пропали. Я знаю, что я провел много времени, занимаясь починкой радиоаппаратуры, но теперь я его совсем не помню.

Весной 1976 года я ехал на своем маленьком спортивном автомобиле по берегу Орегона по направлению к Сонорской

пустыне. Через месяц я добрался до Долины Смерти. У меня оставалось достаточно денег, чтобы добраться до страны индейцев яки, но, подобно Карлосу, я знал, что мое время еще не пришло. Вместо этого я поехал в Диснейленд.

Вернувшись домой, я испытывал чувство удовлетворения от жизни, как дон Хуан, без видимых причин. Несмотря на это, у меня накопилось много страховок по безработице, а также я задолжал годовую ренту своему отцу. Всякий раз, когда семья или друзья начинали качать головой, я объяснял им, что веду жизнь воина. Это было перед тем, как я превратился в птицу, а тогда я все еще был ослом.

Настоящий полет

Далее я открыл свободное парение. На протяжении полутора лет я готовил себя к полету, читая каждую доступную работу по культу свободного парения у народов Северной Америки. Осенью 1977 года я купил воздушный шар.

Все вокруг человека — я любил говорить это тогда — испытывает, проверяет его силу. Если вам не удастся распределить точки давления, силы мира могут ... ох ... переполнить и разрушить вас или что-то другое. Мой воздушный шар имел самые современные аэродинамические характеристики. Я верил, что он унесет мой светящийся шар в мир силы и приземлится в безопасном месте.

Полет на высоте трех тысяч футов пугает и ужасает. Я показал некоторую компетентность и не делал слишком больших ошибок — их у вас много не накопится во время свободного парения. Но великолепие, которое я увидел во время полета, не было тем миром, который я искал. В марте 1978 года четверо из нас поехали в Керемос на пасхальные полеты. Ник сломал крыло под Рождество и заменил его жестким крылом, оставшимся от прежнего владельца. Джун приехала одна, чтобы быть с Ником. Сэм был с фургоном.

В Керемосе был плохой ветер, поэтому мы переместились в Суйосо. У нас с Сэмом получилось несколько полетов в мощных воздушных потоках, но Нику это место не понравилось. Ни

у кого не было энтузиазма. Возвратившись в мотель, я заговорил о том, чтобы бросить спорт, рассказывая, что я больше люблю лыжи. Сэм сказал, что ему нужен другой способ. Ник озабоченно размышлял. Я приготовил чили, Сэм угощал нас вином, мы дразнили Джун и смеялись над шутками Ника.

На следующее утро начался ветер, скорость которого достигала 40 миль в час. Небо было покрыто облаками. Ник не мог найти подходящего места, а Джун заявила, что она готова вернуться в Ванкувер. Около полудня ветер стих, но в воздухе чувствовалось напряжение. Сэм взлетел в 2 часа. Я приготовил снаряжение и подождал, пока воздух успокоится. В три часа скорость ветра установилась между 15 и 25 милями в час. Несмотря на мои опасения, воздушный шар поднял мой вес, и я летал двадцать минут.

Ник взлетел сразу после меня. Его полет был очень коротким. Я был единственным из троих, кто нашел его. Прибыла скорая помощь и санитары унесли его с горы. Они также принесли известие, что воздухоплаватель скончался в Керемосе.

Джун была глубоко взволнована, в глазах у нее был немой крик.

«С Ником все в порядке?» — спросила она.

«Нет». Я почувствовал, что погружаюсь в сон. «С ним не все в порядке, Джун». Я с трудом контролировал себя. «Он умер».

Ее крики врезались в мою память.

Пристрастие игуота

Ранним летом 1978 года я купил мотоцикл, который нужно было еще отремонтировать. На его ремонт ушло 500 долларов. В течение месяца я гонял на нем бесцельно, коллекционируя талоны за превышение скорости. Как-то утром, быстро набирая скорость, я потерял заднее колесо. Оно по инерции катилось, догоняя переднее. Я вылетел на тротуар. «Трам-тара-рам!» — покатился мой шлем.

Силы мира сего, я *видел*, потеряли терпение. Я продал мотоцикл. Папа сказал, что он будет продолжать поддерживать

меня, если у меня хоть что-то будет в голове. Все, что у меня было в голове, — это *знание*, но *знание чего?*

Идиот продолжал выпрыгивать из меня и оставаться на минуту или месяц. Я пытался избавиться от него, цепляясь за твердые слова дона Хуана, чьи ответы были такими великими. Всякий раз, когда эти слова не звучали величественно, я ругал себя или Кастанеду. Каким-то образом я чувствовал, что дон Хуан приведет в порядок окружающий меня мир, если только я смогу найти его и поговорить.

Продав все, что принадлежало лично мне, я одолжил рюкзак у брата и был готов ехать на юг снова. 26 сентября я находился на пути в Калифорнию, возможно, в Мексику. И хотя я уже подозревал, что идиот слеп, я взял его с собой в качестве проводника. По пути я встретил много других бродяг.

Встречи со знанием

Наш автобус остановился на полчаса для обеда. Я осматривал станцию. Перед окном не было ни одного седовласого индейца, поэтому я вышел побродить. Зайдя в книжный магазин, я нашел отдел по любимой теме.

«Кастанеда пишет чудь! — рявкнул владелец. — Платон говорил, что раньше было намного лучше». Видя, что на меня это не произвело впечатления, он предложил мне дать книгу Платона, но не нашел ее. Торопясь обратно на станцию, я увидел, что мой автобус выезжает из города без меня.

Станция была пуста. Через несколько часов она заполнилась снова.

Боб и Дейл ехали в Зигзаг, Орегон, чтобы посмотреть на новорожденного племянника Дейла. Боб натянул бейсбольную кепку так низко, что должен был откидывать голову назад, чтобы посмотреть на меня. Дейл одолжил голубой костюм у своего кузена. В плечах он был ему хорош, но его кузен был на четыре дюйма ниже его.

Дейл спросил меня, хорошо ли завязан старомодный узел его галстука. Худощавый старик в бифокальных очках повернулся и, не говоря ни слова, начал перезавязывать галстук Дейлу.

Как будто по волшебству появился виндзорский узел. Старик вернулся к своему занятию, собирая сигаретные окурки и высыпая табак из них в маленький мешочек. Дожив до настоящего времени, я думаю, что дон Хуан не был бы таким дряхлым.

Следующая остановка была в Сан-Франциско. Здоровый на вид парень по имени Бивэн пригласил меня в дом. Видя, что он сподругой, я пошел осмотреть предложенное ими место. Здание представляло собой многоквартирный дом, а люди выглядели очень дружелюбными. Я зарегистрировался в журнале посетителей и заплатил доллар за ужин.

Так как там не было мебели, мыли на полу. Около тридцати людей спели 40 песен, которые обычно поют возле лагерного костра. Симпатичная девушка играла на гитаре. При исполнении «Лунной сонаты» публика пришла в восторг.

Молодая женщина прочитала вдохновенную лекцию, используя во время нее доску и мел. Каждый убеждал меня посетить ферму площадью 680 акров. Нет, спасибо, сказал я. Все выглядели расстроенными. Я сказал Бивэну, что, если он действительно любит меня как брата, он должен уважать как мое решение уехать, так и мое решение остаться. Логiku и смысл этого он не смог отрицать. На этом мы пожали друг другу руки, я радостно продолжил путь.

Объяснение бенефактора

Второго октября рано утром я приехал в Санта-Барбару. Позвонив своему другу Билу и не дождавшись ответа, я блуждал вокруг в ожидании открытия магазинов. Прошло девять месяцев со времени выхода *«Второго кольца силы»*. Поэтому мои надежды на появление новой книги Кастанеды возросли. Но я не был готов к той, которую нашел.

Что это? Еще одна слабоумная пародия? Нет, но этот парень не может проглотить все истории Кастанеды. Символично. Достоверность будет находиться под вопросом, если он не предоставит полевые записи. Ну, может быть, но ... Карлосу 53 года? Я ... Эй, подождите минутку! Он был женат? Карлос и Кастанеда? Это остроумно, но ... как насчет университета UCLA? Ой-ой-ой!

Дальнейшие главы были четко нацелены на воскрешение разума. Я даже не мог отвергнуть этого вдохновляющего старого пердуна дона Хуана, по крайней мере, не все. Систематически и качественно слова становятся правдивыми и обезоруживающими, навсегда разрывающими мои светящиеся нити с миром Кастанеды.

У меня была эйфория. Я читал их снова и снова. Он прав! Плутина внутри меня прорвалась. Затем я вспомнил шесть лет, почти семь, которые ушли. Какой дурак сделал бы это с собой? Только тот, кого я имею в виду. И только везение дурака вернуло меня к жизни. В любой момент я мог быть потерян для себя безвозвратно.

«Путешествие Кастанеды» было опубликовано в Санта-Барбаре. У меня было определенное чувство, что автор тоже живет там. Дирекция дала мне номер Ричарда де Милля. Я был уверен, что он тот, кто нужен. Целый день я рассказывал своим друзьям о книге. Когда я обнаружил запись, указывающую на то, что автор живет в Санта-Барбаре, я понял, что должен позвонить ему.

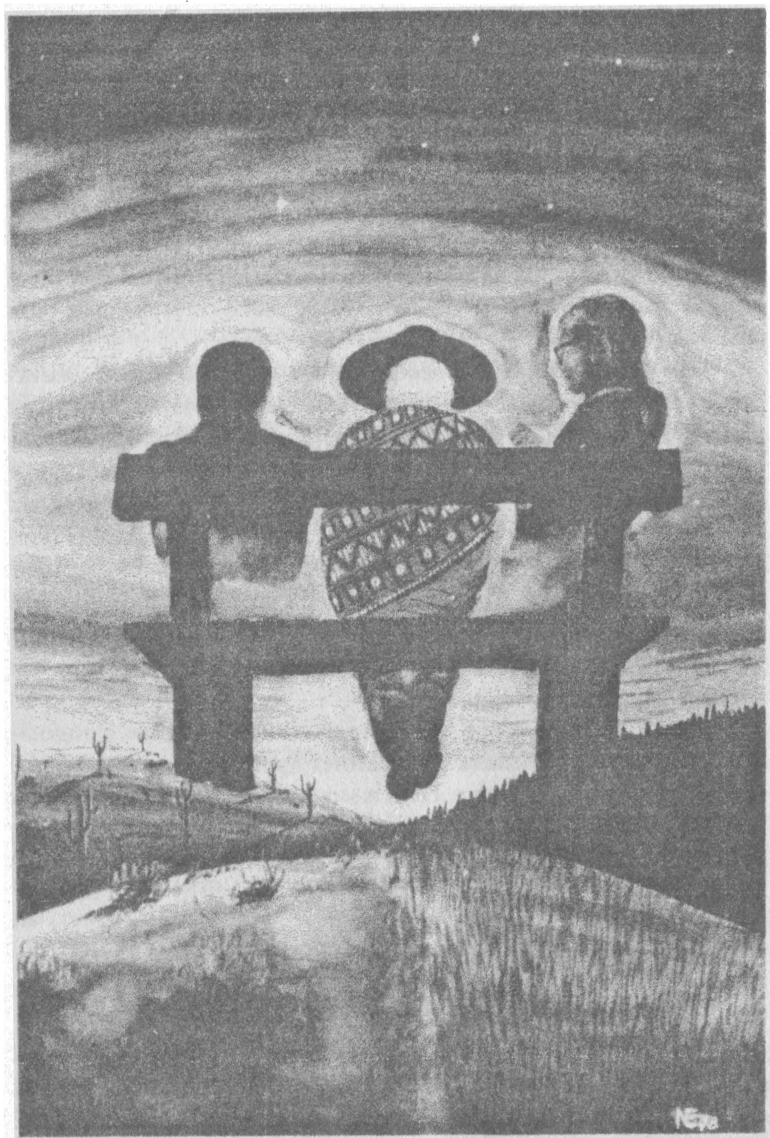
Я позвонил ему. Я спросил, не он ли это? Он сказал, что это он. Я не знал, с чего начать, но я болтал очень быстро. К моему удовлетворению, он слушал долго. Затем он спросил, не смог бы я написать.

Думая, что он имеет в виду «передохни, дружище», я подождал объяснения. Он сказал, что пишет другую книгу и хотел бы опубликовать мое мнение. Если я могу написать это, он мог бы прочитать. Мы бы начали с этого. Он мог оплатить мне только копию книги, но он бы поверил моему авторству. Он попросил меня написать тысячу слов.

Путешествие к Эриксону

Через минуту после того, как мы закончили телефонный разговор, я начал описывать мою личную историю. Закончил я ее через неделю в Ванкувере. По дороге я нашел Карлоса и дона Хуана сидящими на трансцендентальной скамейке, поэтому я решил рассмотреть ее отдельно с ними.

Когда я писал книгу, я рассказывал им — о приобретении богатства, славе, силе, абсолютном контроле над всем реальным. Дон Хуан выслушал это как джентльмен, но Карлос отверг и не захотел рассматривать это как игру. Понимая, что он или я должен победить, я безжалостно работал над улучшением моих аргументов. Каждый, с кем я встречался, должен был выслушивать их.

В это время я забывал есть и спать. Моя способность рассуждать неуклонно уходила прочь. Папа позвонил мне и сказал, что пришло письмо от Ричарда де Милля. Я проехал 40 миль к ферме так спокойно, как только мог, но как только я вскрыл письмо, все слова разбежались передо мной. При каждом повторном чтении у меня возникало различное понимание написанного.

Я неясно осознавал, что пришло мое время и должно наступить испытание. Я должен был повернуться лицом к силам мира.

«О, Нил!» — очень грустно вздохнула мама, когда она увидела, что я раздеваюсь.

«Не волнуйся, — хотел я ей сказать. — Это не будет долго продолжаться».

В действительности я ничего не мог ей сказать. Раздетый, я вышел в бушующую ночь, готовый, если необходимо, умереть.

Папа взял меня за руку и попытался затянуть в дом. Я пригрозил ему, и он вернулся домой. Мама сохраняла спокойствие. Они оба упрашивали меня вернуться в дом, укрыться от холода и дождя, но я проигнорировал их просьбу. Холод и дождь не значили для меня ничего. Мысли и чувства были бесполезны. Постепенно мир погрузился в тишину. Затем я остался в одиночестве.

Папа поднял мое тело с земли и отнес к дому. Удар грома и черной молнии потряс его и сделал крепким, как сталь. Я перешел в область *нагваля*.

Захлопнулись ворота сада, и мое тело стало невесомым (изменения, которые мой отец не подтвердит). Голоса говорили со мной с расстояния. Я прислушивался к ним. Мама и папа говорили и каким-то образом были новыми. Мы были снова внутри дома, и я снова был жив.

Следующие два месяца моя семья заботилась обо мне, они помогали и с любовью поддерживали мое тело во время путешествия моей души в другой мир. Благодаря им я все еще существую на этой земле. Удачливый воин находит в своем саду больше чем ностальгических птиц и воображаемых магов. Удачливый воин находит друзей.

Это была правдивая история моих семи лет, проведенных с доном Хуаном, и моего путешествия к Эриксону. Некоторые имена были изменены, чтобы не причинить вред. Я думал назвать историю «Семь лет с ложным гуру — это больше, чем человек может выдержать», но я нашел это слишком сложным, и вообще, воин встречает свою судьбу безупречно; он никогда не жалуется на нее.

26

Ричард де Милль Расскажите это толтекам

Уничтожающее, садистское и чрезвычайно злобное произведение, написанное высокоинтеллектуальным извращенным человеком, чья контролируемая глупость совершенно неуместна», — так описал *Путешествие Кастанеды* один из последователей дона Хуана. Другие возвращали книги в магазин, хлопали ими по прилавку, требовали компенсации. Один из них, вместо того чтобы просто обменять эту вредную вещь на деньги, искренне решил изгнать из нее злой дух Антихуана, сжигая страницу за страницей. Первый, кто почувствовал глубокое возмущение от правдивости произведения, был Дональд Бартхелм, чья пародия на *Учения*, вышедшая в *Нью-Йорк Таймс*, вызвала письмо, в котором дон Хуан сравнивается с Иисусом, а Бартхелм с Р. Крамбом.

Обзор моей книги в *Лос-Анжелес Таймс* остановил спор, который длился восемь месяцев. Брюс Ансельмо назвал де Милля «потрясающе конъюнктурным и поверхностным интерпретатором», одновременно расхваливая Кастанеду за то, что тот не ищет ни денег, ни славы и призывая к интенсивному изучению американской индейской магии, чтобы проверить утверждения Кастанеды. Ральф Билз критикует Ансельмо и раскрывает ему секрет, что в библиотеках его ожидает огромное количество литературы по этнографии для глубокого изучения.

Работая над тем, чтобы объяснить противоречия в книгах Кастанеды, Г. Д. Норделл убеждает нас с помощью безоговорочных предположений, что Матвей, Марк, Лука и Иоанн были простыми евангелистами, которые писали противоречивые проповеди для того, чтобы заработать звание доктора философии. Карл Харпон считает, что противоречия служат ловушками, чтобы увлечь читателя. Роджер Петерс обвиняет «академических бюрократов» в пресечении отдельной реальности, вследствие чего Ральф Билз снова появляется, исповедуя свое «прошлое лицемерие», и раскрывает раннее ученичество у старшего брата дона Хуана, во время которого Билз получил тексты всех своих ученых работ от Нагваля, умиловленного семью тыквенными бутылками ферментированного ананасного сока. Поднимая вопрос о католичестве, но преследуемый чувством бессилия в жестоком мире, Джонатан Ламаль заявляет, что прекрасная моральная сила дона Хуана помогла ему, как никакое другое современное произведение. Напоминая о последнем прыжке Карлоса в *нагваль*, Ламаль пишет: «Если что-нибудь другое поколеблет мою веру в кастанедовскую правдивость, это будет другой книгой». Через четыре месяца появилось *Второе кольцо силы*. Обманщик не является простым учителем.

Кто бы ни разрушал учреждение нового освободителя, он всегда жалуется, но дон Хуан, должно быть, сделал что-то правильно, потому что ни одна из жалоб или писем, которые я получил, не были низкодуховными. Большинство жалело меня за непонимание работ в действительном свете и пытались помочь мне стать светящимся существом. Корреспондент, который не читал моей книги, посоветовал мне почитать книги Кастанеды более внимательно и спастись ими. Другой посоветовал более внимательно прочитать мою собственную книгу и спастись ею. Третьи по секрету сообщали, что их доверенным лицом была змея.

Молодой человек позвонил мне, чтобы сказать, что ехал в Мексику, чтобы найти школу духовного исцеления в месте силы между двумя нераскопанными пирамидами. Нагваль и *Nagas* были связаны между собой, сказал он. А где он мог бы прочитать больше о *emic* и об *etic*? Я предположил статью, но предостерег,

что она может показаться немного специальной. «Если я смогу засветить ее внутри себя, — сказал он, — мне удастся понять ее».

Ученик Карлоса написал, что ему очень понравилось *Путешествие Кастанеды* и он даже подумал, что Карлос мог написать его, поскольку, как он говорит: «я являюсь одним из тех людей, кого вы цитируете в ней». Карлос научил его упражнениям, которых нет в книге, но я мог бы найти новые упражнения в них, если бы я выписал некоторые отрывки. Карлос мог вызвать гипнотический транс без ведома человека, но он был слишком робким, чтобы состязаться в силе со своими учителями. Противоречия в его тексте были внесены редакторами, которые сокращали и компоновали его в меркантильных интересах. Карлос не мог объяснить все в своих книгах, потому что ему было запрещено говорить о своей истории полностью. Хотя он говорил очень искренне, многое о сексе он опустил. Ученик похвалил мое желание узнать правду и сказал, что мой учитель найдет меня раньше или позже. Он настаивал на моем разговоре с Чарльзом Тартом. Он обнаружил, что другие ученики дона Хуана стерли свои личные истории перед написанием своих книг. Они не дали им названий и не подписались.

Тимоти Мартин был учеником, который подписал свое имя. Он в 1977 году послал в департамент по антропологии письмо, предлагая провести лекцию о системе знаний, идентичной системе дона Хуана, но полученной от учителя, которого звали Иисус Мигель, и бенефактора — Маргарет Кастильо, женщины с прекрасным *тоналем*. Первая встреча с Мигелем произошла летом 1969 года в Аризоне. Увидев старого, но проворного индейца на обочине дороги, Мартин подошел и задал ему вопрос. Индеец не хотел отвечать, но Мартин настаивал. Хотя старый человек не претендовал на то, что он знает, чего хочет Мартин, и действительно действовал так, будто Мартин сумасшедший, он уже увидел, что Мартин может стать хорошим магом. Вскоре после этого началось ученичество.

Учение Мигеля приходило к Мартину в *сновидениях*, но еще чаще во время прогулок, когда Мартин входил в настроение воина. После того как Мартин был послан за океан, Мигель продолжал обучение с использованием восьми точек на теле Мартина. Иногда другой маг, мнимый друг Мигеля, учил Мар-

тина приемам охоты. Вернувшись в Соединенные Штаты, Мартин начинал и бросал работу с коллегами, пытаясь уйти от занятий магией, но затем все равно чувствовал потребность к ней вернуться. Когда развились серьезные психосоматические симптомы, магия устранила их, но и поймала Мартина. Хотя и меньше, чем на Кастанеду, но на Мартина знакомство снагвалем произвело большое впечатление. Глубокое ущелье грозило похоронить его в результате оползня. Открывая дверь своей квартиры, он был встречен потоком взрывов и желудочных спазмов. Он убежал ночевать в мотель. На следующий день атакующие исчезли. Самое худшее, что он увидел, прижимаясь к полу, «скуля и дрожа, как грызун, ожидающий экзекуции», была спокойная, полупрозрачная энергетическая воронка в два фута шириной, которая находилась в его комнате. Через два года он был атакован подобным же образом, но к тому времени он успел изучить магию в достаточной степени, чтобы защититься.

Магия — название системы знаний Мигеля-Кастильо, которая имеет с магией дона Хуана много общего: сила соответствует энергии, направляющий — мага, бродяга — охотнику, великий маг — человеку знания, лазар — союзнику, также используется прекращение процесса мышления для остановки внутреннего диалога. Мартин увидел движение веток дерева, что было угрожающим знаком, направленным против человека, и расправил крылья восприятия. «Сейчас, — сказал он, — я могу жить только избрав путь мага». Представители деловых кругов Лос-Анжелеса не давали ему жить таким образом. Его саморазрушающее поведение угрожало его бизнесу. Деньги и положение не помогали. Однажды он встретил Катанеду и начал брать у него уроки о пути воина. Как по волшебству, саморазрушение прекратилось, бизнес был спасен. Не было слов, которые могли бы выразить благодарность дону Хуану. Когда он услышал о *Путешествии Кастанеды* и его идее, что учитель, который спас его, является выдуманным человеком, он вначале почувствовал отвращение, а затем разъярился. Как человек, имеющий некоторое влияние, он дал клятву прекратить клевету. Как благоразумный человек, он стал предварительно расспрашивать некоторых людей в Лос-Анжелесском университете (UCLA), могут ли они чем-то помочь в этом. Результат был

ошеломляющим. Ответы были далеки от успокоения. Как человек дела, он с грустью воспринял факт, что излечен мистификацией. К счастью, учение было испытано временем раньше, чем учитель.

Максимилиан Е. Обермайер, физик из Лос-Анжелеса, рассказал мне, что я мог не утруждать себя написанием *Путешествия Кастанеды*, поскольку такой простой факт, что я остался жив после написания книги, был достаточным, чтобы удостовериться, что Кастанеда не обладает никакими магическими силами, которыми он мог бы убить меня. Я заметил, что если бы я не написал книгу по тестам достоверности магии Обермайера, то Кастанеда не мог иметь никаких причин быть оскорбленным.

Я хочу выразить благодарность редактору Судьбы Роберту Холбруку из Уоррена, штат Онтарио, который считал, что учение дона Хуана происходит от толтеков, как говорил об этом и Кастанеда. И не имеет значения, существовал ли в действительности дон Хаун, так как «мы все — призрачные проекции один другого». Необоснованное, невежественное, противоположное мнение Судьбы, как заявил Холбрук, «было основано на *Путешествии Кастанеды* Ричарда де Милля, глупой книге, которую я не читал».

КНИГИ «СОФИИ»

Карлос Кастанеда

- Т-1 "Учение дона Хуана",
- Т-2 "Отдельная реальность",
- Т-3 "Путешествие в Икстапан",
- Т-4 "Сказки о силе",
- Т-5 "Второе кольцо силы",
- Т-6 "Дар Орла",
- Т-7 "Огонь изнутри",
- Т-8 "Сила безмолвия",
- Т-9 "Искусство сновидения"

Кн.1: Флоринда Доннер "Жизнь-в-сновидении"

Кн.2: Флоринда Доннер "Шабано"

Кн.3: Флоринда Доннер "Сон ведьмы"

Томас "Обещание силы" (словарь понятий К. Кастанеды)

Тайша Абеляр

"Магический переход (Путь женщины-воина)"

Дар Нагваля 1

"Психоэнергетические практики Карлоса Кастанеды"

Дар Нагваля 2

"Психоэнергетические практики Карлоса Кастанеды"

Арнольд Минделл "Дао шамана: путь тела сновидения"

Кен Орлиное Перо "Тропа Толтеков"

Альберто Виллодо "Четыре направления — четыре ветра"

Стивен Лаберж "Осознанные сновидения"

Стивен Лаберж "Практика осознанных сновидений"

Дайджест №1 "Мир Карлоса Кастанеды"

Дайджест №2 "Мир Карлоса Кастанеды"

Кн.1: Ричард Бах "Нет такого места «далеко»",

"Чайка Джонатан Ливингстон",

"Иллюзии",

"Единственная"

Кн.2: Ричард Бах "Мост через вечность"

Кн.3: Ричард Бах "Дар тому, кто рожден летать"

Кн.4: Ричард Бах "Ничто не случайно"

Кн.5: Ричард Бах "Один на земле",
"Биплан"

Франклин Меррелл-Вольф "Пути в иные измерения"

Дж. Кришнамурти "Свобода от известного"

Дэйтаро Тайсэцу Судзуки

"Мистицизм: христианский и буддистский"

Олдос Хаксли "Остров",
"Врата восприятия",
"Небеса и ад"

Кн.1: Джон Лилли "Центр циклопа";

Рам Дасс "Зерно на мельницу"

Кн.2: Джон Лилли "Программирование и метапрограммирование
человеческого биокомпьютера";

Рам Дасс "Это только танец"

Джон Лилли "Парный циклон"

Рам Дасс "Путешествие к пробуждению"

Алан Лео "Астрологический словарь"

Ллевеллин Джордж "Астрология от А до Я"

Кн.1: Марион Марч, Джоан Мак-Эверс

"Лучший способ выучить астрологию"

"Основные принципы"

Кн.2: Марион Марч, Джоан Мак-Эверс

"Лучший способ выучить астрологию"

"Математические методы и техника
толкования"

Кн.3: Марион Марч, Джоан Мак-Эверс

"Лучший способ выучить астрологию"

"Современные методы анализа гороскопа"

Кн.4: Марион Марч, Джоан Мак-Эверс

"Лучший способ выучить астрологию"

"Предсказание будущего"

Кн.1: Алан Уотс "Путь Дзэн"

Кн.2: Алан Уотс "Книга о Табу"

Кн.3: Алан Уотс "Дао — путь воды"

Чогьям Трунгпа

"Преодоление духовного материализма",

"Миф свободы и путь медитации",

"Шамбала. Священный путь воина"

Кн.1: Лобсанг Рампа "Ты вечен"

Кн.2: Лобсанг Рампа "Шафранная мантия"

Кн.3: Лобсанг Рампа "Доктор из Лхасы"

- Кн.4: Лобсанг Рампа "История Рампы"
 Кн.5: Лобсанг Рампа "Пещеры древних"
 Кн.6: Лобсанг Рампа "Жизнь с ламой"
 Кн.7: Лобсанг Рампа "Мудрость древних"
 Кн.8: Лобсанг Рампа "Третий глаз"
 Кн.9: Лобсанг Рампа "Главы жизни"
 Кн.10: Лобсанг Рампа "За пределами 1/10"
 Кн.11: Лобсанг Рампа "Отшельник"
 Кн.12: Лобсанг Рампа "Огонь Свечи"
 Кн.13: Лобсанг Рампа "Сумерки"

Питер Кэлдер "Око возрождения";

Шри Свами Шивананда "Йогатерапия"

Жак де Лангр "До-Ин"

Мантэк Чиа "Цигун «Железная рубашка»"

Кн. 1: Мантэк Чиа, Мэниван Чиа "Дао — пробуждение света"

Кн. 2: Мантэк Чиа, Мэниван Чиа "Дао — пробуждение света"

Мантэк Чиа, Мэниван Чиа

"Нейгун — искусство омоложения организма"

Мантэк Чиа, Мэниван Чиа "Слияние пяти стихий"

Б. К. С. Айенгар "Пранаяма — искусство дыхания"

Д. В. Керни "Современная магия водолечений"

Бонни Гринвелл "Энергия трансформации
 (путеводитель по кундалини)"

Чжоу Цзунхуа "Дао Тайцзи-цюаня"

Чжэнь-гун "Внутренние энергии в Тайцзи-цюане"

Такаши Накамура "Восточная дыхательная терапия"

Лев Тетерников

"Сопитанный тантрический танец йоги с партнером"

Валерий Момот "Мистическое искусство ниндзя"

Чжан Юкунь "100 вопросов по у-иу"

Ден Минь Дао

"Воин на пути знания (дао повседневной жизни)"

Луис В. Миллмэн "Мистический секс"

Кейт Харари, Памела Вейнтрауб

"30-ти дневный курс осознанного сновидений"

Кейт Харари, Памела Вейнтрауб

"30-ти опыта внетелесного осознания"

Чжан Миньву, Сунь Сингьюань

"Китайская Цигун-терапия"

В. Заложный "Жемчужины Цигун"

Авессалом Подводный "Целительство"

кн 1 — "О, Текучая!"

кн 2 — "Эзотерический массаж"

кн 3 — "Введение в анатомию: структурный массаж"

- Кн. 1: Дион Форчун "Лунная магия"
 Кн. 2: Дион Форчун "Жрица моря"
 Кн. 3: Дион Форчун "Мистическая Каббала"
 Кн. 4: Дион Форчун "Психическая самозащита"
 Кн. 5: Дион Форчун "Источник силы"
 Кн. 6: Дион Форчун "Эзотерическая философия любви и брака"

- Кн. 1: Владимир Шмаков
 "Священная книга Тота. Великие Арканы ТАРО"
 Кн. 2: Владимир Шмаков
 "Закон синархии"
 Кн. 3: Владимир Шмаков
 "Основы пневматологии"
 Г.О.М. "Курс энциклопедии оккультизма"
 Ю. Николаев "В поисках Божества"
 В. Томберг "Медитации на ТАРО"
 Мирослав Павич "Хазарский словарь"

- Ирвин Шэтток "Сатипаттхана. Опыт внимательности;"
 Дэниел Голмен "Многообразие медитативного опыта"
 (Серия "ПУТЬ")
 Дион Форчун "Современная психическая защита";
 Шафика Карагулла
 "Прорыв к творчеству" (Серия "ПУТЬ")
 Борис Сахаров "Открытие третьего глаза";
 Сильван Мульдон
 "Проекция астрального тела"(Серия "ПУТЬ").
 Колин Уилсон "Паразиты сознания"
 Вильям И. Томпсон "Острова вне времени"
 Луи Повель, Жак Бержье "Утро магов"
 Джефффри Миншлав "Корни сознания"
 Жак Саду "Алхимики и золото"
 Рэймонд А. Моуди
 "Жизнь до жизни",
 "Жизнь после жизни"
 Э. Бэббитт "Основные принципы света и цвета"
 Уэйн Дайер "Быть свободным"
 Мэнли П. Холл "Самораскрытие"
 Стивен Левин "Кто умирает"

Издательство "СОФИЯ" заинтересовано в творческом сотрудничестве с авторами, переводчиками, центрами: астрологическими, оккультными, эзотерическими; с частными лицами, а также с реализаторами книг.

Телефон в Киеве: (044) 265-09-40

Пункт розничной продажи: Инженерный переулок, 4Б, магазин «Обрій»
тел. 290-04-12

Представительство в Москве:

ООО "СОФИЯ — Москва", 109125, Москва, а/я 15, ул. Саратовская 8/1,
телефон (095) 919-87-07, 177-91-16.

e-mail: ina@sophya.kiev.ua

Корректурa

Е. Введенская

Е. Ладикова-Роева

Т. Зенова

Оригинал-макет

И. Петушков

Подписано к печати 20.06.96 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Миньон». Усл. печ. л. 18,00.
Усл. краск.-отт. 18,00. Уч.-изд. л. 19,60. Зак. 7285.
Цена договорная. Тираж 5000.
«София», Ltd. 252055, Киев-55, ул. Горького, 47

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.